

2 ПАРАЛЛЕЛИ PARALELÈS

"БАЛТОСЛАВИЯ"- РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ СВЯЗЕЙ ТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

PROJECT PART - FINANCED BY THE EUROPEAN UNION
ПРОЕКТ СОВМЕСТНО ФИНАНСИРУЕТСЯ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Валерий ГУБАРОВ	4
Слово к читателю	
Арвидас ЮОЗАЙТИС	5
Новое начало - Балтославия	
Андрей БИТОВ	7
Птицы, или осознание человека	
Андрей ТОЗИК	17
Стихи	
Арвидас Юозайтис	19
Царьград – без царя	
Константин РОЖКОВ	27
Балтийское Лукоморье	
Вячеслав КАРПЕНКО	33
Проигранная битва Homo Ludens?	
Светлана ВИКАРИЙ	37
Испанский синдром	
Александр РУШЕВ	47
Русские, которые не нужны России	
Римантас ЧЕРНЯУСКАС	51
Пьяный корабль Густас	53
Казимеж БРАКОНЕЦКИ	54
Стихи	
Олег ГЛУШКИН	56
Миниатюры	

Валентин ЧЕРНОУХОВ 59
Девушки, водка и лимузин

Христиана СПИГЕЛБЕРГ 63
Благородные птицы

Clandestinus 73
Зеркальный храм

80
Развитие общего культурного про-
странства еврорегиона «Неман»

С.В. ШИБАЕВ 81
А. ДОМАРКАС

Общая характеристика проекта
ТАСИС «Развитие научно-техническо-
го обеспечения условий воспроизвод-
ства рыбных запасов

Валерий ГУБАРОВ
глава МО «Зеленоградский район»

Дорогие читатели!

Журнал, который сегодня вы держите в руках – новый и в чем-то необычный для региона проект, появление которого, тем не менее, совершенно закономерно.

Калининградская область, российская земля в центре Европы, не могла не стать регионом, связующим и объединяющим народы, живущие на балтийском побережье. История этой земли – это наша общая история; та история, которая не может быть уже приписана одному народу или одной какой-то стране.

И закономерно участие в этом проекте Зеленоградска, города, ведущего свою историю от знаменитого Королевского курорта Кранц, бывшего в XIX – начале XX века не только местом отдыха, но и местом, где в неформальной обстановке встречались политики, деятели культуры и искусства; где устанавливали контакты, находили вдохновение и испытывали озарения.

Зеленоградск, российский курорт, расположенный на живописном балтийском берегу в центре Европы, сегодня прекрасно подходит для встреч политиков, журналистов, деятелей науки и культуры. Здесь проходят семинары, форумы и конференции, которые служат не только решению текущих вопросов, но и создают основу для серьезного долгосрочного сотрудничества. Среди них особо хочется отметить Столыпинский культурно-экономический форум, который впервые прошел в нашем городе в сентябре этого года. Этот форум, собравший гостей не только из разных уголков России, но и из-за рубежа, еще раз доказал, что для нормального развития общества необходима не только экономическая составляющая. Именно культура и интеллект составляют главный потенциал государства – тот потенциал, без которого вообще невозможно какое-либо поступательное движение.

И нельзя забывать, что будущее страны мы создаем сами, здесь и сейчас. Та атмосфера, в которой растут наши дети, определяет историю мира. И очень важно, чтобы они с детства соприкасались с гармонией, видели и понимали, что все мы живем в одном большом доме. А это возможно лишь благодаря знанию и традиций, и истории не только собственной, но и соседей.

Арвидас ЮОЗАЙТИС

Атташе по культуре Генерального консульства Литовской Республики в Калининграде

НОВОЕ НАЧАЛО – БАЛТОСЛАВИЯ

С раннего детства мы постигаем, что мир не является единым и однообразным, – вокруг нас колышутся миры семьи, двора, улицы, друзей. Благодаря всему внешнему мы становимся людьми, постигаем собственное значение и смысл жизни. Человеческая зрелость оценивается восприимчивостью и открытостью, возможностью превращать изначально чужое в своё. Ибо нам предопределено двигаться за горизонт.

Литва и Калининград не являются по отношению друг к другу чужими реальностями – мы соседи. Именно соседи, а не заграница. Калининградская область Российской Федерации и

Литовская Республика соприкасаются географией и границами, переплетается исторической судьбой, – это происходит уже на протяжении 60 лет. Десятилетия соседства в XX веке – это стартовая площадка для общения, взаимопонимания и перспектив в XXI столетии.

Великое Княжество Литовское, Пруссия, Польское Королевство, Российская империя, Советский Союз – вот с какими историческими реальностями мы встречаемся на сегодняшней Калининградской земле. Тектонический сдвиг, происшедший в истории Восточной Европы – это не только политика. Мощные перемены выпали на долю всему юго-восточному побережью Европы. На этой земле не стало германского населения. В своё время не стало и пруссов. В настоящем на земле бывшей северной части Восточной Пруссии сложилась жизнь, в которой преобладает русский народ, воспринимающий себя как центр славянской общности на Балтике. Он живёт бок о бок с балтийцами–литовцами.

Устанавливая связи на будущее, мы исходим из современного состояния культурного поля, языка и народонаселения. Мы называем эту реальность по-своему: *Балтославия*.

Наступившее тысячелетие грозит опасным взаимопроникновением культур. Этот процесс будет способствовать гибели многообразия мира. Защищая самобытность и хрупкость восточноевропейского социума, мы видим приемлемый, наименее болезненный путь взаимопроникновения. Этот путь не будет опустошать традиции и повседневность. Это путь – *Балтославия*.

Балтославия – это восприятие балтийских корней как своих. *Балтославия* – это славянская всемирная отзывчивость и балтийское сопереживание в решении локальных проблем. *Балтославия* – это судьба нескольких языков – русского и литовского, а возможно и польского – влитая в янтарную чашу пруссов.

Мы исходим из этих истин как из константы.

Проект «Балтославия» может стать трибуной культурной жизни Малой России и Малой Литвы, пересечения российской и литовской культур.

Андрей БИТОВ

ПТИЦЫ, ИЛИ ОГЛАШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

(глава из повести)

Рай мы представляем себе бедно и непривлекательно, до сосущего ощущения скуки во рту: кущи... Побывав на Косе и не встретив в своей жизни ничего ей

подобного, я могу себе представить рай будто бы с большей достоверностью: этот мир тоже неотличим от нашего, в нем не придумано не виданного нами, зато многое из виданного устроено. Этот мир безгрешен и свободен, он бесстрастен, в нем нет боли и нет надежды: он лишен нашего отношения к нему: он есть, но он без нас, он как бы и без себя. Оттого и существование здесь так удивительно не отягчено, что нас в нем нет, а когда мы в нем, то это уже - как бы и не мы.

Не знаю, почему в этом раю так легка мысль о смерти... Может быть, потому, что ведь и сам рай — после смерти, потому, что смерть — уже была...

С этого дня и каждый день... я выходил из-за своей непришуйной машинки и сразу, за порогом, оказывался там, где писать нечего и незачем, потому что достаточно видеть, видеть и благодарить судьбу за то, что даны глаза и дано глазам. Я делал несколько шагов по песку в сторону моря и, за следующим барханчиком с растрепанной причесочкой осоки, знал, что увижу море. Это каждый раз оправдывавшееся ожидание никак не утрачивало своей остроты: я огибал полбарханчика, в ложбинке, последним, самым сильным порывом,

будто не пускал ветер, — и вдруг стоял на берегу и опять понимал, что и там, в будке, где машинка,

и пока я шел, все время шумело море, что этот шум и выманил меня посмотреть, что шумит: оно и шумело. Я вдыхал подчеркнутой грудью и неизбежно смотрел вдаль.

«Вот так бы всегда и смотрел...» — эта банальная фраза достаточно точно передает смысл моего занятия: за ней следует вздох, и я уже не смотрю на море. Меня занимает вопрос: чем ограничено наслаждение, если на его пути нет препятствий? Мне некуда было торопиться, и не было человека, который бы меня поторопил. Не полчаса и не пять минут, думаю, что и не минуту, а так с полминуты, причем последние секунды натужные и искусственные, прищуривался я вдаль, а там — произнес этот мысленный вздох — и все было кончено.

Я спросил доктора, что он по этому поводу думает, когда мы повернули назад...

— Простите, что я в сторону... Но вот мы шли и шли с вами по берегу, вполне поглощенные беседой, которою и сейчас поглощены, а я вот последние минут пять нет-нет и когда мы повернем назад? Мы не голодны, и не устали, и, судя по всему, никуда не торопимся и не скучаем; берег на всем протяжении практически одинаковый, местность не переменится до завтрашнего дня...

Однако, думал я, мы — повернем. Что было и что кончилось, что мы повернули назад? Какая константа срабатывает в нас, определяя степень насыщения и протяженность каждого действия? Допустим, нас ничего не связывает и не обязывает — мы не можем на симпатичную необязательность беседы отвести всю жизнь... Но представьте, что вы влюблены, идете с любимой — ведь тоже повернете назад. Ждать под часами вы будете полчаса, час, у подъезда — всю ночь, но не до Нового года. Вы

расстаетесь с рассветом: девушке пора домой, мама и всё такое... но ведь и час назад была та же мама и уже много часов пора было расстаться, однако почему-то именно в эту минуту становится окончательно пора. Соловей или жаворонок? После какого по счету уговаривания Ромео наконец уходит? Почему не раньше и не позже? Почему я не думал о времени, пока мы шли, и сейчас не думаю, а мы идем уже назад? Какая мысль заставила нас повернуть?

- По-видимому, в данном случае вот эта и заставила, — сказал во всем точный доктор. Мои рассуждения были настолько ненаучны, что он их миновал. По этому поводу он мог мне поведать лишь о биологических часах. Но это было уже совсем о другом... — Видите ли, биологические часы — это...

Я слушал его, и меня донимало теперь следующее соображение: чем занята, а чем не занята наука? Разве мой вопрос не может быть изучен с точностью, рассчитан, объяснен? Какую закономерность из множества закономерностей выхватывает наука для изучения?

- Следующую, — сказал доктор.

—То есть?

- Мы ищем закономерность, следующую за открытой нами.

- Не кажется ли вам в таком случае, что вы неизбежно уйдете в сторону?

—То есть? — спросил доктор.

—То есть вы начали изучать явление, открыли некую закономерность, от нее нащупали ход к другой, от той к пятой и так далее. Не забыли ли вы о явлении, которое начали изучать?

- Ага, — сказал доктор. — Не забыли.

- Ну как же, — осклабился я. — Вы изучаете птиц. Вас заинтересовали перелеты. Вы изучаете перелеты — вас заинтересовал энергетический фактор. Вы изучаете обмен, как там, метаболизм? - сосредоточиваетесь на изменении веса птиц. Изучаете жир птиц. Не кажется ли вам, что вы уже изучаете жир?

- Но ведь мы все до этого уже изучили?

- Но у птицы есть глаза, крылья, птичий мозг есть у птицы?

- Скажите, — рассмеялся доктор, — вы никогда не были двоечником?

— Был, — согласился я.

Вот так выходил я на море, либо

чтобы застать на берегу только что вышедшего на берег доктора, либо он выходил следом за мною, заспанный, прошедший бессонную ночь в расчетах. Не складывались его цифры, молчали мои буквы - не здороваясь, мы продолжали вчерашний разговор.

Я потерял всякий стыд. Я отдавался тщеславию быстросхватывающего ученика. Я задавал ему вопросы, не заданные в раннем детстве. Может, я и не получал на них ответа, но от комплекса освобождался. Все те вопросы, без ответа на которые я отказывался понимать дальше и получал неуд. Больно ли насекомому? думает ли птица? чувствует ли дерево? есть ли у зверей чувство юмора? куда подевались промежуточные эволюционные звенья (то есть почему человек бежал по этой лестнице через ступеньку?)? прекратилась ли эволюция и почему? чем питается такое количество комаров в мое отсутствие? можно ли без ущерба удалить паразитов из биологической цепи? есть ли наружные половые органы у птиц? И все это довольно быстро сводилось к какому-нибудь из коварных вопросов, которые, в свою очередь, сводились к одному: что есть человек?

И не было ответа на этот вопрос. Одни косвенные оговорки.

- В том смысле, в каком вы хотите, — сказал наконец доктор, — ответа и быть не может. Человек равен самому себе. На большее он не способен. Что такое человек, мог бы знать один лишь Бог, если бы он был.

- Вы уверены, что его нет?

- Думаю, что его не было.

Я открыл было рот еще дальше — он сказал:

- Не будем говорить о нем всуе.

Эта заповедь не противоречит науке.

Я слаб насчет полезных сведений... Все, что он знал как специалист и что я мог почерпнуть от него с точностью, пролетало сквозь меня, навывлет. Меня всегда интересовало, как в конфеты «подушечка» варенье кладется... То, что я от него узнал по делу, вполне могло уместиться на какой-нибудь задней обложке «понемногу о многом» или «ничего обо всем». Кажется, в Новой Зеландии водится некая птичка, которая в брачный период строит на земле домик с дверью и, ухаживая за самочкой, приходит на свидание с цветочком в клювике. Или — что птицы раньше людей всегда знали, что Земля — шар, в то же время азимут во

время перелета птицы берут из допущения, что Земля — плоская (может быть, я уже перепутал...). Или — что птицы не болеют...

Последнее я пережил несколько с большим вживанием, чем прочие занимательные сведения... Это утверждение пришло в полное противоречие с другим, накануне поглощенным мной (я, естественно, все принимал на веру), а именно: что все. птицы больны, что нет небольшой птицы.

— Это только кажется, что птицы весело порхают, — с долей элегичности сказала мне сотрудница Н. (она возвращалась с ловушек и несла в специальном плоском ящичке, затянутом сверху сеткой, с фоторукавом на входе, трепыхающийся улов). — Это сверху — перышки и чистота. Подержал бы кто-нибудь их, как мы, в руке — увидел бы, что они кишат, бедные, паразитами, покрыты болячками и травмами...

Эти тяготы за внешним покровом легкости (еще бы — парят!) вызвали во мне доверие и сочувствие. Доктор пояснил мне мое недоумение: это все внешнее, и это так; птицы не болеют в том смысле, как другие теплокровные, в том числе и мы: они не болеют с температурой, ей некуда повышаться. Тут я понял в полной мере те 42 градуса, немного из того, что помнил со школы: птицы живут на пределе (цена полета...). Их обмен протекает на пределе интенсивности, возможной для теплокровного. Они все в горячке и лихорадке. Наше легкое 37,5 это их 43, то есть смерть. Вот в каком смысле не болеют птицы.

Мне представилась действительная теснота жизни, на которую каждый из нас жалуется с такой интенсивностью именно, чтобы не представлять себе полную меру (наши трудности все — временные, нам не хочется представлять себе, что они и есть норма, что бывает, например, война, когда люди не болеют, почти как птицы). На этой редчайшей Земле, где кислород разведен ровно в той мере, которою мы можем дышать, где нам еще с грехом пополам хватает пресной воды, еще и температура тела заключена в узенький, как луч, диапазон, где $T^{\circ} < 42$. Все это пространство поделено и переделено на ниши и ареалы, где нам, летая и глотая с утра до ночи, еле хватает пищи продержаться эти 42(37) градуса, где переостыть или перегреть-

ся, как недоесть и недопить, — смерть. Все это вплотную и впритык, все пересечено и "взаимосвязано так, что, если бы было время оторваться от насущности прокорма, когда твое существование необходимо кажется тебе единственным, и задуматься, то и не смочь отделить свое существование от другого, и отдельное ли ты тело или сросшаяся часть общего, так и не скажешь наверняка.

Вот — птица. Это большая птица. Загляните ей в растопыренный глаз — вы не встретитесь с ней взглядом. Это у маленьких пташек те живые бусинки, что кажутся нам понятными. У этой — дикий, ужасный, красный глаз. Это в небе она красива («то крылом волны касаясь...») — здесь, в руке, она уродлива и страшна. Она — настолько немы, что ни в какой грех антропоморфизма тут не впадешь.

Это была чайка (сотрудники спорили, определяя ее вид). Чайки не попадают в ловушки. Ее принес мальчик Саша, юннат, приобщавшийся к будущей профессии на биостанции. Он был розов, круглощек, черноглаз, юн, здоров, любим мамой. Чайка была потрясающе на него непохожа. Он был возбужден и без конца повторял свой рассказ.

Как Иван-дурак жар-птицу, он поймал эту чайку руками. Прыгнул, как вратарь, и поймал. Честное слово! Он шел по берегу моря, вся стая снялась, а эта сидит. Он прыгнул. Правда, руками... Он сам в это не верил: мыслимое ли дело, человек, который ловит руками чаек!.. Подвиг его таял в собственных глазах. Никто его не осудил, но никто и не одобрил. «Я ее два часа нес!» — обиделся он.

— Так она же с голоду подохнет! — сказал кто-то.

Это предположение повлекло за собою немедленные действия...

Я часто про себя отмечал некоторую достойную несентиментальность практических дел (и это мне, уже более сентиментально, всякий раз нравилось). Так, сотрудники полевого стационара, сами питаясь весьма однообразно (каши и концентраты), каждый день варили и крошили яйца, терли морковь и т.д., чтобы кормить своих пернатых пленников тем, чего сами не ели. Они напоминали родителей, дети которых никогда не выйдут из детского возраста. Или, например, каждый из них без малейших угрызений совести распотрошит птичку для своего бессмысленного

эксперимента, однако, если случится какая непредусмотренная потрава, они чрезвычайно досадуют и огорчаются. Однажды в ловушку залетело слишком много птиц, их не успели своевременно освободить, и много птиц погибло — так они их съели! Дело не только в некотором профессиональном шике, в подчеркнутой небрежливости к живому, в профессиональной свободе от обывательских представлений — они способны съесть и ворону и лисицу (отравленного или несъедобного мяса нет! — еще одно периферийное открытие, сделанное мною для себя в их среде: памятка на случай голодной смерти в лесу — чего не бывает!..) — дело еще и в пусть неосознанном искуплении вины перед природой, в которой ничто не гибнет напрасно. Они превратили этот прецедент в охоту (волк не кровожаден, а голоден, добывая себе пищу...), они искупили вину, ритуально вписав свою оплошность в экологическую систему, сделав вид, что птиц этих они добыли для живота своего...

...Было раскрыто крутое яйцо, и сотрудник, умело держа птицу, умело раскрывал чайке клюв и пытался ее накормить. Чайка понятия не имела о том, что ей желают добра. Она не имела понятия и о том, что отказ от пищи грозит ей смертью. Она не представляла себе, что она в руках профессионала и ни единое перышко ее не будет повреждено: наверно, она полагала, что ее схватили, чтобы сожрать (чайку, в случае чего, тоже можно съесть, хотя она чрезвычайно невкусна). Она видела себя в окружении людей, совершенно непохожих на чаек, и не видела спасительного моря. Она не хотела есть, она страстно исторгала из себя эту спасительную пищу, будто отраву. Герой оказался в стороне, он недоумевал, он растерянно смотрел на свои пустые руки, поймавшие птицу. После обеда чайка умерла. Ее тоже пытались «пристроить» во имя цельности экологической системы — отдали Кларе. Клара была, однако, возмущена. Это возмущение она выражала очень по-человечески: каркала, отмахивалась крыльями, как руками, оскорбленно молчала и отворачивалась на ласковые увещания. Я не стал расспрашивать об истинной природе этой оскорбленности (плохая еда), по своему разделяя Кларины чувства.

Со своим бешеным, исполненным смертельного ужаса глазом, не исполня-

ющим никакого взгляда в нашем понимании, эта давящаяся чайка стоит перед моими глазами, представляя собою для меня как бы обобщенно одну птицу. Эта одна-птица, если бы мы не привыкли к их вообще существованию на земле, представляет собою чудовище, то есть устрашающе-огромное чудо, какого на самом деле быть не может. У нее только две тонкие ноги, на ногах когти; она покрыта даже не шерстью, а какими-то жестковолосыми плоскими костями, которые нельзя назвать никаким уже понятным нам словом, и мы изобретаем слово «перо»; у нее маленькая змеиная головка с невидящими глазами по бокам, она не посмотрит на вас одновременно двумя глазами; у нее совмещен рот и нос — вместо всего этого у нее рог, который она раскрывает с мерзким звуком, мы не найдем для этого слова и условно обозначим «клюв». Вместо рук или передних ног у нее два веера, — если бы к ним не было приложено это обтекаемо-горбатое противоестественное тулово, они бы, может, показались и нам красивыми. Но если страшны порознь эти противоестественные детали, какой же это монстр в собранном виде! Увеличьте насекомое, к которому мы все испытываем инстинктивную брезгливость и неприязнь, до размеров кошки — и вы поймете, какие на самом деле испытываете эстетические чувства, впервые увидев эту одну-птицу.

Я вышел к заливу. Если берег моря был жив прибором, всяким меняющимся интересным мусором в его полосе, изрезанностью и неровностью облесенных дюн, то лысый, безлесный берег залива, замершего в штиле, был особенно голопуста и безжизнен. Линии здесь были другие, чем на море, особенно плавные, непогрешимо ленточные. Дюны здесь высились и подступали вплотную к воде, круто обрываясь под тем максимальным углом, который сразу наводил на мысль о математике — сыпучее тело. Все это сыпалось — только тронь. Но никто не трогал, и все это застыло в немыслимом знойном равновесии. Над раскаленным за день песком дрожал воздух, превращая этот и без того приснившийся вид в мираж. Я стоял на гребне гигантской песчаной волны, не прекращающей своего мучительно замедленного бега в сторону материка: здесь она разбивалась о мертвую гладкость залива точно так, как море разбивается о берег. Этот

негатив привычных представлений, плавность этой песчаной крутизны под ногами была головокружительна. Здесь запускать планеры и бумажные змеи... Эти перепончатые бесшумные призраки самолётов подошли бы пейзажу едва ли не больше, чем птицы. В снастях моих ныл ветер. Я сделал шаг в пустоту, испытывая чувства Икара. Песок провалился под ногою, огибая икры. Тремя гигантскими шагами слетел я с тридцатиметровой высоты к воде, меня догнала и засыпала по колено река песка. Я прибавил свою миллимилли-долю, ускорив общий бег Косы: за спиною тоненько просыпался песок, выравнивая мой след. В нескольких шагах у воды лежал на своем широком боку мертвый лещ, торчал съеденным боком. Его еще продолжающаяся смерть была, казалось, единственной здесь жизнью. И тут надо мною, неподвижная, как планер, медленно проплыла умершая вчера птица. Была такая сказка о человеке, искавшем страну бессмертия.... он ее как бы нашел: там ничто не менялось, не старело, и время там не шло, но оказалось, что раз в тысячу лет туда прилетает птица и уносит ровно одну песчинку, означающую эту тысячу лет как секунду. Человек этот был разочарован: и в этой благословенной стране завелось время... Эта вчерашняя птица надо мной показалась мне из этой сказки: неумолимая песчинка моего времени была зажата в ее клюве. Не вынимая ног из песка, как бы вросши, я прислонился спиной к дюне. Не было имени у того, что я видел. Я увидел воду, я увидел рыбу, я увидел небо, я увидел птицу... не было у них имен. Я не знал, что это называется водою, небом или птицей. Может быть, передо мной до горизонта простиралась рыба, а над головою была одна бездонно голубая птица? Может, передо мной умерла вода и испарилось, скрывшись из взора, небо? Мне не было известно, что за горизонтом не обрывается мир. Слова были наконец пусты, как легчайшие хитиновые покровы, смешавшиеся здесь с песком. Так ведь они и есть — пусты. Я отделился от языка, бубнящего мне, что мир есть, что он на каждом шагу, что — вот он. И как всегда, я вздохнул, я оторвал спину от дюны, глазами которой секунду смотрел перед собой, вытащил по одной ноги из песка: рыба была рыбой и называлась лещ, птица была

не небом, а чайкой, передо мною простиралась не рыба, а вода под названием залив, ну и небо — воздух, воздушный себе океан. За горизонтом прочно лежала невидимая мне Литва. Одно лишь небо не имело горизонта, за ним находилось неизвестно что, впрочем тоже кем-то расслоенное на сферы и термины, но слова эти живут лишь в учебнике — оттого в небо мы еще можем взглянуть иногда в этом немом смысле зрения. Я был смущен названностью всего, этой прикрепленностью к знанию, никак не содержащимся в вещах, которые я вижу. Что мы видим: предметы или слова, называющие их? По крайней мере, ясно то, что у мира, который мы познаем, нет обратной связи с нашим знанием. Даже если оно точно отражает мир. Оно его лишь отражает. Но мир не смотрится в это зеркало.

Это и есть человек. Вы, конечно, можете поднести руку к глазам: моя рука; посмотреть в ноги: мои ноги... но сам-то по себе вперед смотрящий человек не видит себя, тем более не видит он своих глаз, как не видит себя и зеркало. Но и то, что вы можете увидеть на себе как принадлежащее неотторжимо вам: руки, ноги, пуп, под пупом... — это ведь не вы, это оболочка, тело, вы внутри которого... Посмотрите вперед — вас нет. Может быть, вы и есть то, что у вас перед глазами?

Небо было пусто и перестало быть пустым. В нем пролетело сразу много птиц, стая. Небо стало пусто. Когда летела одна птица, я видел одну птицу. Это точно. Сколько их пролетело сейчас? Десять? Больше. Сто? Меньше. Я не знаю точно, сколько их пролетело: пятьдесят пять или пятьдесят девять — я не успел их пересчитать. Но точно одно — их было конечное число, и ни одной больше или меньше, я это число не смог узнать, и больше не узнает его никто. Но раз это число было точным и конечным, то оно есть так, будто его кто-то знал... «У вас же и волосы на голове все сочтены...»

Одна птица, а потом сразу много, но сколько?... Единица — вот число, которое я знаю. Один — вот счет, который веду.

Деление на единицу есть реальность.

— С трудом, но, кажется, я догадываюсь, о чем вы... — сказал доктор. — Науке и впрямь свойственна некоторая узость — она занимается не

столько мировыми проблемами, сколько вещами, которые способна установить в точности. Но в ваших претензиях, выражаясь в близкой вам терминологии, есть некоторое непонимание жанра. Блестящая мысль, которую мы не можем доказать или подтвердить экспериментально, для нас непрофессиональна. Это дилетантство, в лучшем случае — досуг. Принятая на веру, красивая мысль может увести далеко и непоправимо. Некоторая косность должна входить как бы в этику подлинного ученого, у которого идей — пруд пруди. Действительно, меж единицей и множеством у нас отчасти пропуск; множество ведь тоже берется в каком-то смысле как единица. Зато единица берется как элемент множества...

Мы шли вдоль берега и не видели моря. Вчера был «ящичный» шторм — на берегу были разложены разные любопытные вещи, как товар на бесконечном лотке. Мы шли по этому ряду. Реже деревянных попадались ящики пластмассовые, яркие. Можно было найти бочку или ведро, тоже легкие и цветные. Если повезет, они могли оказаться даже целехонькими, без причины смытыми с палуб. Красивые, там и сям валялись пластмассовые шары — поплавки рыбацких сетей. Шары находились в полной сохранности, только неизвестно было, что делать с их окончательной формой и утраченным назначением. Мы шли, развивали мысль, и вдруг в этой мысли проскальзывала некая невнимательность: впереди что-нибудь синело или краснело, притягивая. Мы старательно не убыстряли шаг. Мысль цепенела, сужалась и как бы находила свое естественное завершение: это была половина алого пластмассового ведра, вертикальный срез. Ведро было повернуто к нам назло цельной стороной. Мы миновали этот обман — новая мысль набирала новую силу. Новый призрак новой вещи впереди означал следующую паузу или неожиданный поворот темы...

— Вы никогда не думали о природе этой тяги человека к собирательству? Грибов, ягод, птичьих яиц, коллекций? Или даров моря?... — сказал доктор, подкинув ногой желтый поплавок, — тот скатился назад, в вялый после шторма прилив. — Чтобы понять, что мы унаследовали от предков, нужно знать, каков был наш предок. Человек морфологически мало специализирован к добыванию определенной пищи, и

исходная экологическая ниша человека — собирательство плодов, побегов, корней, яиц, мелких животных и прибрежных выбросов. Такой способ пропитания малопродуктивен и требует энергичной и разнообразной деятельности. В отличие от многих других видов (например, растительноядных) пищевые ресурсы человека были ограничены, а голод был перманентным состоянием...

Так он сопротивлялся, когда я пытал его насчет человека, зато легко проговаривался сам. Хотя он и был полон благого убеждения не использовать свой опыт эколога и этолога в отношении человека, но — сам был человек, и не думать о том же, о чем и я, он не мог. Так, сам того не желая, поведал он мне уже достаточно. Соображения эти были для меня в чем-то настолько убедительны, я с такой легкостью верил в них, что сама эта легкость казалась мне лучшим из доказательств. С увлеченностью дилетанта я уже пользовался многими преподанными мне понятиями как своими. Разговор наш строился по такой схеме:

— Вы говорите, — вцеплялся я, — что... Не следует ли из этого, что... Нельзя ли в таком случае заключить так?..

— Да, пожалуй, так можно сказать, — неохотно соглашался доктор.

— Тогда, — говорил я, — можно предположить, что...

— Можно и так предположить, — вяло соглашался он. — Выходит, что человек... — выходил я на свою прямую.

— Нет, — говорил доктор и легко, с запасом, опровергал меня.

Временно я отступал, кивая.

Но он уже привык к необязательному характеру наших бесед. Исподволь я развратил его. Его императив слабел. Думаю, что это не я был убедителен, — давно и неприменимо скучали в нем все эти мысли... Сначала он говорил лишь о первобытном человеке. В этом смысле он мог обронить такие окончательные фразы:

— Человек имеет невысокую плодовитость по сравнению с другими животными.

Или:

— Процветающие виды стремятся увеличить свою численность и территорию настолько, насколько это возможно. Человек — процветающий вид; его стремление к расселению и увеличе-

нию численности естественно. К началу нашей эры численность людей на Земле оценивается в два-три миллиона... Это античный мир... — вздохнул он задумчиво.

— Мальтус... — сказал я. У меня на зубах закрипел песок.

С Мальтусом у доктора были сложные отношения. История манила его. Там, в глубине ее, где были стерты суетные детали и счет шел не на десятилетия, а на века, проступали эпохи, соблазнявшие в нем эколога.

— Вы думаете, почему остановился Александр Македонский?.. Нет, нет, его военная машина была безукоризненна. В мире не было ничего, что могло сопротивляться ей. Просто он настолько далеко ушел за пределы своего ареала, настолько давно уже были завоеваны земли, достаточные для дальнейшего упрочения и процветания родины, что биологический смысл этой афессии (расширение территории для процветающей популяции) полностью иссяк. Он достиг Индии и Средней Азии уже как путешественник, чуть ли не любитель-этнограф: рядился в национальные одежды новых стран, которые покорялись ему уже условно: ему нечего было делать, как уйти из них без каких-либо шансов впоследствии дотянуться до покоренной страны... Повернуть назад он не мог, словно забыл, откуда вышел. Смерть его была невнятна. Так захлебывается любая агрессия, устанавливая лишь необходимую фанцицу расширения своего ареала.

— Любопытно, — отметил я. — Давненько мы не воевали... Можно ли считать современный туризм сублимированной агрессией?

— Это вы мне говорите или я вам?!

— Искусившись, доктор уже не мог остановиться, как тот же Александр. Имперскими шажищами измерял он историю.

То же оказалось, с точки зрения доктора, и у более поздних — норманнов (так он подползал к более близким нам эпохам, а я, как охотник, притаившийся в своей заимке, не дышал и не шевелился — не перебивал).

— Викинги тоже обладали военной мощью, сравнимой со Спартой, им не было равных — они могли бы завоевать мир, с нашей точки зрения куда более пригодный для жизни, и чем их скалы и фьорды. Но они поступили с биологической точки зрения последовательней Александра: они были в силах

овладеть Европой, однако открыли нежилые для европейцев Исландию и Гренландию и — до Колумба — добрались до северных берегов Америки, — они распространялись лишь в пределах свойственного им ареала северных морей.

Меня всегда занимало, с каким видимым облегчением опускается человек... Только наберешь уровень, вирражами, как та же птица, и тут же лежишь камнем, приняв за суслика совсем уж несъедобную дрянь. Но и я не мог остановиться. От викингов уже началась история России.

— Хоть и север, а не их ареал, — сказал доктор, — в России они обрусели. Их власть увязла.

— Это как в прибаутке, — сказал я, — иди сюда, я медведя поймал...

— Вот-вот, — согласился доктор.

— А татары почему застряли в нас же? — продолжил я. Доктор хмыкнул, пожевал и заключил:

— Степи кончились.

— Это вы подумали или я сказал?.. — восхитился я. — Так что там случилось с Наполеоном?

Но дальше он не шел на заман моего восхищения. Он остановился, как Александр, слишком далеко зайдя в своих выкладках. Смолк. Посмотрел вдаль.

Море к вечеру совсем успокоилось и замерло, отлакированное, словно сытое и более густое, чем вода. Бродя по нему каждый день часами, давно я его не видел... Кроме ящичных штормов бывают еще штормы «бутылочные», выбрасывающие невиданные, не питье мною бутылки и фляги из-под виски и джинов, бывают «янтарные», выбрасывающие последней волною крошку янтаря. Давно уже я смотрел только под ноги в надежде найти янтарину «с голову ребенка», или целую канистру, или хотя бы плоскую фляжку... но ничего из того, чем набита была кают-компания Станции (однажды ими был найден бочонок с еще годным вином, а однажды — большая банка черной икры, к сожалению, уже негодной), я упорно не находил, не зная, что в поисках этих мною руководит прашур, что это — моя экскурсия в пра-нишу человека... Нашел куриного бога, и только. Давно я, оказывается, моря не видел, не поднимал головы, довольно быстро располагаясь в нише предка. Вечернее море серо розовело, опалово высветлялось к горизонту и там истаивало,

иссякало такой нежной линией, которую проявлял лишь тоненьким острым штришком намеченный там пароходик. И солнце сходило, неправдоподобно увеличиваясь и краснея. Глаз не оторвать... Я оторвал — наконец увидел, прямо под носом, темно-вишневый пластмассовый ящик из-под шведского пива с тремя невыцветшими золотыми коронами на нем...

— Пусть так. Хорошо... — вдохновившись ящиком и поворачивая к дому, рассуждал я. — Если экологическая ниша первобытного человека — собирательство и раз он покинул эту нишу, вскарабкавшись по пирамиде жизни на самый верх, до предела расширив свой ареал и расселившись по всем территориям Земли, вытеснив все другие биологические виды, то что же теперь его ниша, его ареал? Что можно обозначить как экологическую нишу современного человека? Саму планету Земля? Можно так выразиться?

— Это несколько тавтологично, — пожал плечами доктор. — Впрочем, пожалуйста.

Все это напоминало опыт с лоренцевскими рыбками, построившими свои домики в противоположных углах одного аквариума... Они проводят границу владений строго по незримой математической середине, и стоит одному из соседей даже ненароком нарушить ее, как другой преисполняется ярости к нарушителю и гонит его со своей территории через всю его территорию, пока не загонит агрессора в его-дом-его-крепость. В собственном доме трусливый соперник тут же набирается правовой энергии и совершенно вне себя выскакивает и гонит оробевшего вмиг противника через весь аквариум, загоняя того, в свою очередь, в его дом. Там уже тот набирается силы... и т. д. Маятник войны, качнувшийся от случайного нарушения границы, затухает необычайно медленно, все это длится часами, пока не обозначит все ту же невидимую границу. Тогда, постояв над ней нос к носу, враги расходятся как ни в чем не бывало, поклевывая песочек, с видом, что просто вышли попастись по обочинам своих владений... Так мы иллюстрировали то, о чем говорили.

— Хорошо, — закреплялся я, продолжая гнать доктора в сторону дома. — Тогда, с другой стороны (прекрасный ящик ритмично бил меня по колену...)... можно рассуждать о Земле как о единой экологической системе, как

об экологической нише самой жизни на Земле... (Доктор пока не возражал.) Можно сказать, что к моменту появления человека на Земле завершилась как бы и эволюция жизни? (Доктор все молчал...) Что к тому моменту земной шар в целом представлял собою совершенную, хорошо развитую, надежную, окончательно сбалансированную экологическую систему, где все было взаимосвязано, образуя замкнутый кругооборот, не нарушавший никак точности общего баланса жизни и возможности постоянного возобновления земных ресурсов, куда гармонично И ничего еще пока не порушив поместился и первобытный человек-собиратель? Так, я пока не противоречу?

— Себе или мне? — скучно отмахивался доктор, как бы плавничком.

— Логике.

Нет, то была иная порода рыбок, иная игра: чтобы поселиться в его доме, я загонял его в свой. Для чего и требовалось для начала самому из своего съехать...

— Человек (и это как бы уже я сам говорил) покинул свою первоначальную нишу, в которой он существовал наравне с другими видами. Можно ли сказать, уже не в том смысле, который вы упрекнули в тавтологии, а в более соответствующем определению, что экологическая ниша человека как раз и есть тот «запас прочности» Земли как наиболее общей экологической системы, то есть некий диапазон ее существования от времени человека-собирателя до мировой катастрофы, приводящей к гибели всего живого? В начале века нас было полтора миллиарда, к концу будет шесть.

— Опять вы о Мальтусе! — И доктор снова поскрипел песком на зубах. — Нельзя измерять пространство временем, как делаете это вы. Экология рассматривает лишь уже существующие экологические системы. Лишь в этом смысле она — наука.

— Несколько неловко должно быть человеку, — сказал я, будто это доктор все подстроил с его экологией, — если не стыдно: быть венцом Творения и понимать это лишь так, что он рожден воспользоваться Творением.

— Можно не называть нашу Землю Творением, но в остальном я с вами согласен: некоторая неловкость имеется. Но ведь это теперь осознаем не только мы с вами. В этом направлении сейчас имеется явный сдвиг в созна-

нии...

— Вы — ученый, — нападал я, — то есть знающий и трезво оценивающий действительность человек. Разве вы верите, что человек способен остановиться? Даже в тех трех неоспоримых смыслах, о которых вы мне как-то сказали, он уже не природа, а ее приговор. Наши ханжеские охранные меры имеют не больший эффект, чем воздействие каких-нибудь английских старушек из общества охраны животных...

— Зря вы так про старушек... — сказал доктор. — Их деятельность совсем не так незначительна, как вам кажется.

— Ничего, — сказал я сардонически, — может прийти время и для общества охраны старушек... Скажите, только честно, что вам больше по вкусу: голая ледяная Земля, над которой зря восходит Солнце, или... — Я покосился на море: огромное солнце, приближаясь к горизонту, приняло неправильную форму, напоминая грушу; гладь пошла алым шелком... Жаль было солнца, хотя оно в моих прогнозах оставалось в целостности. — Или — зеленая, населенная зверьми и птицами, с реками и озерами, полными рыбы, с подбирающим корешки человеком и, быть может, разумным дельфином, не пошедшим по нашему неразумному пути?

— Я понял вашу антигуманистическую мысль, — сухо вато сказал доктор, — дальше не говорите вслух того, что хотели у меня спросить. Да, я задавал себе тот же вопрос... — Солнце скатывалось к горизонту все стремительнее, как яблочко; оно расплющилось, как капля, о поверхность; и, против ожидания не зашипев, быстро ушло под воду, оставив на воде неповторимый серый свет с испариной розового... — Вопрос этот лишен смысла. Тогда некому было бы посмотреть на это счастье...

— Как же! — воскликнул я. — И это говорите вы?.. Разве не радуется жизни все живое на Земле!

— Да, но только человек способен оценить совершенство в полной мере...

— Да, но...

— Не роняйте преждевременно бомбу, которая у вас в сердце. Мы не все знаем. Мы не знаем и того, с чем суммируется и во что выливается даже невысказанная адская мысль. Я сейчас сделал вам признание, на которое не

имел права как ученый... — Слабая его улыбка еще отражала закат.

Так мы договаривались о перспективах человечества, без сомнения, что от нашего решения что-то зависело. Мы искали на ощупь выход из собственного умозрения. То нам казалось... но каждый раз и этот путь зыбился и испарялся от малейшего реального представления. Любые меры были недостаточны. Человек решительно отказывался понимать свое действительное положение, озабоченный лишь тем, что было или казалось ему непосредственно насущным. Настоящее отрывалось от будущего, и в этом отрыве испарялось милое прошлое, среда, доставшаяся нам в наследство. Мы договаривались до того, что учреждали некое тоталитарное правление экологии над человечеством, где средневеково рубились руки за обрубленные ветви и отсекалась голова за голову зайца. Все это творилось нами во имя человека... Хоть так они нас наконец поймут!.. Они были — все остальные, кроме нас. По трезвом рассуждении наш кабинет вскоре пал.

Свергнутые с престола, мы возвращались домой и поднялись на дюну. Солнце на миг вынырнуло из моря, чтобы погрузиться в него опять. На вершине дюны лежал розовый песок, длинная бархатная тень вогнуто, изнанкой, ложилась по склону, в ложбинке меж дюн шевелилась, просыпаясь, ночь.

— Никогда бы не поверил, что Мальтус жил в восемнадцатом веке... — вздохнул я. — Экипажи, рощи, шлейфы, струнные квартеты... Воздух... какой тогда, должно быть, был воздух... Журчали ручейки... гудел шмель... пастухи и пастушки, свирель... а он, завернувшись в мрачный плащ, покачивался в карете, обдумывая свою далекую и черную, ничем вокруг не подказанную мысль...

— Не странно ли вам, — сказал доктор, — что именно здесь мы проговорили весь вечер, не встретив ни одного человека, в первозданной природе... и — о чем?..

— Да, нашли место!.. Грешим, грешим!.. — рассмеялся я, благодарный ему за это его «мы». В руке у меня был ящик из-под шведского пива, подтверждавший мое намерение жить.

И только солнце окончательно ушло в море — напротив, со стороны залива, не дождавшись сумерек, из-за дюны вывалилась луна. Словно они качались

на Косе, наши два светила, именно через нее перекинув свою невидимую доску... Лицо луны было зеленым, будто она там у себя черт-те что видела, прежде чем выйти к нам.

Наверное, из-за нее так ворочалось, так не спалось: во все щели пробивался ее испуганный свет. Я привстал и выглянул в окошко: тучки пробегали по ее и так невеселому челу. На секунду она скрылась, скраденная толстым облаком, чтобы вынырнуть еще более ядовито разгоревшейся. «Луна зашла за тучу...» — повторил я про себя эту спокойную фразу, и меня разобрал смех: «Луна-то никогда ни за какую тучу не заходила! То есть представить только себе, где туча, где я, где Луна...» — трудно привести пример более юмористического смещения масштабов! «Солнце скрылось за горою...» — с чего бы это мне вдруг так расчихикалось?..

Я представил себе действительную самостоятельность Солнца, которое, видите ли, «шлет нам свой свет», «свой пламенный привет». Дудки, сообразил я, оно этим никак не занято. Ничего оно нам не шлет. Оно вполне собой занято — мало ли в виде какой пыли мы проплываем мимо... Единственный гвоздь, на котором повисла вся наша земная жизнь, зашатался в моем мозгу. Самонадеянность и нахальство человека вполне выразились прежде всего в языке, хотя бы в этих простых формах. Человек каким-то образом считает, что все, чем он пользуется, имеет к нему прямое отношение. Но это и впрямь смешно. «Кладовая природы», «природные богатства», «покорение природы», «черное, белое (и еще кое-какое) золото»... — перебирал я все новые свидетельства человеческого разбоя, оставленные им в языке, как отпечатки немых пальцев. Я лежал на спине, и лицо мое отдельно и самодовольно ухмылялось, залитое, види-

те ли, лунным светом...

Я проснулся от тяжелого грохота, разверзшегося прямо надо мной, чуть ли не в моей собственной голове. В кромешной темноте от внезапности я не только не понял и не вспомнил, где я, что со мной, но и — кто я. Проснулось в ужасе нечто живое, способное испытывать страх и не желающее погибать; оно не знало, что оно — я. Следом за грохотом и сотрясением наступила, как на горло, полная, черная тишина, в которой не было ничего, кроме протяжного страха и удушья. Раздался ослепительный белый свет, озарив спичечную коробку, в которой я спал, и меня, стоящего на четвереньках на кровати. Именно показалось, что я увидел и себя, свое тело, словно покинул его, пока еще на небольшое расстояние, в задумчивости, вернуться или нет. Следом на крышу обрушился удар, крыша ухнула, но, как ни странно, выдержала, пружиня и постанывая под сплошным потоком воды, лившимся на нее. В этом шорохе и гуде раздался новый, на этот раз будто красноватый свет, проникший сквозь толщу бежавшей по стеклу воды, и опять все замерло в полной черноте и ровном шуме потопа. Тут-то и вдарил, в такой близи, что опять будто в черепе, следующий гром. Сна не было ни в одном моем вытарашенном глазу, но от этого испуг мой только возрос. А дальше запалило и засверкало с такой частотой, что свет от вспышки до вспышки не успевал померкнуть в глазах — избушка моя была охвачена розово-белым пламенем. Я различал при этом свете карту над кроватью: все жилки рек и железных дорог и кружочки городов; пыхнуло — и я прочел бессмысленное слово «Амстердам»...

Андрей Тозик

* * *

«... По рассказам свидетелей,
здесь расстреляли Владимира Ковалькова, Виктора
Токарского, Андрея Тозика ...»
Газ. «Советская Белоруссия»
№20 (21930), 3 февраля 2004г.

Меня уже убили расстреляли
на Великой Отечественной
на второй мировой – может быть потому –
не хочу даже и говорить – благодаря –
и не будет – третьей? –

Да, убили. Потом забыли.
Кости отрыли. Имя восстановили.
Я об этом узнал в Интернете.
Давно уже, впрочем, подозревал.
Не зря ведь играл я в школьном спектакле – «Честное слово» –
главную роль.
Жаль, что тихо. Надеялся
на про - пере - чтение.
Зал прислушивался. Молчал.
А я всё повторял
свои честно заученные слова –
не могу, мол, я пост свой оставить –
и т.д. и т.п.

А потом написал пару строк о любви и о смерти –
не понимая вполне
значения слова.

Не хотел бы и теперь понимать.

* * *

- ей почти сотня лет
и видит она плоховато
то бишь зренья практически у неё нет
но зато у неё превосходная память
на фамилии лица и числа и даты
нелюбимая тема солдаты
её дочери вышли замуж за них она верит
она всё ещё думает ей говорят как положено их украли
но она не припомнит ни стука копыт
ни звона монет
ей почти сотня лет
у неё как положено коврик лежит
она молится вовремя
у неё есть ответ
и она говорит бог всё знает
а мы - нет.

***

Идеальные формы.

К примеру -

квадрат или *круг* – и – вещи –
временем тронутые – траченные – не счесть! –
испорченные –
онемевшие плёнки эры
магнитофонно-бобинной – **тип 6** –
и нелепые **бигуди** –

как *ревнитель бренности* –
я всё-таки голосую **за**
хорошее отношение к лошадям
хотя некоторые предпочитают
портрет **Че Гевары**
у себя на груди

***

в прошлом веке остались – мама – папа –
я отцом его звал, не иначе –

и магнитофон марки «Нота» – приставка –
он стоил тогда
чуть не всю зарплату –
(да и сейчас инженерам не очень-то платят –)

я разбил его молотком как-то, помнится, –
дескать, всё-то мне по плечу –

Не расплачиваюсь.
Плачу.

***

... а земля прирастает
небесными метеоритами –
андреями аннами маргаритами –
и – еленой –

земля увеличивает свой вес –
свою значимость во вселенной –
и костей моих -
несколько грамм – эка малость! –
тоже не помешают –
впереди ещё вечность –

И шляпы снимают.

Арвидас Йозайтис

Царьград – без царя

(отрывок из книги)

Первая вигилия,
в которой надо выяснить,
есть ли у Калининграда «*genius loci*»,
что значит – *Дух места*

Некогда кто-то обронил, что свято место пусто не бывает. Что за дикая мысль – она стала карать нас подобно бичу Божьему! Идея наехала, так сказать, на человечество большой бедой. С незапамятных времён все только и делают, что выясняют, сколько кому власти принадлежит. (И бьются за власть жестоко, порою и подло до времени нынешнего.) Повезло лишь в том, что люди оказались разными: в груди у одних страсть к власти вспыхивает, как у Кармен над бедным влюблённым, у других – как у Емели, – ему лишь бы на печи отлёживаться. Вот и делят пирог все по-разному – как-то уживаются.

Однако совсем другое дело получилось, когда люди принялись делить власть с природой – это уж точно покруче. Калининградская область в нынешнее время является, быть может, единственным уголком Европы, где природа вернула себе трон владычицы. По прошествии пятнадцати лет после крушения коммунистического проекта, зеленоглазая владычица вытолкнула (выдавила) цивилизацию с более чем восьмидесяти процентов территории площадью в пятнадцать тысяч квадратных километров. Разбежался люд по нескольким крупным городам, землю забросил.

Так это теперь, скажете, а раньше что было, сразу после войны? Да, до войны здесь расползались по швам немецкие закрома, были устроены совершенные ирригационные системы, узкоколейка подобно пчелиным ульям гудела меж обрабатываемыми полями. Да, всё тут было, – и что с того? А то, друзья и товарищи, что здесь проступает вопрос исторической власти: земля древних пруссов не стерпела несправедливости и отомстила пришельцам-тевтонам. Только уж чересчур она разошлась – отомстила всем, кто бы сюда не пришел. Теперь, кажись, она удачно мстит и коммунистическому проекту.

Однако есть некая особенность – *фишка*, как говорят калининградцы, – и эта *фишка* даёт жителям российской области преимущество перед соседями. Литовцы и поляки, например, любят свободно и без стеснения потрещаться о власти, её порочности, её низости, а одного-другого политика готовы и живым спалить (зажарить) и съесть. Тем временем, обжившись в Калининграде незамедлительно почувствуешь, что политическим сплетням и оговорам (здесь) не хватает агрессии, а попыток подорвать власть –

и того меньше. Взволнованный, что чего-то не понимаю, я всю неделю шаркал по вечерам у ТВ ящика (по)нажимая (перебирая) кнопки четырёх местных каналов. И что же, – ровным счётом ничего! В прямом эфире нет ни одного политического диалога – он просто не существует! Дискуссии, баталии или даже захудалые ток-шоу – нигде и никак! Единственная полуживая ласточка – это вечера «Позиции» на местном канале «Россия». И та – записывается заблаговременно. «Чудеса! Что за *фишка*? – хватился я за голову. – Коммунизм здесь до сих пор тут, что ли? Вроде бы и нет...» Коммунизма действительно уже нет, однако, модель взаимодействия власти и общества здесь – более восточная. Вот тебе и победа природы – далее всего на Западе России – территория – Востока?

Нет, что-то не так, надо выяснить. Может быть, здесь нечто похожее на китайскую модель – коммунизм в семье, а капитализм – на улице? Ничего подобного – семьи нестойкие, рождаемость катастрофическая, настроена на вымирание...

В начале всех начал выяснил я вот что: каждому калининградцу известно, что в области есть две власти – губернатора и мэра. К тому же есть (местная) Дума – политический предбанник, из которого, как сквозь дымовую завесу, видны лишь несколько властных фигур; есть и Горсовет Калининграда – ареопаг демократии, к которому мэр иногда прислушиваться, а иногда – и нет.

Но этого и достаточно, люди довольны таким набором власти, ибо лучше любого либерала знают, что языком власть с шеста не сшибешь. Ибо власть – в руках природы, так как в руках природы наши инстинкты и наши потребности, наш КЖК, если угодно. Вот это странная *фишка* – крепкий орешек, который управляет сном Калининграда, как горох правит бал на ночном одре принцессы.

Ничего странного, что если силы природы и энергию заложенных в нас стихий мы назовём коммунальным хозяйством. Ибо наисерьёзнейшим политиком в Калининграде считают того человека, которому лучше других удастся справиться с условиями минимальной прожиточной катастрофичности. Люди жаждут жить в тёплых квартирах, в которых не взрываются и не замерзают трубы водоподачи, в чистых подъездах и прибранных дворах; молодые хотели бы доступных, да не хиреющих или исчезающих детсадов и школы за углом, а пенсионеры ждут стабильных цен на продукты и на газ... Будет в доме вода, тепло и

750

КАЛИНИНГРАД

электричество (да по разумным, а не «прожиточным» деньгам) – вот тебе и высочайшая политика! Никакие разговоры о Евросоюзе, Большой России, о транзите и визах – ничего так не волнует нормальную жизнь. Тут тебе и база конвертируемой валюты, и климат инвестиций.

Да... А где здесь Литва вместе со всем Евросоюзом, Бог весть, ибо литовский транзит так и воспринят – по справедливости: как нападение варягов. А как иначе? Политические синоптики успокаивали, что после 1 мая 2004 г., когда Калининград и область будут взяты границами ЕС в петлю, цены не возрастут. Куда там! Растут как на дрожжах. И кто виноват? Литва, конечно, и её транзит, её тарифы и всякие там евродела... И вообще – откуда эта Литва взялась? Упала с небес, перекрыла дорогу, наступила на горло родной песни? Бедствия словно и не было – вроде бы литовские князья уже несколько сотен лет не ходили на Восток, а здесь еще и Запад. А тут, совсем как в классической пьесе Николая Островского «Буря»: *Литва*, как чужая стихия, возмись да свались на церковь. А ведь хочется своей стихии, ибо тогда и цены внятней-де росли. Но нет, достаточно было капельке России упасть в чашу «Восточная Пруссия» – и чужих стихий хоть отбавляй. Кстати, во время спектакля «Буря» в Калининградском «Театре на Бассейной» после слов о Литве – неловкий смешок. Вот я и подумал: вряд ли в каком-нибудь другом театре России была бы такая реакция. Понимает все-таки «электорат» тонкость восточного вопроса. Ибо Литва – уж точно на Востоке.

Вот и доказательство, что настоящая политика в Калининграде – не геополитика, не морская или сухопутная, она – политика муниципальная. По правде говоря, как и в каждой нормальной стране. Калининград – это нормальная российская страна, и присутствие ЕС говорит лишь об одном, если по крупному: это самый что ни на есть Запад. Запад России. И какие-либо ток-шоу тут ничего не изменят.

Так что по вопросу коммунальной политики и такой же природы все внятно и понятно, все в русле. Вернёмся к природной политике и стихии.

В войнах против тевтонов язычники-пруссы были для пришельцев ничем иным, как частью природы. И уничтожали их, туземцев, как природу – как то, что надо преодолеть. Так вели себя, увы, все «цивилизованные», «продвинутые» пришельцы, вспомним: по отношению к индейцам, диким австралийцам, неграм ЮАР и кому бы там ни было... Стоп. А как вели себя новые переселенцы – после последней мировой, страшной из войн?

Сразу же после 1945 года природа застыла на месте, там, где был враг – и в прямом, и в переносном смысле. Ситуация была схожа с боевой – хотя и после боя. Природа, вкуче с покинутой тевтонцами натурой, территорией и культурной средой (значит – второй натурой), встала на дыбы. И она, как бы не казалось странным, пришлось не по зубам даже руководя-

щей роли КПСС и Советского правительства. Серьёзно одолеть её, овладеть ею было не по плечу – началось разрушение (что всегда легче – «до основания, а затем...»). Каждому прибывшему в область новобранцу в одночасье становилось ясно, что после войны люди явились на территорию смертельного врага – на чужбину – в лоно-логово – во что угодно, только «не наше» и не родное. Обнаруженная культура была враждебной стихией, и ее надо было... Что, по правде говоря, надо было?

Многочисленные рассказы переселенцев нагромождены свидетельствами обо всём окружающем как о непонятном и враждебном. Каждый и всякий оказывались вдруг как в фильме семидесятых годов «Сталкер». Человек как бы преследует цель – в «Комнату», а толком и не знает, есть ли она. Но вот что «кругом враги» – это ясно. И только по достижении цели вдруг обнаруживается пустота и выясняется, что «Комната» была везде, повсеместно, а враги – нигде. В итоге приходится согласиться с тихим выводом: это мы сами по отношению к себе – враги...

И теперь, то есть в 1945 году, уже не древние пруссы побеждены – взят Рим.

Словно готы, вест-готы или лангобарды ново-пришельцы вступили в Кёнигсберг как в разрушенный ковчег цивилизации. Дармовая «гуманитарная помощь» ждала на каждом углу, в каждом доме, на любом хуторе – только бери и пользуйся. Но нет, в поисках вознаграждения за историческую удачу бралась не гуманитарная помощь – бралась пустая крепость. И овладевали ею, как умели, как умели – так и грабили, предпочитая черепки – целому. И стихия человеческой природы – та же природа, только испорченная, – взяла под свой контроль 80% всего добра и богатства Прусской области. Стоит ли удивляться, что после 1990-ого повторилось нечто противоположное, с точностью «до наоборот»: те же 80% были покинуты и оставлены природе?

Природа всегда права. Кажись, не сразу люди вняли мысли и разумению, что надо будет здесь не только рушить, но и обустриваться, и – жить, а не проживать. Надо будет освоить земли, опустошённые города и деревни, надо будет производить на мир своих, и хоронить своих. Указы компартии или политруков в этом деле были бессильны – страстные учителя ничего особенного предложить не могли, ибо классики марксизма да собрание сочинений Сталина – немогущий ликбез в условиях джунглей. Новосёлы повсюду (и в себе) слышали другие голоса – вокруг гуляла разруха, ибо, как говаривал профессор Филипп Филиппович Преображенский, гуляла она в душах призывников Калининградской трудармии, то есть – области. И так как превалировал закон больше брать, нежели давать, природа продолжила своё пиршество, снося старый мир человека.

Строился новый мир. Говорят, несколько десятилетий. И пошли колхозы, совхозы, развернулся какой ни есть, пусть худой, но порядок... Однако вот что удивительно: даже по прошествии 50 лет после страшной войны и всех побед, природа не ушла в

культуру, не вошла в цивилизацию. Она сохранила свою дремучую силу и, дождавшись момента, выступила против истощившего свои силы, отступившего коммунистического проекта. Натура стала разваливаться, то есть по своему «приватизировать», колхозные поля и хлева, мастерские и склады, технику и всяческий скарб... Деревья и кусты повели себя так же, как и каунасские «мальчишки-бандиты», приватизировавшие в те же 1990-ые свой любимый город и бросив его на произвол судьбы, пустив по ветру. Процессы, кстати сказать, были весьма схожи. Скитальцы всех времён и народов, не найдя на новой земле полноты жизни, (попросту) съезжали с земли. В города.

Однако это ещё не весь пейзаж преобразований: за последнее десятилетие стихия вытолкнула из области десятки военных объектов, вывела множество солдат. Трудно понять, по каким причинам сдвинулась армии (этого частенько не знают даже сами генералы), однако на улицах Калининграда солдат стало заметно меньше.

В деревне природе сдались не только здания – сдались человеческие души. И сегодня здесь болтаются алкогольными парами дышащие мужчины, добровольно списавшие себя в биологию. Они как дикири прячутся от женщин, которые бьют их с жалостью русских баб, а потом с жалости наливают последний стакан водки. Затем в ночи слышно, как они, вымотавшись, стонут, словно брошенные волчицы. Поскольку чувствуют, чувствуют свою страшную судьбу: им уже не узнать любви. Остаётся познать землю. А земля, в которую положено хоть одно поколение людей, становится по праву своей.

Люди этой земли всё более склонны быть пруссами, хоть и не понимают, почему. Судьба их присвоила, гудение земли – овладело. Прусы были совершенными людьми природы, они не уходили с пути новоприбывших. Сегодняшние жители *судьбы-индейки* – тоже не в состоянии уйти, и повторяют, мол, нет денег уехать из разрушающегося, поросшего кустарником и бурьяном дома. Если к ним заносит какого-нибудь фотографа (Калининградское фото – стремительно развивающееся искусство), эти *homo sapiens*, маленькие и обросшие, просят их сфотографировать: «Пока мы ещё живы», – добавляют посадившие «Приму» мужчины, а женщины разминают ревматизмом сведённые пальцы. Мужчины тут возникают из дыма как полудики, топчутся по городским подворотням и, выставив лапу с потрескавшейся кожей, называют себя *нищета голая*. Такое упрямство должно было быть ведомо перемолотым историей братьям-пруссам. Увы, новые пруссы не помнят перво(жителей)проходцев, поэтому им остаётся повторять: мы – уходящая натура. Они похоронят себя здесь, или, вернее сказать, их похоронит Царьград. Как и пруссов хоронил Кёнигсберг.

Посему поспешим в этот Царьград, в столицу области, пока мы не пропали в полях, перепутках и кладбищах. Поспешим асфальтированными дорогами, которые здесь хорошие, ещё проложенные немцами и обсаженные пышными деревьями как тоннели. И не забудем, что невинные

липы, клёны и ясени калининградские журналисты прозвали «последними солдатами Вермахта». Почему? Оказывается, от столкновений с этими придорожными сторожевыми ежегодно погибает около сотни водителей. Поэтому – спешим осторожно.

В городах люди другие, особенно в Калининграде, и особенно – интеллигенция. Да, это ещё интеллигенция, а не «интеллектуалия» – не холодные интеллектуалы, эти «шведы-рыбеды».

Здесь читатели книг до жадности падки на издания об истории Пруссии, которых уже навало – а конца не видно; и всё издаётся на русском языке. С умилением сердца люди читают о довоенном Кёнигсберге – городе-сказке, конец истории которого начался в конце августа 1944 года с налётом авиации Великобритании на сердце города и спалившей его. Люди читают, интересуются, поскольку чувствуют – оживает тут что-то, восстаёт (из красного пепла). Оставшийся здесь древний Дух места, который... По-правде говоря, о нём стоит поговорить.

Genius loci – «гений места». Дух места – что это? Мы узнаём о западных *genius loci* ещё с детства, только не о духе своих деревень и городов. Бываем очарованы рассказами о дальних странах. Из романов Александра Дюма о трёх мушкетёрах делаем выводы, что это – «Франция»; от рыцарей Вальтера Скотта – что это – «Англия» и «Шотландия», из греческих мифов – что это таинственная «Греция». Слова и образы, ложающиеся в душу ребёнка, имеют непростую силу – они сохраняются на всю жизнь.

Писатель Пётр Вейль в книге «*Genius loci*» (1999 г.) говорит: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города».

Какие культурные силы действуют в городе Калининграде, где и как они пробиваются на земную поверхность? Нет, этот вопрос для нас несколько несвоевременный.

Сил якобы незаметно, здесь в лучшем случае заметишь знамения. На улицах Калининграда отирается почти полмиллиона тел – половина легальных жителей всей области, и вопрос таков: видят ли они знамения? Замечают ли дух места в надписях уличной мостовой? – они немецкие, русские и даже с меткой «ЛитССР». Видят ли электростолбы? – еще множество их изготовлено из рурского металла. Ударяются ли о гидранты, сделанные в Штутгарте и торчащие на тротуарах? Глядят ли на высаживаемую перед Зоопарком стену гостиницы «Москва», на которой из клинкерных кирпичей выложен герб города Берлина – Медведь?

Здесь в один город слились два. Они встречаются далеко не как корабли в море – встретившись, не расходятся. Вот и гадай да предпо-

лагай, где здесь Калининград, а где – Кёнигсберг. Говори о *genius loci* и повторяй: всё тут синкретично, поскольку ногами инвалида бродит по улицам Калининграда дух Кёнигсберга. Нечему удивляться, что *genius loci* набросил на себя *лоскутное одеяло*. И не стоит пугаться, что знамения *genius loci* Кёнигсберга затмят собой Калининград, – не затмят. Более древняя тень нерусского города может иногда казаться крупнее самого тевтонского создания лишь по оптической ошибке, не больше. Тень горы тоже кажется больше самой горы.

Будущее – тайна, поэтому следует снять шляпу перед настоящим: Калининград встретил свой 750-летний юбилей без особых комплексов. Все здесь смело заговорили о довоенном городе, словно подавая пример Москве. Глупо было бы зубоскалить сегодняшних калининградцев, говоря якобы, (что) они заинтересовались историей словно дети: рассматривают старинные открытки, издают альбомы – и всё это с достаточным опозданием. Чтобы узреть лик прошлого, ты должен кое-что знать, а не крутить головой да глазами современного псевдоевропейца. Большинство из нас шляются по улицам, замечая лишь рекламу и блеск витрин. (Но это – наносное) – не *genius loci*.

Множество калининградцев понемногу стали чувствовать себя виноватыми, что полвека жили не историей края, а идеологией, не знаниями, а отторгающими от знаний мифами. Нельзя их осуждать – им пришлось перепрыгнуть вырытую войной яму времени (и партийных предрассудков). Люди начинают узнавать себя на своих жилых улицах, глядя на довоенные фотографии. И любят, узнав, что Королевский замок в 1852 г. был украшен новой башней, – и радуются его фотографиям, словно это случилось только вчера. Святая простота, свидетельствующая о юности души – не будем завистливы.

Величие городов измеряется не столько высотой домов, не значением устроившихся в них организаций, но чаще всего величиной сотворивших их людей. Кант, Гофман, Бессель, Нойман, Гиппель или даже литовец Реза (его именем называлась теперешняя улица Сергеева, рядом с Нижним прудом)... Словом, величие Кёнигсберга – наглядно. А каков *genius loci* Калининград? Космонавт Леонов, писатель Снегов, жена президента Путина Людмила...

Начало серьёзных сравнений – 1994 г., когда проснувшиеся калининградские интеллигенты внезапно осознали, что они безмерно богаты: у них старейший в странах Балтии Университет. Основанная герцогом Альбрехтом Альбертина для литовцев, как известно, почти родная. Университет, наряду с другими восемью профессорами, создавали сосланные из Литвы Раполёнис и Кульветис. Надо лишь вообразить, какой шок испытывает просвещённый человек, когда ему говорят, что он закончил не Калининградский Университет, основанный в 1967 г., а Альбертину, старше на четыре сотни лет! Сломавшая льдину страха *перестройка* сослужила службу и на этот раз: в 1994 было отпраздновано

450-летие Университета. Разослав приглашения по всему свету и выправив разрешения на въезд в ещё так недавно закрытый для иностранцев анклав, активисты доказали, что это – уже эксклав. Торжества получились. И уже на следующий год была издана книга, в которой исследователь истории Университета Альбертины Казимер Лавринович со спокойной совестью мог сравнивать это празднование с 400-сотлетним юбилеем Альбертины в подавленном войной Кёнигсберге. В 1944 г., в круговерти ужаса, городская власть решила перенести празднование с осени на первую неделю июля. Ограничились несколькими лекциями, несколькими спектаклями, несколькими общественными собраниями, концертами. Не прошло и полтора месяца, как историческое здание Альбертины на острове Кнайпгофа уже горело от фосфорных бомб английской военной авиации; а ещё немного спустя центральный дворец на Парадной площади был разбит вдребезги артиллерией Третьего Белорусского фронта.

Зато торжественный юбилей 1994 г. был настоящим праздником! Только представьте себе: отвоёваны у Забытья четыре сотни лет! Калининградский Университет основан не в 1967 году!

И полились исторические исследования, лекции, дебаты, дискуссии. Организатором этого переворота стал Фонд культуры и городские библиотеки (А. Гайдара и А. Чехова), а в придачу – и основанный в 1993 г. Немецко-русский дом. И подобно гвоздям стала вбивать интеллигенция в свои души факты, что город родился не после Второй Мировой войны, а хотя бы в 1724 г., после слияния Альтштадта, Кнайпгофа и Лёбенхтахта. «Первому Бог даровал власть, второму – богатство, третьему – грязь», – зазвучало из уст в уста – пошла искра душевного тока. Что это продвижение в будущее через прошлое могло дать? Оно давало чувство пробуждающейся новой жизни. Станет ли прошлое «своим»? В то время никто не мог сказать – просто дышали паром разверзшейся кладовой и радовались сиянием.

Да, волшебны виды довоенного Кёнигсберга – кто устоит перед ними? Гребни крыш, симфония башен и флюгеров, церковные купола, уходящие в небо как маяки... Глаза застилаются дымкой, когда видишь этот бесцветный (?) (как на негативе проступающий) пейзаж. Застилаются глаза калининградцев, в них появляется мечтательность. И уже редко какой магазин не украшен огромной башней или картиной Королевского замка. Канонический вид – именно эта башня. А Собор на острове Кнайпгоф (Канта теперь)? А стройные шеи Альтштадта и Штайндама? Кто осмелится сказать, что всего этого нет, что это всё – лишь бегущая в душе киноплёнка, лишь фотография? Душа – самая важная часть человека, и если на неё попадает зерно, то, взойдя, оно может разрушить реальные стены. Если глаза – это сознание современного калининградца, то его подсознание – фотографии и изображения прошлого-будущего...

Следовательно, будущее – в наших его руках? Так или иначе, главный архитектор Царьгра-

да Татьяна Кондакова заговорила о восстановлении Царского дворца: «Если будет общественный заказ, спонсоров найдём», - обмолвилась она по телевизору.

Явью становится цветастые сны: «Неужто всё это может случиться? Пруссия – это подсознание, Россия – сознание? Тогда *genius loci*... будущая Балтославия?» Нет, нет, чересчур рано пускаться в такие безумные фантазии.

Поэтому другой архитектор, Олег Копылов, проекты которого стали церквями в Багратионовске (Пройсиш Ейлау), Гурьевске (Нойхаузен) и Чкаловске (Таненвальд), не согласен с Кондаковой: «Старого Кёнигсберга уже нет; мысли о возможном восстановлении Королевского замка – это мечтания создателей Диснейленда». Человек отвечает за свои слова, поскольку он – автор собора Христа Спасителя. Пять золотых куполов на центральной площади Победы, напротив мэрии – это не шутка, друзья и товарищи. Плоды труда дней и ночей этого мужчины (купола, кстати, привезены с бывшего завода космических исследований Челябинской области). И не только собор – обновлена площадь по мысли того же автора молодого поколения. Согласно проекту удалён памятник Ленина.

«Чего ждёт?! – ожесточены сегодня коммунисты, волей которых в Горсовете было принято решение о возвращении памятника на место. – Вы хотите удалить Ленина из центра города?!» На этот вопрос настоятель Собора отец Маркелл ответил: «Нет, мы не хотим его удалять. Но разве вы не видите, что он сам удалился?» Чтобы утихомирить страсти, мэр города Юрий Савенко принял соломоново решение: найти памятнику другой сквер и, установив его там, назвать (площадь) именем Ленина.

Ещё о *genius loci* – глубже. Под фундаментом Тванксте, Королевской горы, – корни мифологического древа мира балтов. Не сгнившие, живые, шевелящиеся. Тевтонские застройки ушли, и здесь вновь место мистическое, стоя на этой земле чувствуешь, как слёзы наворачиваются на глаза.

Так или иначе, Калининградская область является интереснейшим местом в сегодняшней Европе. Литовцу с поляком и ехать далеко не надо – перешагнул границу, и ты в западне. Жизнь тут все ещё не особенно цветастая (детские слова, сказанные за десятилетие: «Мама, тут всё – как у нас, только бесцветное»), однако мощнее развертывается, чем у соседей. Поэтому не надо поддаваться депрессии – она отдалит нас от действительности. В круговороте сознания и подсознания – вот где мы, а там работа не из лёгких. Но захватывающая.

Смак Калининградского духа, воздух, которым дышит *genius loci* – всё это стоит стеной до самого неба, и за неё цепляются вьюнки наших душ. Не осталось идей коммунизма – пришло православие (с 1991 г. уже построено и освоено более 60 православных церквей, два женских монастыря). А как отзвучал день Кирилла и Мефодия 20 мая 2005 г. в Картинной галерее?! Губернатор Владимир Егоров, открывая выставку «Святая Русь», заговорил... о Кёнигсберге как о

достойном подражания примере и сказал почти что следующее: «У создававших этот замечательный город людей нам следует ещё много чему поучиться, - произнёс он тихим голосом с добрейшей улыбкой Санта-Клауса. – Сегодня мы празднуем 750-летний юбилей города, а кое-кто спрашивает, есть ли у нас право это делать? Отвечаю: нам принадлежит только 60 лет города, следовательно, надо работать ещё 690 лет, чтобы догнать Кёнигсберг». Зал сковала тишина, а через мгновение – вздох облегчения. И – легкий как бриз смех, конечно же – смех.

Вот как *genius loci* – прошлое вздыхает сегодняшним – зазвучал с уст бывшего адмирала Балтийского военного флота.

Огромные перемены происходят в Городе: *genius loci* Кёнигсберга возвращается в Калининград семимильными шагами. Охваченные удивлением жители протирают глаза и видят, что живут в центре Европы, на фундаменте мистического Солнечного сплетения континента. Не на развалинах, а на фундаменте стоим мы! Поэтому не пугаясь, что завалится какая-нибудь стена, юбилей 750-летия встречен со... словом Любви. Реклама работала на износ; всюду висели надписи: «Мы любим наш город». Любовь возбуждает адреналин, ускоряются шаги горожан, от которых растёт Город. Хоть и без царя! Ибо все, идущие – короли.

Мюнхгаузен своим мечом небо размешивал все прошлое лето.

А может и впрямь барон Мюнхгаузен претендует на истинное воплощение *genius loci*? Да, он побывал тут всего пару раз, но так или иначе, он гарантирует транзит через границы и века, никого не трогает и не берёт налогов. И ты – лишь сядь на ядро, влезь в контур барона, и – вперёд! И вот уже приглашен мэр города Боденвердера из Германии – и торжественно привезена в Калининград скульптура барона Мюнхгаузена! Свита господ выстроилась в тени церкви королевы Луизы и поставили, что привезли. Скульптура представляет авантюриста-барона, забравшегося на пушечное ядро и пробившего металлическую стену толщиной в три пальца. От барона, конечно, остался лишь контур. Да ничего страшного, ибо негодник пролетел сквозь два города, две эпохи, два государства. Невероятно точный знак соединения времён! Чтобы никто не сомневался, на постаменте написаны имена обоих городов: с одной стороны – «Кёнигсберг», с другой – «Калининград». Барон оставил лаз, рухнула не только Берлинская стена, но и забор Кёнигсберга-Калининграда. Лазьте, братья и сёстры, лазьте из Германии в Россию и назад – лазьте и... взрослейте.

В городе королей без королей.

Такой вот *genius loci*. Дух места...

Ноябрь 2005,
Калининград.

Перевод с литовского Clandestinus

Константин РОЖКОВ,
редактор газеты «Светлогорье»

Балтийское Лукоморье

Блеск и нищета

Зеленоградск – город контрастов. Дворцы тут соседствуют с жалким лачугами. Лачуг заметно больше. И дело не в том, что люди не хотят выкарабкиваться из нищеты. Последние пятнадцать лет у города катастрофически не хватает средств для выживания. Бюджет при прежних руководителях района всегда был пуст, как котомка нищего.

Парадокс: курортный городок обладает мощнейшим ресурсом для пополнения казны, а развиваться ему не на что, хотя у Зеленоградска есть то, чем не обладают девяносто процентов населённых пунктов Калининградской области. У него есть земля морского побережья. Люди, имеющие возможность сравнивать Зеленоградск с Сопотом, Ниццей, с городками Адриатики, даже с соседними Палангой или Нидой, увидев наше поселение (самое подходящее определение для Зелека, как его полупрезрительно называют в народе), приходят в недоумение. «А где деньги? – спрашивают они. – Где они, громадные суммы, вырученные от продажи земли?»

За период с 2002 по 2004 годы в земельный оборот пошла приблизительно тысяча гектаров побережья. В любом рекламном издании и сегодня можно найти объявление о продаже участка под застройку на Куршской косе, в Сосновке, в Куликове, Сокольниках. Цены кусаются.

Высокие цены обозначены только на вторичном рынке. На первичном зеленоградская земля с запахом морского прибоя и восторгами чаек не стоила гроша ломаного. Её раздавали даром. «Даром?» – недоумённо вопрошали противники раздачи. Увы, все прекрасно понимают: бесплатным сыр бывает только в мышеловке.

Терпение лопнуло

2003–2004 годы вошли в историю Зеленоградска как период народных волнений. Тихий курортный городок сотрясали митинги пересуды, нескончаемая газетная полемика. Абсолютное большинство граждан требовало прекратить уничтожение городского парка. Наружу выплыли тщательно скрывавшиеся постановления бывшего главы района, из которых следовало, что единственный зелёный уголок города поделён словно пирог и роздан непонятным фирмам. Именно роздан. Минута конкурсной процедуры. Просто так. Даром. Надо уточнить, даром – это если иметь в виду интересы государства,

муниципалитета и общества. Отчуждение производилось под видом долгосрочной аренды. Однажды на митинге весной 2004 года, организованном депутатами райсовета, жительница Зеленоградска Ванда Наумовна Кругликова, заслуженный учитель России, сказала короткое яркое слово:

– Я рядовой житель. Посмотрите, что делается! Все мы учились в школе, и все когда-то читали Радищева, где было написано: «Звери алчные, пиявцы ненасытные, что народу вы оставляете? То, что отнять не можете – воздух». А у нас и воздух отнимают, вырубая всё. Посмотрите, сколько у нас уничтожено деревьев! 176 деревьев было спилено только в 2003 году. Что у нас будет? Каменный город вместо курорта? Это безобразие, которому нет предела. В Эстонии дом строят – обходят дерево, оно стоит как колонна. А у нас что делается? Руки прочь от парка!

– Я жительница города с 1959 года, – обратилась к землякам Александра Гавриловна Огаркова. – Зеленоградцы! Этот город наш. Здесь наша молодость далёкая кружила. Здесь мы работали и здесь дружили... Зеленоградцы, этот город наш!

– Два слова скажу, – подошла к микрофону Зинаида Леоновна Наумова. – Им всё равно здесь не жить. Они откуда-то приехали, нашлись здесь такие хозяева, и опять уедут, а нам здесь погибать...

Всё только начинается

Летописные источники утверждают, что город у лукоморья Зеленоградск (Кранц) существует 754 года. Он старше Кёнигсберга-Калининграда. В 2006 году исполняется 190 лет присвоению городу Кранцу звания королевского курорта. Всего полтора года – и Зеленоградск начал расцветать. Чистота, выложенные мостовые и пешеходные дорожки – заметные перемены на фоне последнего десятилетия унылой серости, в течение которого местечко шло к неуклонной гибели. Центральные дороги, тротуары отремонтированы ещё в прошлом году, отреставрированы фасады многих зданий, убраны тонны мусора.

Прежнее руководство муниципалитета развело коррупция, мздоимство и беззаконие. Достаточно сказать, что практически каждая пядь дорогой зеленоградской земли уходила «нужным людям» противозаконно. С лихой бесшабашностью разбазаривалась муниципальная собственность.

Прежнему руководству района было явно не до дорог и тротуаров.

Куршская коса. Задача для прокуратуры

Летом 2006 года западную губернию России посетил Олег Митволь. Замруководителя Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Министерства природных ресурсов РФ известен своей решительностью в отношении тех, кто не в ладах с российским природоохранным законодательством. Памятен случай, когда обывательская среда долго мусолила скандал из-за бани, незаконно построенной певицей Аллой Пугачёвой. Впрочем, воз, кажется, и ныне там...

Митволь снискал славу бескомпромиссного борца за чистые отношения человека и природы. В его послужном списке – десятки, если не сотни дел, связанных со сносом незаконно построенных особняков, с привлечением к уголовной ответственности виновных в разбазаривании и присвоении национального богатства. Он с гордостью говорит о тысячах гектаров лучших земель, изъятых у незаконных обладателей и возвращённых государству. (Впрочем, чтобы отвести планируемый нефтепровод от Байкала, потребовалось вмешательство президента... Сильно нефтяное лобби, ничего не скажешь.)

На волне природозащитной популярности Митволь и прилетел в наш край. 14 июля в здании местного правительства Олег Львович дал пресс-конференцию на темы «Результаты проверки фактов нарушения природоохранного законодательства при использовании земель

государственного лесного фонда и жилищном строительстве на территории Калининградской области», «Опыт обеспечения экологической безопасности при нефтедобыче на шельфе на примере Кравцовского месторождения (платформа Д-6)» и «Экологическая безопасность национального парка «Куршская коса»».

Митволь, облетев Зеленоградский район, был потрясён увиденным:

– Я посмотрел с вертолётa и ахнул. У вас есть настолько уникальный уголок природы, какого нет ни в Германии, ни в других странах Европы. У вас просто взгляд «замылится», вы, наверное, не можете осознать того, чем обладаете.

В качестве предисловия Митволь поделился своими наблюдениями за Кравцовским нефтяным месторождением. Он сразу поставил крест на тиражируемом мифе:

– Даже мест возможной утечки нефти на месторождении Д-6 я не обнаружил. Единственный риск, который есть у этой платформы – это риск террористической атаки. Никаких других слабых моментов я не нашёл. На буксире мы обошли всю платформу. После чего меня бросили в воду. Облечили в спасательный костюм, в этом виде я и искупался. Никаких химических привкусов в морской воде я не обнаружил.

Спуститься к устью скважины, на 30-метровую глубину, Митволю, конечно, не пришлось, посему его оптимистическая оценка на это звено технологической цепочки нефтедобычи не распространяется.

Но в основном высокий гость говорил о Куршской косе.

– Могу сказать, что выглядит она с воздуха,

мягко выражаясь, безобразно. Хаотическая застройка. Шанхай. Ещё пять лет такой истории, и не знаю, чем всё закончится. Люди доказали, что при наличии определённого количества цемента и кирпича с особо охраняемой природной территорией можно сделать что угодно. С одной стороны полузавалившиеся дома, а на береговой линии – дворцы. Я у нового руководителя национального парка спросил: «Что это у вас за гидросамолёты?» Он отвечает: «Это самолёт владельца вот этого шикарного коттеджа, имеющего отношение к авиации. Еле дотянул до берега. Теперь не может взлететь». Я дал распоряжение убрать металлолом с территории национального парка «Куршская коса».

Митволь разобрался в технологии возникновения дворцов:

– Вопросов по нашему национальному парку много. Под видом реконструкции старых домов на Куршской косе производится строительство, и в итоге появляется новая гостиница. Этот вопрос абсолютно не регулируется, и, естественно, нарушается закон. Выявляется целая цепочка. Происходит так. Калининградское управление «Росприроднадзора» выявило, предположим, факт незаконной застройки. Передало материалы в прокуратуру. Прокуратура подаёт в суд, пытается этот объект снести. Тут наступает самый торжественный момент: приходит счастливый застройщик и приносит государственную экологическую экспертизу «Ростехнадзора», который ну никакого отношения к особо охраняемым территориям не имеет! Соответственно, суд принимает решение, основанное на этой шикарной экспертизе. Я, мягко говоря, пожаловался коллегам, что не используется полностью тот комплекс мер, которым мы обладаем. С сегодняшнего дня любители приобрести задним числом экспертизу в ненадлежащем государственном органе должны помнить, что есть Уголовный кодекс и его статья 262. По всем этим делам я обращусь в Генеральную прокуратуру. И, помимо, за действия, не связанные с охраной природной территории, предусматривается да шести лет отсидки. По опыту других регионов могу сказать, первое, что делают незаконные застройщики в таких случаях – забывают про купленные экспертизы и тут же сами приступают к сносу своих домов. Почему? Потому что незаконное строение является вещественным доказательством по уголовному делу. По опыту других регионов, этот процесс занимает 5–6 месяцев.

Замминистра назвал Куршскую косу особо охраняемой природной территорией, а любые действия, не относящиеся к защите и охране этой территории, – уголовным преступлением. Управлению «Росприроднадзора» и руководству парка поставлена задача в ближайшее время возбудить уголовные дела, в чём активное участие примет и сам Митволь. «Чтобы было неповадно». Митволь уверен, что из сложившейся практики

есть выход, и Куршскую косу можно превратить в объект гордости, не теряя рекреационной ценности.

– В Соединённых Штатах сорок национальных парков, – с восхищением привёл пример замминистра. – Тридцать миллионов посетителей в год. И никому из них не приходит в голову навезти туда строительных материалов и, заручившись экспертизой какого-нибудь органа, начать строительство. В Америке живут такие же граждане, как мы, и наши деньги там в обращении – доллары. Почему там можно сохранять природные парки, а у нас нельзя? Митволь считает, что срочно необходимо разработать и утвердить концепцию использования национального парка Куршская коса, а впоследствии вывести с её территории и населённые пункты – посёлки Рыбачий, Лесной, Морское. Естественно, это надо делать не одним махом. В результате через 10–15 лет на косе можно получить абсолютно удобную, комфортную зону отдыха для тысяч граждан.

Замминистра Митволь, наверное, был первым и единственным крупным чиновником, взглянувшим на косу не потребительским глазом. Он не стал прикидывать, как бы ему тут отхватить пару гектаров, а по-серьёзному задумался о том, как сделать уникальную территорию общедоступным национальным парком.

Уже через три дня после поездки, в Медиа-центре газеты «Известия» состоялась пресс-конференция. Кроме Олега Митволя в ней принимали участие: Святослав Забелин – сопредседатель Международного социально-экологического союза; Алексей Григорьев – эксперт Международного социально-экологического союза; Максим Шингаркин – директор общественного фонда «Гражданин». Митволь отчитался о своей поездке в Калининградскую область. «Известия» опубликовали фрагмент его высказываний о полученных впечатлениях:

«Мы провели осмотр с вертолета Куршской косы. Это национальный парк, который находится под защитой ЮНЕСКО. Абсолютно уникальна структура этого объекта: дюны, смешанный лес и морское побережье. Конечно, необходимы средства на реставрацию гидротехнических сооружений, которые разбивают волны и предотвращают размыв песка. Однако основная проблема – незаконное строительство. Могу сказать, что ещё три-четыре года бесконтрольного, не выдержанного в едином стиле строительства на Куршской косе, и мы потеряем это уникальное природное явление. Проблемы для Балтийского моря представляют собой неочищенные канализационные выбросы. Калининградская область, пожалуй, единственное место, где канализация не чистится.

(Словно в воду Балтики смотрел Олег Львович. Конец лета ознаменовался мощным прорывом неочищенных фекальных стоков в акваторию моря

в район города Пионерского. Подобные же выбросы в Куршский залив в районе Рыбачьего.) Существует серьёзная проблема с распределением участков в водоохраных зонах местными руководителями. По этому поводу мы готовим документы для подачи в Генеральную прокуратуру...»

Воспоминание о будущем

Зеленоградцы любят свой город. Каждое лето они справляют очередной день рождения Зеленоградска. На праздники приезжают городской секретарь польского города Лэба Эва Хоранин, бургомистр Криницы Морской Анджей Штемпен, вице-мэр Неринги Альгимантас Вышнеаускас, другие именитые гости из Литвы и Германии. У Зеленоградска сотни и тысячи друзей по всей земле.

В Городе мастеров на аллее Дружбы от сувениров ломаются прилавки, дымятся шашлыки, гремит музыка. Из каждого уголка несутся, сплетаясь в единую песню, русские, украинские, татарские, азербайджанские мелодии. У каждого подворья – свой кураж, своё угощение. Среди пестроты особенно выделяются шатры сельских округов: Куршской косы, Романовского, Ковровского, Муромского, Переславского.

Вовсю являют народу своё искусство мастеровые люди.

День города славят лучшие музыкальные коллективы Зеленоградского района и области – от семейных до профессиональных местных и зарубежных групп: знаменитый детский коллектив «Поющие горошины», вокальное трио «Краса», оркестр Аркадия Фельдмана, вокальные студии «Блеск», «Горница». Названия не поддаются перечислению.

Зеленоградск международный

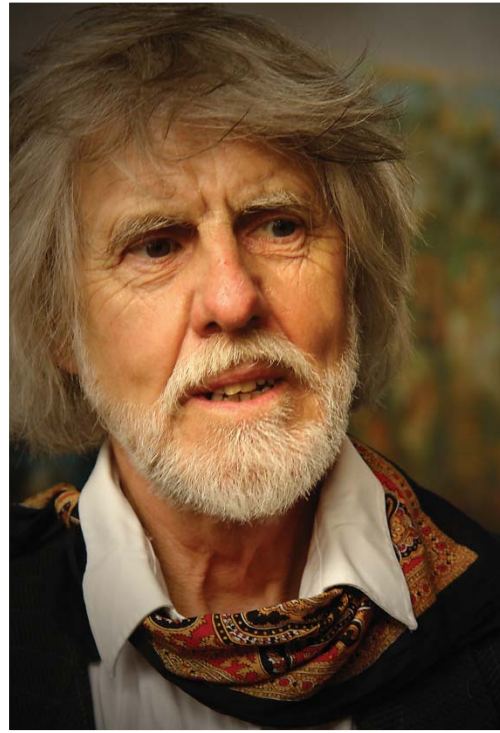
– Мы давно шли к подписанию договора о приграничном сотрудничестве с польским городом Криницей Морской и литовским – Нерингой, – говорит нынешний глава Зеленоградского района Валерий Губаров. – В прошлом году трёхсторонний договор состоялся. Согласно этому договору готовится проект «Интерэк-ЗБ», он предполагает приморское строительство. Для нас это прежде всего – обустройство Куршского залива, строительство погранперехода на Куршской косе. Переход действует, но у него нет статуса международного. Кроме того, будет построен порт в районе пограничного пункта пропуска, в посёлке Рыбачий. В Зеленоградске – на заливе, в Неринге и Кринице Морской будут реконструированы порты.

Проекты предполагается реализовать за счёт трёх источников финансирования – определённую сумму даёт Евросоюз, часть средств запланировано получить по российской федеральной целевой программе плюс деньги каждого из трёх муниципалитетов.

– Мы задумали поднять уровень Зеленоградска до европейского. Считаю, это нам по плечу. Мы обязательно добьёмся того, чтобы город стал образцовым, чтобы слава о нём ширилась, чтобы в него стремились попасть отовсюду. А однажды побывавшие здесь мечтали бы снова приехать на берег российской Балтики. Это очень выгодно прежде всего самим жителям района. Нашему городу суждено оставаться жемчужиной на берегу Балтийского моря, – уверяет новый глава района Валерий Губаров. Оптимист.

Вячеслав КАРПЕНКО,
писатель, председатель
Калининградского ПЕН-центра

Проигранная битва Homo Ludens?

Необходимо поблагодарить за осуществление проекта Шведский институт и консулат королевства Швеции.

Картины художника Бу Альстрёма дают нам возможность не только знакомства с интересным живописцем, но и обращения к тем вопросам, которые он поставил перед собой. И которые ставит человеческое сообщество перед личностью, наверное, с самого начала своего существования. Перед каждым из живущих, из нас. И – перед будущим.

Проблемы войны и мира, как вечные вопросы жизни и смерти, неминуемо возникали камнем преткновения художников и философов от Гомера и Платона до Гегеля, Ницше, Толстого и современных мыслителей и историков Йохана Хейзинги и недавно ушедшего Александра Зиновьева. Человек создающий – Homo faber – за свою историю, уже и обозримую в современности, многое изменил на планете, вырвался за её пределы. Цивилизация уже обеспечила себе весьма удобное существование. Казалось бы, теперь представляется возможным заняться самым главным, зачем, видимо, и явился Homo sapiens: созданием духа, во имя которого природа (или - Бог) допустила наше появление. Чтобы через человека осмыслить самое себя...

В своё время нидерландский философ, возможно по следам эллинов и Ницше, обосновал еще одну мысль о человеке: «если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она покажется не более чем игрой». Homo ludens – человек играющий. Танцы, мистерии, соревнования, наконец – военные парады, как демонстрация силы и мужества – всё это ликование, экстаз и экзальтация, становится своеобразным двигателем нового деяния. К этой черте человека мы еще вернёмся. Не оттуда ли берут свои истоки соревновательность и конкуренция? Отмечу только, что и война с древности поэтизировалась и обставлялась достаточно карнавальными. Разрабатывались костюмы и ритуальные правила, отголоском которых может служить даже уличный закон «лежащего не бьют». И в исторических картинах ранних битв Бу Альстрёма мы легко различим элементы этой карнавальности и героики.

Но... время поэтизации «рыцарской» и «справедливой» войны, утверждения её «рациональности» как движителя прогресса и цивилизации кончилось в XX веке с явлением изощренной эквилибристики ума – глобальным оружием самоуничтожения: газовым, бактериальным, атом-

но-водородным... Окончательное восклицание может поставить термоядер.

Уже в искусстве Гойи (офорты «Бедствия войны»), Делакруа, Верещагина («Апофеоз войны») развенчивается любая романтика войны: холмы из черепов, под которыми билась живая мысль, и земля, устланная остывающими телами, – что этим жертвам, насилием вычеркнутым из жизни, до философских рассуждений и аргументов... И есть ещё «Герника» – как апокалипсис этой цивилизации. Есть «Предчувствие гражданской войны» Сальвадора Дали, где человек и общество раздирает самое себя на части безоглядно и со сладострастием.

Камо грядеши? И что остановит? – «страх Адама», как надежда на всеобщее благое умиротворение? Но войны развязывают не философы, не художники и не землепашцы. «Властители» и политики разных сортов и окрасов. Нельзя не помнить, что каждая неумелая или неумная, или корыстная власть начинает своё утверждение с поиска врагов – внешних ли, внутренних. Особенно власть временщиков. Ещё в «Государе» Маккиавели учил – если нет врагов, создай их. Чтобы подвигнуть человека на войну с себе подобными необходим большой обман и внушение уверенности в окончательной победе. Разумеется, «ради справедливой цели». И каждая война объявляется единственной дорогой к вечному миру. Наш историк Ключевский говорил ещё в 70-е годы XIX века о «патриотах», готовых и свою жизнь положить «ради всеобщего счастья»: «Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь её». Что стало итогом этого пожара, и не только в России, теперь известно.

В живописных полотнах Бу Альстрёма интересно проследить цветовую доминанту каждой «битвы», согласно посылу Георга Дюби, должной стать завершением войны, и счастливым переходом к «вечному» миру. Впрочем, невольно вспомнить остроумный парадокс Л. Джорджа в конце первой Мировой: «Эта война положит конец войнам. И следующая – тоже...». И Бу Альстрём в изображении ранних битв («Актиум, 31 г. до н.э.; «Агинкурт, 1415» и «Хастингс, 1066», даже «Бородино», где уже входит тревожащий серый) еще допускает присутствие голубого тона, как знака мира и надежды. И пусть красный врывается доминантой гнева, ярости и восторга победы, а померанцевый подчеркивает смелость и «правоту» каждой из сторон, еще остаётся умиротворяющая синева неба. Ибо и битва порой заканчивалась (пусть в легендах) сражением двух противоборствующих предводителей или бо-

гатырей. Действо почти театральное. То есть – существовала некая этика ведения войны, которая ограждала мирный люд от её пожара. Даже жестокий Тимур-Тамерлан запрещал под страхом смерти своим воинам трогать мирных селян. Пусть даже из соображений «кормления».

Но вот уже в «Марне, 1918» красный подавляется тягостным серо-тёмно-синим, пронизанным отвращением и безысходностью, здесь в отчаянно раскрытых ртах солдат ошутим запах газа и рвущихся лёгких. И вожаки этого окопного мяса решают судьбы «последней битвы» вдали, в безопасности и чистоте мундиров. И уже, как никогда прежде, набатно звучат слова Льва Толстого: «Война есть убийство. И сколько бы людей ни собирались вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство всё же самый худший грех...». Апофеозом этого убийства, в которое ввергнуты уже массы и мирного населения становится картина «Сталинград, 1943»: жёсткие мазки, где все цвета смешиваются, проявляя почти черный, - страх; страх и белые выплески небытия. Какими цветами предупреждения написать последующую вскоре «окончательную битву» и гриб над Хиросимой и Нагасаки?..

Страх ли уберезит человечество от самоубийства глобальной (и ведь – уже тотальной) войны Четвёртой Мировой?

Да, именно 4-й, ибо третья мировая уже идёт или прошла – война за информационное пространство, в котором можно глобализировать одну идею и снівелировать под неё человека в «единую человеческую массу». Какова же эта идея?.. Ещё Сократ произнёс и отметил два пути развития человека: «Я ем, чтобы жить, но многие из вас живут, чтобы есть». К сожалению приходится констатировать, что жажда потребительства в этом глобальном информационном пространстве насаждается целево и становится всеобъемлющей доминантой жизни. Нельзя не заметить в последние полвека всеобщую бюрократизацию и разрушение слова и языка, почти намеренное разрушение образа, дискредитацию и вульгаризацию истории в угоду временной конъюнктуре. Это несёт неминуемо опустошение и примитивизацию духа, опустошение души, словно приготавливаемой к всеобщему удобно-туалетному рабству. Это – уже симптомы общей болезни, ведущей к самоуничтожению, и война может стать лишь закономерным эпилогом.

С начала своего общественного состояния человечество стремилось выработать идеал, благодаря которому возможно достижение жизненной гармонии. Философия, культура, религия искали этот путь совершенства и счастья человеческого бытования. Поиск этот состоял прежде всего в установлении моральных законов, способных создать условия этой всеобщей гармонии. И, казалось бы, эта связь между идеалом и моралью не должна являть противоречия между ними. Вся наша история показывает, что это далеко не так. Нарушению заповеди «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой» искони сопутствовали хитроумные уловки в виде рецептов

«всеобщего счастья», путь к которому знает только «вождь» или «партия», или «моя страна». И за это «счастливое будущее для всех» на жертвенный алтарь необходимо (и, якобы, – оправданно) положить сотни, тысячи, а затем и миллионы человеческих жизней. Арифметическая эквилибристика «вынужденными жертвами» ради правоты идеала отправляла в крестовые походы, зажигала костры инквизиции ради «спасения язычников», «расширяла жизненное пространство избранной нации» и т.д. Нельзя забывать, что каждый народ вырабатывает в ходе эволюции свой идеал жизни, порой исключаящий все иные. Угроза этому идеалу, насилие над ним неминуемо воспринимается как угроза самому смыслу существования приверженцев этого идеала. Вспомним чудовищную жестокость религиозных войн. Великий мыслящий поэт Шиллер описал одну из таких кровавых оргий, которую католическая армия маршала Тили устроила в XVII веке во время Тридцатилетней войны при взятии Магденбурга: «Жён насилуют в объятиях их мужей, дочерей – у ног их умирающих отцов. Пятьдесят трёх молодых девушек обезглавливают в церкви, куда они успели скрыться; кроаты бросают в пламя маленьких детей и покатываются со смеху, видя, как несчастные простирают к ним с мольбой руки...». «Против глупости бессильны даже Боги» – заключает Шиллер. Но только ли глупость? Ведь фанатизм подпитывается вполне целеустремлённо и не без выгоды для идеологов. Наверное это самое страшное нравственное преступление – разрешенность, идеологическая оправданность и безнаказанность убийства.

Далеко ли ушло человечество от того времени? И вот теперь наконец – «торжество демократии», к благам которой несогласных, конечно же – ради их благоденствия, необходимо привести силой. Ради этого можно «на время» нарушить главную заповедь, поставив киноную печать под криком «убей неверного», «поручь идолов и им поклоняющихся» или «уничтожь диктатуру». А дальше? – каждый против всех, и все – против каждого? Месть – оправдание раба, неспособного обрести свободу – в себе.

Увы, память человеческая коротка: благополучно забыты ковровые авиабомбёжки и их «справедливая» месь гражданскому населению разрушением Дрездена, Кёнигсберга, взрывы Варшавы и Минска... Сегодняшняя тенденция глобализации и прокламация какой-либо стороной «единственной истиной» и «защитой всеобщей демократии» неминуемо ведёт к конфликтам. Ибо кроме страха поражение несёт в себе такую силу обиды и угнетённости, на которых очередные «вожди народов» строят свою власть, чтобы восстановить «справедливость», а в беде, страданиях и унижении легче всего объединить нацию. Тем более нацию, соединяющую в себе личности снівелированные, ведь нынешний «социальный прогресс» требует той стандартизации людей, которую называют равенством.

Страх? В своё время Маринетти прельщал молодежь войной, обращаясь не к патриотизму,

не к защите очагов и даже не к личному мужеству, но – как к разновидности спорта, охоты и игры, в которой единственно можно проверить мужчину. Это обращение к силе и потреблению, которым сегодня пронизана атмосфера экрана, поп-шоу и «бестселлеров», обесценивают саму жизнь.

У страха тоже есть пределы. В этой связи не худо напомнить восточную притчу о деревне, в которую хан посылал воинов отбирать дань. «Что они делают? – спрашивал он грабителей по возвращении. – Пытались сопротивляться, пришлось нескольком головы отрубить. – Идите, еще не всё взяли... - А теперь что? - Проклинают, рвут волосы. – Идите вновь! – О, всемиростивый хан, они теперь пляшут, хохочут, играют в кости и любят... - Вот теперь у них нечего взять!».

Вечный спор об изначальности зла и добра в природе человека. Но внутри вида в природе животного мира каннибализм редок и исключителен. Особенно среди тех, кто оснащен смертельным оружием: хищник редко убивает себе подобных даже в борьбе за самку. (Конрад Лоренц). Существует табу – слабый имеет право подставить «яремную жилу» и уйти.

Нельзя забывать, что у человеческой войны совсем другие, не присущие природе, установки: и прежде всего это – власть, в каких бы формах она ни выражалась. Власть сегодня, а не благо и будущее – завтра. И, скорее всего, современный человек, вырастающий в обществе глобального потребления, ни в малой степени не ощущает себя жертвой. Картинками насилия и мишурой «благ цивилизации», за которые можно и жизнь отдать, почти микшируется инстинкт самосохранения. Зато семена Каиновой зависти и жажды власти падают на всё более удобренную почву. Исторический опыт показывает, как ни абсурдно это может звучать, в «последней битве» выигрывает... проигравшая сторона, ибо у победителя – больше потерь. Именно героических, жертвенных, интеллектуальных и возрастных сил. Потенциально – воспроизводящих новую жизнь. И каждая война несёт деградацию нации, какими бы фанфарами и эпитетами победа не раскрашивалась. Ибо погибают – лучшие и молодые...

Так страх или Разум, одухотворённый сознанием единственности и самоценности любой жизни – спасение рода?..

В самом начале XVI века Иероним Босх написал свой триптих «Сад наслаждений». Уже на левой створке триптиха показано, что даже в самом раю таятся первые зародыши мирового зла, в центре же – человеческое грехопадение, разгул всех семи греховных страстей, включая властолюбие, гордыню и сладострастие. В третьей – каскад адских мук, «где дьявол терзает людей за проступки, которые он же и спровоцировал». Тот самый конфликт между идеалом и моралью, следствием которого неминуемо явление мирового зла, подтвержденного каиновой

печатью. Только дети Каина должны бы помнить, что им не выжить без детей Авеля, и что все они – смертны...

Невольно вспоминается, как человечество ожидало приход нового века и новой эры, сулящих, якобы, всеобщее благоденствие, понимание и мир... Увы нам! Столь ожидаемое единение человечество на глазах оборачивается глобализацией потребительства, почти прогнозируемым разрушением культуры и подменой её квазиискусством того же потребления. Массированный поток «бытовой» информации, картин насилия и весьма спорного успокоения теорией «локальных» войн, призванных урегулировать конфликты и «справедливым возмездием» не допустить новой, теперь уже поистине самоубийственной войны, станут очередным мифом, если не будут озарены тем идеалом Красоты, о которых говорили Шиллер и Достоевский. Имеется в виду «абсолютная красота, предполагающая создание абсолютно гармоничного общества, как абсолютно художественного произведения» (В. Бранский). Никто не может спорить, что прежде чем решить духовные проблемы (нравственные, эстетические, мировоззренческие) необходимо решить проблемы утилитарные – элементарного выживания. Но наша цивилизация это спокойно в состоянии бы разрешить, если бы не ставила во главу угла эту гонку потребления – ради потребления. Гонку, неминуемо ведущую в пропасть, уготованную ей философией чистого рационализма, если угодно - утилитаризма. Но абсолютная красота, «которая спасет мир», не приходит со стороны, а «оказывается продуктом развития, или самоорганизации, самого мира». Только в разумном соотношении духовного и утилитарного прогресса возможен реальный выход человека из тупика. Как остроумно отметил автор «Искусства и философии» В. Бранский, «красоте незачем спасать мир, ибо нет спасения от красоты» - той самой, что зовётся Жизнью...

Именно поэтому важно место художника (в самом расширенном значении этого понятия) в общественной жизни каждой страны. Его внимание к своему Дару (как – к подарку, который еще предстоит осмыслить и осуществить) и, если угодно, ответственной жертвенности за этот дар. Его – художника – обращение к душе и совести, которая, по выражению Фёдора Достоевского, «есть единственное отражение Бога на земле»... А художник и есть – боль совести человеческой. Обращение и сохранение единственности культуры и традиций каждого, самого «малого» народа. Раскрытие красоты самой жизни и творческого поиска прежде всего каждого – никогда и ни в какой иной жизни неповторимого (эту единственность и неповторимость каждой жизни - от травинки и черепахи до человека внушал еще в V веке до н.э. грек Ксенофан) в своей уникальности! - индивида по имени Homo sapiens...

Иначе мы эту игру и битву проиграем. Мы – как осмысленная часть Природы. Но – именно часть!

Светлана ВИКАРИЙ

Испанский синдром

– Ната, к нам едет Валерия.

– Какая еще Валерия? – с осязаемым беспокойством спросила Наташа. Последнее время ее тревожность стала заметной не только лучшей подруге Наде, которая дважды в неделю появлялась в этой трехкомнатной квартире, очень похожей на русскую. Света Розенбаум, спавшая с ней через стенку тоже слышала затаенные слезы в подушку. Ната просыпалась в семь, делала дыхательные упражнения, обливалась холодной водой и убегала на работу. Она работала няней в молодой семье. Через госпиталь Сант Пауло до Саграды Фамилии шла пешком почти час. Экономила.

– Ну. Валерия из Калининграда, знакомая Ольги Максименко. Я с ней переписывалась последнее время. Учительница.

– А-а, – протянула Ната. – Значит, едет. Ладно, поселим в маленькую комнатку. Только ты сразу скажи, двести евро.

Эта квартира помогала Наташе не только самой жить в комфорте, но и иметь дополнительные деньги. Съезжались сюда по рекомендациям, одни из Вологодска, другие из Украины. Иные задерживались, а другие вскоре уезжали кто в Жирону, кто в Валенсию, Торревьеху. Туда, где была работа.

Ната возвращалась в девять, приносила из кухни тарелку с ужином, набирала номер подруги. Теперь они могли поговорить от души.

В одиннадцать Франсиско звал Надю в постель. У них все было по расписанию. Спала Ната плохо. Одни и те же мысли ворочались в тяжелой голове, сердце ныло. Она слышала, как Света возвращалась со свидания, ступала легкими шагами по паркету, доносился аромат любимых ею роз.

Последней Натиной мыслью было: «Сколько лет никто не дарит мне цветов...» В зыбком сне она возвращалась в свою квартиру на окраине родного города. С девятого этажа

была видна деревня в три улицы. За околицей паслись пегие коровы, лихой подпасок скакал на кобыле, в лазоревом воздухе мелькал кнут. Незыблемо как нарисованный стоял островерхий лес, а за ним начиналась густая темень тайги.

2

Лера поставила сумку на пол комнаты, скорее похожей на карцер, чем на спальню. Огляделась без восторга. Кровать, высокий шкаф, зеркало на стене. Но настроение у нее было бодрое.

– Ну, что, девчонки, предадимся дурной привычке? – сказала она приветливо, с интересом разглядывая Натю.

– Я не курю. – отозвалась Ната растерянно.

А Надя не отказалась. Они вышли на балкончик. Теперь Лера видела, что ее окошко выходит в узкий колодец, образованный внутренними стенами домов.

– Наташка здоровый образ жизни ведет. – сказала Надя, с удовольствием затянувшись. – Не курит, не пьет, не изменяет далекому мужу.

– Бывает же! – изумилась Лера. – А я вот готова к разврату. Культурному, конечно.

– Завтра я тебя помешу на французский сайт знакомств Витик. Вот и резвись.

– Думаешь, получится? – с ноткой сомнения спросила Лера.

– Ты же красивая баба! Испанцы нас любят. Все от тебя зависит.

– У тебя ведь получилось.

– Это как сказать. – уклончиво произнесла Надя

– А что с работой? – спросила Лера.

– Летом и не сезон. Все отдыхают. И ты отдыхай. Кривая судьбы тебя обязательно куда-то выведет.

Лера заметила, что выглядела Надя грустной, утомленной какой-то. С чего бы это в испанской-то благодати? – успела подумать она, но пора было прощаться. Сеньор Франсиско звонил,

что уже подъезжает за своей супругой.

3

Ольга Максименко работала с Лерой в одной школе. Резко посреди учебного года сорвалась она в Барселону и сгинула на целых четыре года. Потом был звонок, Ольга просила Леру сделать ей кое-какие документы. Тут она и сказала, что, мол, сидишь в девках, а время идет только вперед. Приезжай в Барселону, тебя встретят мои подруги. Лучше попробовать, чем потом сожалеть. Лера после развода действительно засиделась. Думала она недолго, с юности была легкой на подъем. Купила в турагентстве путевку, меньше чем за сутки пересекла пол Европы на рейсовом автобусе, и вот она здесь, перед началом новой жизни. А что она теряла? Да ничего ровным счетом.

4

Празднично-яркая блондинка Света очень давно закончила пединститут в Керчи, где вторым языком был испанский. Потом она благополучно его забыла за ненадобностью. Но жизнь сложилась так, что сестра Люся с семьей уезжала на ПМЖ в Израиль. Люся не представляла себя без мамы и сестры. Ее муж приискал Свете фиктивного жениха, и все семейство благополучно покинуло родину. Фиктивный муж оказался впечатлительным человеком, он умолял Свету стать его настоящей женой, и обещал ей еврейскую верность и любовь до гробовой доски. Но Света не хотела бросать якорь в тихой гавани. Как бабочка, перелетала она из одного романа в другой, возвращаясь к сестре с обгоревшими в огне страсти крылышками. А муж Люси добродушно повторял при окончании очередного романа:

– Ничего страшного, Светочка! Времени для создания семейного союза у тебя до ста лет еще много!

Потом сын Светы женился на русской француженке, и Света поехала в Париж, полечить больную душу. Когда заговаривали о возрасте, Света всегда отмахивалась, эта тема ее расстраивала. Свете шел всего пятьдесят пятый годочек, но никто никогда не мог об этом догадаться! Потому что она всегда жила в свои сверкающие двадцать пять! Париж с юности манил ее. Монмартр, Версаль – слова-то какие! Гоген, странный и непонятный Сент-Бев, удививший

ее очень много лет, но чем она уже не помнила.

Но работы в Париже с зачаточным французским ей было не видать. Удовлетворившись панорамой Парижа с высоты Эйфелевой башни, она решила ехать в Барселону. Вдруг повезет в стране низкорослых быков, красивых тореодоров, искраметной фламенки, и пахнущей морем, пазлы. Дали, Лорка, Пикассо, – вспоминала она лихорадочно – сплошные гении начала века, и Гауди...

Дала себе на восстановление испанского пару недель и ринулась в новую жизненную авантюру, как в новый роман.

5

Надя с Наташей прибыли четыре года назад на Менорку. Туда им досталась турпутевка по дешевой зимней цене. Оттуда паромом с двадцатью долларами в Барселону. После Ижевска, из которого они никогда не выезжали, Барселона показалась им столицей мира. Здесь они разыскали по телефонам своих ижевских, а их было уже немало, те показали им город: Рамблу, ведущую к монументу Колумба, поющие фонтаны, Саграду Фамилию и все, что можно посмотреть бесплатно. И на всякий случай, «кормушку» при одной католической церкви, где если приспичит, можно поесть горячего супа из чечевицы и получить паек из сухих галет..

Их устроили на квартиру, на койко места, конечно. В квартире обитало – слово испанское – обитасьен – то есть комната, – много людей. Они поднимались в пять утра, в основном это были мужчины-грузины, потому что добираться до работы на строительные объекты, приходилось на электричке часа полтора. Понятно, что столько же обратно. Приехать, поесть, поговорить о том о сем, упасть на кровать, чтобы снова подняться на рассвете и откопировать предыдущий день.

Хозяйка известная всей иммиграции Клавдия Матвеевна, не баба, а генерал. Она имела испанские документы, снимала две квартиры, и обе заселяла постояльцами. Это был ее бизнес. Еще приискивала и продавала работу вновь прибывшим. Она и устроила Надю в магазин к черному, как ботинок, пакистанцу, который платил сущие копейки. Зато ей доставались просроченные продукты: кукуруза, рыбные консервы, майонез. Они потом перестали для нее

существовать.

А Ната ухаживала за старой сеньорой. Стирала, готовила, меняла ей памперсы, наряжала по утрам бабушку как на праздник восьмого марта: прикалывала ей брошку на воротник платья, красила губы, вернее то, что от них осталось, и рисовала на пергаментном личике коричневенькие удивленные бровки.

Через год они немного освоились и покинули Клавдию Матвеевну.

Ната оказалось образцовой домработницей, со свойственной ей скрупулезностью – опять слово испанское, она терла и мыла, мыла и терла по двенадцать часов в день. А Надя просто это грязное дело ненавидела. Способностей к наведению порядков у нее не обнаружилось. Зато Надя сделала красивые фотографии и, проехавшись по брачным агентствам, заключила договора на устройство своей личной жизни. Через несколько месяцев ее познакомили с хорошо сохранившимся семидесятилетним пенсионером. Он выбрал ее из двадцати предложенных ему невест. В анкете он написал, что она самая красивая. За красоту и взял, другие качества Нади ему предстояло раскрыть. Но тогда он об этом не подумал. А зря. Он просто не читал Достоевского, и не знал, что натура русского человека – есть сплошная загадка.

Он же по наивности считал, что бедная русская эмигрантка, невеста из какой-то глухомани Вселенной, будет просто счастлива, войдя в его дом.

В агентстве, русская дамочка, которая в своем деле собаку съела, убеждала Надю, что случилось чудо. Но Надя ей не поверила, потому что по привычке считала, что чудо выглядит иначе: моложе, богаче, щедрей.

Жениха трудно было назвать дедушкой. Франсиско был высок и строен, вел здоровый образ жизни, жил одиноко в горах под Барселоной в красивом доме с садом, наполненным лимонными и апельсиновыми деревьями. В положении пенсионера, он потихоньку осваивал агротехнику, от которой был далек в своей жизни, когда в ней были жена, с которой они расстались по обоюдному согласию, – надоели друг другу, и дети: неимоверно толстая теперь дочь с целым выводком хороших внуков и очень умный сын-программист, колесивший по свету.

В просторной спальне Франсиско

большую часть занимала огромная кровать, изголовье ее украшало деревянное распятие. Католический Христос был упитан и напоминал хозяина бара местного пуэбло. С этой самой кровати открывалась великолепная панорама на зеленые горы. Удивительные птицы, которых он совсем не знал, – к семи-десяти годам он обнаружил, что оказывается, много чего не знает о жизни, звенящей рядом с ним, с рассвета будили его своими трелями. Комнанию с Франсиско делили только две собаки. Одна была похожа на овчарку, попутанную с королевским пуделем, а вторая вовсе выглядела монстром. И боксер там переночевал, и колли, и еще какие-то путанки. Испанцы в породах собак далеко не доки, они считают, что любить надо любую животину. И искренне любят. Они научились легко заменять проблему противоположного человека собакой. Все лучше, чем одиночество в полной благодати.

Франсиско взял Надю в свою благодать. Сначала не женой, конечно, но через год женился. И это было с его стороны подвигом.. Наде нужны были документы, легализация через брак, иначе, зачем она приехала в Испанию? Он подозревал, что она с ним только ради них, но старался отбросить эту мысль. Ему нравилось выглядеть хорошим человеком. Он считал, что Надя не может быть ему не благодарной.

Он оказался вполне состоятельным во всех смыслах. Борозды не портил. После обеда по-испански конкретного, выпивал рюмочку коньяка с кофе. Это означало, что послеобеденная съезда обещает быть нежной...

Обывательский быт, стабильный достаток и были вожделенной мечтой каждой русской женщины, приехавшей в Испанию искать счастья. Но не для Нади. Самооценку Надя имела высокую. Ее мало смущало отсутствие высшего образования, о котором постоянно помнили другие женщины. Надю не отпускала мечта о самостоятельности и бизнесе. Она не допускала мысли, что надо работать на кого-то или вот так как она терпеть рядом с собой человеком совершенно для не далекого. Надя не могла смириться с тем, что Франсиско во многом, а по сути, во всем с ней не согласен. Их взгляды на жизнь были диаметрально противоположны, и точка соприкосновения имелась только одна – постель. Но это Франсиско считал, что она их связывает, а Надя

считала, что не обеднеет, если угодит законному мужу. Раз ему ее штука так нравится.

Она читала в интернете японца Киосаки, русскую Правдину и всех, кто убежденно врал, как легко можно заработать деньги, если только поверить в собственные силы. В силы свои она верила, но начать бизнес не могла. Денег на начало просто не было, и Франсиско не верил, что хорошенькая женщина из Удмурдии способна к бизнесу.

Надя рвалась, как птица из клетки. Он понимал, если она уйдет, никого другого он уже не сможет принять в свою благодатную жизнь.

А Ната мыла, стирала, убирала. Ее семейство в Ижевске все глубже проваливалось в долговую яму. Муж, в прошлом инженер закрытого завода, месяцами сидел без работы. Наташа по телефону воодушевляла его искать себя, посылала деньги на различные курсы – то массажа, то программирования, то дизайна ландшафтов. Он их благополучно заканчивал, но призвания все равно не обнаруживалось. Дочь тоже не могла определиться: кем ей быть – то ли парикмахером, то ли поваром? Сын вечно вляпывался в какие-то истории. Годы шли, а они сидели в своем Ижевске, руководимые по телефону из Барселоны мамкой, проживали ее оплаканные по ночам деньги, и никак не могли заработать даже на турпутевку, чтобы повидаться.

6

Наутро Лера проснулась от дикого шума. Хлопнули входные двери, послышался смех, начался какой-то гвалт, быстро говорили что-то неразборчиво, путая русские слова с испанскими. Двадцатиметровый зальчик квартиры был пестро заполнен женщинами.

– Это фихи. – кратко сказала Ната, открывавшая им дверь. – В субботу и воскресенье они у меня отдыхают.

Фихи начали представляться. Женщины были похожи на стайку, встревоженных птиц, готовых взлететь в любую секунду. А Света, появившаяся в дверях, без макияжа была похожа на осеннее яблочко, свалившееся с ветки.

– Глагол «фихар» знаешь? – спросила, подивившись ее столбняковому состоянию. – Плохо ты учишь испанский. Фихар, значит постоянный. Вот они и работают в семьях постоянно. Одурачают от тоски и однообразия

жизни. По себе знаю. Год профихарил. А также по селедке и борщу очень скучают. Сейчас варить будут. Галка такой борщец варит, мама дорогая! По выходным я ничего не готовлю. Фихи входят в раж. Ты одевайся, иди в бodeгу за вином. У нас завтрак плавно перетечет в обед, правда, девочки?

Девочки одобрительно зашуршали пластиковыми пакетами, выставляя провизию из русского магазина «Тройка».

– У Татьяны Николаевны сегодня отходная. Сегодня она банкетует. – сказала статная, улыбчивая украинка Галя.

Татьяна Николаевна, интеллигентного вида, возрастная женщина с мягкими голубыми и печальными глазами спросила:

– Что готовить, девчата? Салат оливье обязательно, знаете, у меня достойный салат всегда. Жаркое – картошечка со свининкой. Пирог испеку, шарлотку. «Под шубой» делать? Вот и закончился мой год в Испании. Заработала внуку на три года обучения, а там уж пусть родители вытягивают.

– Отдохнешь с годик дома, глядишь, опять приедешь... – нараспев сказала казанская татарка Соля.

– Наверяд ли... – покачала головой Татьяна Николаевна. – Больно это для моего сердца... День и ночь рядом со старым немощным человеком. Хочешь не хочешь, а о своей старости задумаешься. Рядом со мной навряд ли вот так кто будет сидеть. Так что надо позаботиться о собственном здоровье. Уходила я со слезами, и она, бедная сеньора Антония, так на меня смотрела!...

– Ой, и не говори! У меня, когда первая сеньора умерла, так поганно на душе было. Будто я виновата. Вроде лежала, как колода, бессловесная. А когда я к ней привыкла, как к родному человеку, и не заметила. Хорошая семья была, похоронили бабушку, мне много денег дали, благодарили. – Саша, женщина лет пятидесяти, плотная, крепкая, с быстрыми темно-синими глазами, отороченными белесыми ресницами, проговаривала свои слова скороговоркой, свойственной для малых российских народов. – Так я добавила и сыну дом купила в Саранске, и, слава богу.

7

Она отдыхала, как умела.

С утра садилась в метро и ехала

на нудистский пляж Побла-Ноу. Снимала бюстгальтер и укладывалась под солнце посреди голых тел. Было тихо, детишки не кричали, больше двух здесь в кучку не собирались. Она учила испанский, ела персики, потом вставляла, являя глазам восхищенных нудистов свою крепкую красоту и шла в воду.

По дороге домой, заходила в компьютерный зал на углу, и часа два шерстила на сайте Витика барселонских мужчин.

– Испанца надо брать лестью, вызывать на разговор, самой приглашать на свидание. – объясняла Света. – Они такие же трусы, как и наши. Ответственности боятся. И потом, они очень зависят от своих бывших семей, от детей, даже от жен, с которыми расстались много лет назад. Мне такая зависимость кажется даже патологической.

Один объект, показавшийся ей весьма интересным, приходил на ее страницу каждый день.

– А ты напиши ему, что хотела бы встретиться. Надо же с чего-то начинать, – советовала Надя. Ната ничего не советовала..

В это время Лера учила в учебнике испанского урок про Красную шапочку и серого волка. Вот она и написала объекту, что он похож на красивого волка. Польстила. Потом осторожно добавила, ей кажется, что он боится женщин. И подписалась: Красная шапочка.

Мачо оскорбился и пригласил ее на свидание, дабы доказать, что испанские мужчины не боятся ни быков, ни женщин.

8

– Ну, вот, и кто меня здесь отшикает? – Она уже в третий раз задавала этот вопрос. – Я должна выглядеть, как звезда, свалившаяся ему на голову.

– Он твоей красивой фотографии испугался, а ты хочешь убить его вживую. Лучше порази скромностью. – сказала Ната. – Свои весомые слова она произносила со спокойной рассудительностью. Была в них сермяжная правда. Лера высушила феном роскошные рыжие волосы, пышной волной легшие ей на плечи, едва коснулась глаз карандашом, а губ помадой и вышла на улицу, где в белом Фольсвагене ее ждал сеньор из Террагоны. На тридцать секунд приостановилась, дала осмотреть себя. В глазах Серого Волка загорелся огонь восторга, кото-

рому в перспективе полагалось стать огнем страсти.

Его звали Мариано. Она назвалась своим именем, но он ни в тот вечер, ни потом им не воспользовался. Она навсегда осталась для него Красной шапочкой – Капирусита Роха.. И себя он называл только Лобо. Твой Лобо. Волк. Потом, в приступах нежности, она называла его Лобито – волчонок.

Он был хорош собой, высок, сухощав и вовсе не выглядел на свои пятьдесят восемь. В маленьком саду его дома на холме, стояла теплица под пластиковой кровлей, он выращивал салаты, лук и баклажаны, под лимонными деревьями росли, обнимая их стволы кусты помидоров.

Два прудика украшали сад. В гроте замурован был мотор, вода журчала, поднимаясь и опускаясь, под сияющей полной луной, глядевшей на них с синего бархатного небосклона. В одном прудике жила черепаха, в другом резвились три золотые рыбки. Была еще собачка, маленькая, черненькая, влюбленная в своего хозяина. Она выполняла все его желания: прыгала, падала, умирала, лежала, сидела, ждала. Из собственной бодеги под домом он принес бутылку красного вина, нарезал хамон-ветчину, посреди не стола поставил ярко желтую круглую дыню.

На горизонте, над крышами таких же домов, наполненных испанской благодатью, покоем и любовью, серебрился свет – море.

Странно, Лобо ничего не спросил о ней, не попросил рассказать о своей жизни, не поинтересовался, есть ли у нее дети, родители? Возвращаясь, они снова проезжали вдоль моря. Близкое присутствие Лобо, распевавшего ей «Прощание с Карузо» – у него был красивый голос, великолепие панорам моря с одной стороны и зеленых гор с другой, рождала в душе небывалую трепетную радость. Что-то воспарило в ней. Уже несколько лет душа ее молчала при виде мужчин. Неужели это снова с ней случилось?

Ну, да. Я ведь именно за этим приехала в Испанию, – сказала она себе.

9

Он не звонил всю неделю, а она мучительно ждала, лежа с утра на

песке Побла-Ноу, вздрагивала от каждого звонка. Более того, он не написал ей на второй день. А ведь до встречи они обменивались письмами каждый день. Это было странно и не понятно.

Такую растерянность она чувствовала впервые.

Позвонила татарка Соня.

– Есть тебе работа. Фихой пойдешь?

– Может, попробую хотя бы... – вздохнула Лера. Деньги кончались, пора было думать о работе.

Она свернулась и прямо с пляжа поехала по адресу. Это было ее первое интервью с работодателями.

Молодая испанка с копной черных вьющихся волос, как у молодой герцогини Альбы на знаменитом портрете Гойи, открыла ей дверь. Одета она была в зеленую полосатую униформу.

«И на меня наденут такую же лягушачью шкурку» – подумала с неприятностью.

Испанка кивнула приветливо, и Лера пошла по полутемному коридору до приоткрытой двери. Это был кабинет – огромный, украшенный темным деревом, с камином и стеной книг в дорогих переплетах. Ее оставили в этом великолепии на целых полчаса. Она даже решила, что о ней забыли. Она ждала хозяйку синьору Маргариту, но появилась та же испанка в форменном платье, положила перед ней анкету.

– Меня зовут Патрисия. – представилась. Где еще работали, усте? – спросила она, применяя уважительную форму.

– В Греции. В Афинах. – легко соврала она. – В очень хорошей богатой семье.

– Хозяева вами были довольны?

– Не знаю, но платили исправно.

– У нас тоже платят регулярно. – с некоторой гордостью произнесла Патрисия. – О!.. И английским владеете! – Прочла она в анкете и тут же перешла на английский. – Работа не трудная, вы с ней, усте, несомненно, знакомы. Вытирать пыль, начищать бронзу и столовое серебро, мыть хрусталь ... – она сделала многозначительную паузу – и унитазы, раковины, в доме три ванны, бассейн на атико – на крыше. Начинаете работать в 8 утра и заканчиваете также в восемь. Но это не всегда. Если у синьоры прием, необходимо быть рядом. У вас будет уютная комната на атико. В бассейне

купаться запрещается. Вы не курите, это хорошо. Маленький телевизор есть в вашей комнате. Питаетесь вместе с обслуживающим персоналом. Нас немного, пять персон. Завтрак в 7 утра, второй в 12, обед в 15, ужин в 22. У нас отличный повар! Да, еще, когда вы работаете, вы не должны пользоваться мобильным телефоном. Из вашего окна атико открывается великолепная панорама на Барселону. Наши условия: в течение 15 дней вы не имеете права выходить из квартиры. Вы должны привыкнуть к нашему распорядку, а мы должны увидеть вас в работе и в контакте с другим.

– А потом? – спросила раздосадованная Лера.

– Потом вы сможете выходить по вечерам на Рамблу, выходной – воскресенье.

– Один день! Всего один день! – воскликнула она.

– Да, один день. Ведь вы фиха, а не интерина. Вы не имеете права спать в другом месте. Все регламентировано.

– И каким будет мой месячный гонорар? – она достигла степени закипания, едва сдерживала себя, чтобы не сказать ни в чем не виновной девушке какой-нибудь грубости.

– Семьсот евро.

– Семьсот! Всего семьсот! Да я дома их зарабатываю!

– Зачем тогда вы сюда приехали?

Она знала, зачем сюда приехала, но деньги ее тоже интересовали.

– По вашему регламенту надлежит щекотать сеньоре Маргарите перед сном пятки, как русской царице Екатерине?

Поднялась, смяла анкету.

– Я не буду у вас работать.

– Но почему?! – удивленно воскликнула Патрисия. – Вы нам подходите. У вас внешность, высшее образование, знание английского. А испанский вы быстро выучите.

– И что тогда? Вам будет еще удобнее?

Девушка продолжала улыбаться, теперь уже растерянно.

– Да, да... – торопливо закивала.

– Вы – русские, очень свободолюбивый народ. Но дело не в этом – просто дисциплина, работа такая.

Она бежала, летела по длинному коридору, как фурия.

Впустивший ее служитель – партеро, в коричневой униформе, похожий на

четыреугольный керамический вазон для цветов, ждал у двери внизу.

– Красавица, в девять, в ресторанчике напротив, придешь? Я буду очень ждать!

Сеньору Майте через неделю подкинула ей Надя.

Майте была самой худой женщиной в Барселоне. главная забота ее жизни заключалась в сохранении стройности. Все семейство находилось на полуголом положении. И это при их доходах! Синьора Майте была владелицей цементного завода. Ее отец – крепенький мужичок, слегка похожий на муми-троля заправлял бизнесом, а дочка ему помогала.

Пищевой минимум семьи по утрам состоял из хлопьев с молоком. Вернувшись с работы, Майте съедала йогурт с каким-нибудь печеньем, просматривала «Лавангвардию»-толстую ежедневную газету и красивый журнал о жизни коронованных особ. На ужин был салатик из пяти-шести компонентов, добываемых из консервных банок, и макароны с бифштексом или антрекотом, или с сосиской из дорогого супермаркета Каргадо. Заказы привозили раз в две недели. Лера расписывалась в приемке и всегда знала, сколько хозяйка потратила. Тратила та немного, объемную часть заказа составляли туалетная бумага, дамские салфетки и средства для наведения чистоты. Лера пыталась объяснить, что много химии вредно для здоровья. Но синьора Майте, похоже, считала Леру не способной уважать химический прогресс.

Синьора работала до четырех и, вернувшись, с видимым удовольствием оглядывала идеально чистую квартиру. Ей бы и в голову не пришло, что Лера регулярно сливала в унитаз химию и мыла окна простой водой, а вытирала прочтенной периодикой. Бывалые русские лимпиесы, отдыхавшие по выходным у Наты, уже заработали на хлорке артриты. Их советы дорогого стоили.

Полки бара в доме прогнулись от тяжести множества дорогостоящих напитков, которые почти не использовались по назначению. Целую неделю сеньор Хуан пригублял одну бутылку вина, которая болталась в холодильнике и только злила Леру. Лера же за неделю выпивала три-четыре бутылки красного испанского тинто.

Синьоры имели двух сыновей-погодков Джорди и Марка. Мальчики были красивые, как и большинство испанских детей, но какие-то закрытые. Вернувшись из школы, съедали опять хлопья с молоком, которыми уже завтракали, и шли учить уроки. Семейство было не по-испански холодное.

Лобо звонил редко. Не более раза в неделю. Он задавал всего лишь один вопрос: Как дела? Она говорила: Очень хорошо. Я работаю. А он даже не спрашивал: где? В каком качестве? Про себя Лера стеснялась своего нового положения, и успокаивала себя тем, что лучше Лобо не знать об этом. Хотя она четко понимала, что эта работа, как и говорила Патрисия, нормальная для основного большинства не только иммигрантов, но и самих испанцев. В сфере чистоты трудилось огромное количество людей. В семь утра она выходила из дома, и через стеклянные двери подъездов видела, что там уже работают молодые испанки. Трут стекла, моют кафель. Дворники скребут асфальт. Но понимание этого все равно не успокаивало ее.

– Это гордыня. – говорила Ната, прочитавшая множество книг.

– Да причем здесь гордыня! У меня есть профессия, которую я люблю!

– В своей профессии ты будешь работать не раньше чем через лет пять, когда у тебя будут документы. А сейчас ты нелегалка. У тебя одна цель – выйти замуж.

– Надя вышла замуж. И что? – Ната в ответ вздыхала.

Впервые за полгода пребывания она усомнилась. Выдержит ли? И нужен ли ей испанский брак с человеком, которому она должна быть благодарной. за то, что он снимет ее страхи о будущей ничтожной русской пенсии, и, умерев, оставит ей свою? Ведь с ним надо жить, спать, заботиться о нем. А ей хотелось любить. Она могла бы полюбить Лобо.

Ее отношения с Лобо превратились в ритуал. Он забирал ее к себе, почти каждую пятницу. Собачка Негрита-Чернушка встречала ее радостным лаем. Потом Лобо готовил тортилью и рыбу, запеченную в соли, они пили вино, смотрели телевизор, потом в постель. Их отношения внешне напоминали семейные. Утром он тренировался в спортивном клубе, а она им любовалась.

Она видела, что его раздражает,

когда она пытается переставить вещи в его доме или хотя бы навести порядок. Нет, не бывать ей здесь хозяйкой, это было яснее ясного. В воскресенье вечером, он увозил ее в Барселону, а на обратной дороге заезжал на ужин к брату.

И снова ровно в восемь утра, она нажимала кнопку звонка в квартиру Майте. Все внутри нее сопротивлялось, она заставляла себя переступить порог элегантного холодного дома. Ната и это объясняла: У тебя отсутствует смирение.

Она плохо понимала – зачем ей воспитывать в себе смирение?

Квартиру убрать было не трудно. Трудно было находиться в ней без дела те десять часов своей жизни, которые Майте у нее купила за 800 евро. Делать было нечего уже после двенадцати. В «Лавангвардии» она читала некрологи, обводя карандашом цифру возраста усопшего. Рекордсмены, почившие в девяносто восемь и девяносто девять лет не были редкостью. Но она заметила, что с дистанции стали сходиться довольно молодые мужчины 67-70 лет.

Она выходила на один балкон, поливала цветы, любовалась роскошью зеленых гор и возвышающимися над ними пиками Тиби-Дабо. Белый купол обсерватории парил, как облако. Но сколько же можно было любоваться!

Что я здесь делаю? Спрашивала она себя. За каким чертом я здесь торчу, в этой благодатной Испании? Зачем мне она, зачем эта бессмысленная, не моя работа?

Потом она выходила на другой балкон. С шестого этажа было хорошо видно, как вальяжно раскинулась от моря до подножия невысоких лесистых гор красавица Барселона. Справа, сливаясь с горизонтом, голубело море, слева над крышами кварталов поднялась к небу монументальная Саграда Фамилия – божественное архитектурное творение гениального Антонио Гауди, так нелепо и трагично закончившего свою жизнь на рельсах городского трамвая.

10

Через два месяца после начала их отношений она сказала Лобо, что хочет выйти с сайта знакомств. Он пожал плечами и не продолжил разговор на эту тему. Ему и голову не пришло, что это был тест.

Она вышла. Ей казалось, что он должен был понять и оценить смысл этого ее поступка. Но Лобо и не думал следовать ее примеру. Это означало, что его приватная жизнь принадлежала только ему. Он не хотел делить ее ни с кем. В их отношениях не было главного – душевного контакта, так молния запирается замочком и два элемента становятся единым целым. Они были сексуальными партнерами, он скрашивал с ней свое одиночество, ему нравилось показывать ее своим клубе, ощущать себя полноценным мужчиной. Она восхищала его, как женщина. Когда они находились в постели, она верила его искренности. Но высокий экстаз медленно гас, как затухающая свеча, открывали глаза уже другие люди. Она разочарованная. Он вполне удовлетворенный, привычно отворачивался и крепко засыпал.

Я действительно теряю на него время, мама права. – говорила она себе. Однажды в воскресенье в доме появилась его дочь с ребенком. Она приветствовала ее привычным «Ола!» Женщина кивнула, на тридцать секунд задержала свой пронизательный, как у отца взгляд, больше не проронила ни слова. Заговорила с отцом на каталанском диалекте... О ней забыли, словно ее и не было в доме. Дочь ушла, так же кивком простившись. Лобо остался взволнованным, чувствовалось, что он переживал разговор с дочерью, а она поняла, что иллюзии кончились. Не слишком уж она дорога ему. Она поняла, что устала. Устала делать эту трудную работу – создавать отношения с человеком, который совсем не был ее судьбой. И ни он, ни она в этом были не виноваты.

11

Антонио Гауди, попавший под трамвай летом 1927 года, последние тридцать лет кормил этот город ярких ящериц, которых сам выдумал и расселил по городу. Ящерицы плодились с огромной скоростью. Они превратились в живые деньги, на которые каталанцы, земляки великого маэстро нажили огромные капиталы. Более того, ящерицы Гауди превратились в некие фетиши, которым стали поклоняться и остальные испанцы, устремившиеся к солнечным берегам Каталуньи: ее Коста Браве и Коста Дороро, где пляжи белые и можно километры идти в море, удивляясь, и восхищаясь прозрачностью и нежностью воды. Без веселого и разгульного Лоррет де

Мар, спокойной, умиротворенной Тоссы, ныне не представляет жизни ни один испанец. Теперь маэстро Гауди кормит и смуглых, как пережаренные пирожки пакистанцев, бойко торгующих на роскошной Рамбле сувенирами от Гауди, и гибких арабов, продающих шаверму и испанские бокадильо, и замкнутых в своем далеком и огромном китайском мире китайцев. В своих магазинах -стопи-сетниках по дешевке, лихо продают они адаптированные в пепельницы и подсвечники рисунки великого каталанца.. А теперь в Барселону ринулись нищие румыны, с застывшими от тоски взглядами. Украинцы съехались сюда со всей Украины, и шумят и гекают, и рады несказанно, что могут заработать евро, чтобы послать своим мамкам и детям. Грузины, претендующие быть едва не кровными братьями испанским баскам, регулярно отправляют деньги своим толстым грузинкам, обремененным детворой. Теперь и русские, обиженные на свою судьбу и неласковую к ним Россию приехали поискать счастья в этой благодатной земле, освещенной гением Гауди.

И едут, и едут, и едут...

12

Лобо сказал по телефону, что рождество встретит с семьей брата.

Она ответила ему, да, да, конечно, и даже не удивилась. Он не впускал ее в свое святое. Неприятно что-то дрогнуло внутри, вспомнила, как однажды они заехали в кафе на Рамбле Ситчеса. Он принес две чашки кафе и одно пирожное, сказал: «Для двоих».

– Я не хочу, – поторопилась она.

Теперь она отмахнулась от неприятного воспоминания. Разве все русские мужчины щедрые! Но присущее русской женщине стремление к идеализации желаемого объекта снова потерпело крах.

Поэтому когда Майте сказала, что должна ее уволить – ей будто объявили амнистию. Майте искренне не понимала, чему она обрадовалась! В ее удивительно теплом взгляде мелькнула мысль о загадочной русской натуре. Она сердечно сочувствовала ей, лишая ее работы.

– Я постараюсь найти тебе работу, я позвоню своим знакомым. – стала обещать она.

– Не надо, сеньора Майте. Я возвращаюсь домой.

Лера с облегчением сбросила «лягушачью шкурку», подошла к зеркалу, сделала тщательный макияж, который еще ни разу не видела сеньора Майте, расчесала свои прекрасные волосы и в последний раз поблагодарив остолбеневшую Майте, вышла на свободу.

Русские, которые не нужны России

Прусакова Валентина Семеновна. Милая седовласая старушка разговаривает – и каменеет ее лицо. Сидим в маленькой общежитской комнатухе. Две кровати, столик, десяток больших пластмассовых бутылок с водой. Запас необходимый: вода в кранах здесь редкость, подают ее только в случае визита очередной проверяющей комиссии.

История жизни Семеновны – самая заурядная. Росла и воспитывалась в детском доме на Алтае. Вышла замуж за Ивана Дмитриевича, шофера. Переехали в Душанбе. Грянула Великая Отечественная, Ваня ушел на фронт. Семеновна встала за токарный станок в местной «Сельхозтехнике». Тогда выбирать работу не приходилось. А когда отгремел салют Победы, вздохнули с облегчением. Жизнь стала налаживаться, радио в очередной раз объявляло о снижении цен. Тут уже можно было и выбрать работу по душе. Вся семья стала трудиться в аэропорту. Дочь Людмила, закончила институт, получила специальность инженера-химика нефтепродуктов. И тоже выбрала авиацию: стала сотрудником лаборатории ГСМ душанбинского аэропорта.

Появились внуки. Ветерану войны, орденоносцу Ивану Дмитриевичу дали хорошую квартиру. Четыре комнаты! Соседями оказались таджики. Ну, и что? Жили душа в душу. Нация одна – «советский народ», как уверял очередной генсек. И вот, в начале девяностых, грянула перестройка. Союза в одночасье не стало. Милые до тех пор соседи стали поглядывать на русских косо. Начали творить маленькие пакости, хорошо известные не только обитателям коммуналки. Потеряв работу, по подсказке приятелей, подался в Калининградскую область легкий на подъем муж внуки. Жил в заброшенной конюшне под Светлогорском. Перебивался случайными заработками. Наконец, устроился вахтером общежития в Калининграде, вызвал к себе жену. А старики не выдержали угроз соседей, старательно расклеивавших в подъезде листовки с «общественным приговором» русским. Покинули стены, где появлялись дети и внуки, республику, которой были отданы лучшие годы жизни.

Вначале, поддавшись на уговоры, отправились к дальним родственникам в Курскую область. Но там жизнь не сложилась. Прислушались к советам внуки, перебрались в «самую западную». Им повезло: самолично мэр Калининграда выслушал.

стариков, выделил место в общежитии. Вроде, все сложилось как нельзя лучше. Но два года спустя Семеновна похоронила своего Ивана. Людмила развелась с мужем, а потом попа-

ла под сокращение штатов аэропорта. К матери приехала без копейки. В миграционной службе ей дали понять, мягко говоря, кто она такая: не попадаете вы, Людмила Ивановна, под категорию вынужденного переселенца или беженца. Попробовала прописаться. У матери в общежитии – невозможно. Можно найти сговорчивого человека на Центральном рынке, но тот затребует, минимум, триста долларов. А если «зелени» не было и нет? Вот и живет инженер-химик на птичьих правах рядом с матерью. Без гражданства, без шанса найти работу по специальности. Шаркает шваброй в кафе.

... Валентина Семеновна показывает удостоверение вынужденной переселенки. Пора отправляться в миграционную службу на перерегистрацию. А она серьезно больна. На квартиру надежды нет. За дверью комнаты кричат детишки, бранятся подвыпившие соседи. Общежитие – оно и есть общежитие. На чердаке уже который год гниют вывезенные из Таджикистана пожитки.

В общем обычная, простая история, похожая на сотни и тысячи других.

СЕКРЕТНЫЙ ОРГАН

Миграционную службу, а точнее – территориальный орган Министерства Российской Федерации по делам федерации, национальностей и миграционной политике, найти непросто. В четырехэтажном здании масса фирм, и ни в одной не удастся выяснить, где же этот таинственный орган. Я с трудом, но нашел. А накануне был телефонный разговор с новым руководителем службы – Евгением Кулдышевым. Тот наотрез отказался от разъяснения ситуации, в которой оказались калининградские переселенцы и беженцы. Не даем, мол, никакой информации: мы реорганизованы, но процесс перестройки все еще идет. Министерство, которому раньше подчинялся «таинственный орган», ликвидировано. Он должен перейти МВД, но там в свое лоно его еще не приняли, финансирование не открыто. Передача межведомственного «подкидыша» тянется уже более полугода. Однако Евгений Павлович посоветовал по всем вопросам, касающимся проблем мигрантов, обратиться к своему заместителю – Надежде Строкатовой.

Надежда Петровна торопилась по неотложным делам и любезно перепоручила меня своей коллеге – Любове Несвит, заместителю начальника отдела по вопросам миграции. Причем строго ее предупредила: никакой статистики! Приказ строгий, но излишний. «До настоящего времени так и не установлено точное количество иностранных (в том числе исконных русских – А.Р.) граждан, находящихся на территории

Калининградской области». Это фраза из ежегодного доклада Уполномоченного по правам человека Ирины Вершининой. Правда, все-таки скудная информация на этот счет имеется.

Ольга Смитническая - председатель регионального Фонда беженцев и вынужденных переселенцев «Дом» утверждает, что братьев славян, перебравшихся из бывших республик СССР в нашей области более ста тысяч, а в миграционной службе на учете состоит около двенадцати тысяч. Многие из них - сегодня вообще не граждане. Ничьи они, русские подкидыши, не нужные отреформированной России.

«По разным причинам многие переселенцы просто не успели оформить свою принадлежность к России», - комментирует Ольга Борисовна. - «Вот типичный случай. Ирина Кошелева, получившая паспортный вкладыш в рижском консульстве России, попыталась выписаться из Правдинска. А в районной милиции у нее просто изъяли паспорт, на том основании, что требуется проверка достоверности вкладыша. Теперь человек не может ни устроиться на работу, ни получить медицинскую страховку, ни пенсионное страховое свидетельство. Наша миграционная служба? Вот вам пример «заботы» о переселенцах. Семья, в которой все глухонемые - старики, их дети и внуки, наконец дождались своей очереди на жилье. Но - только в Краснознаменском районе. Да ведь там нет предприятий и спецшкол, где принимали бы глухих. Разумеется, старики и дети отказались от такой заботы. «Региональный орган» даже не удосужился предупредить эту семью, что такая разборчивость ей дорого обойдется - три месяца спустя ее могут снять с очереди. Вот и оказались сегодня и без того обиженные судьбой люди у разбитого корыта»

К сожалению, это не единичный случай. Скорее подобные факты носят достаточно массовый характер, что было отмечено и в докладе Уполномоченного по правам человека. Не вдаваясь в частные ситуации, по которым бывшие жители советских республик, оказавшиеся в нашем анклав, не оформили вовремя гражданство, смело можно сказать, что большинство из них попросту не ведало о том, что в 2001 году паспорта СССР стали недействительными. Многие ли из наших читателей знают об этом факте, который был храним чиновниками на правах государственной тайны? Информации практически не было!

Случайность? Недоработка? Нет! Отношение государства и наших чиновников к так называемым «чужим русским». Председатель всероссийского исполкома «Форума переселенческих организаций» Лидия Графова всё это называет ксенофобией и мигрантофобией. Она утверждает, что российское чиновничество попросту боится талантливых, упорных в достижении цели русских, бывших интеллектуальной и производственной элитой в республиках СССР. В результате наши кровные братья становятся попросту лишними на своей исторической Родине. Но зря они обижаются: а нужны ли мы, граждане России, нашему государству? Нефтяная магистраль - да, газопровод - да, древесина - да. А остальное наследство великой державы,

то бить люди, хозяевам демократизированной России просто в тягость. Дайте волю олигарху - тот на обслуживание нефтепромысла наберет сговорчивых корейцев или китайцев, которые не станут требовать жилья, социальных благ и прочих презренных гарантий советских времен.

На днях в столичном информационном телесюжете проводница поезда «Янтарь» выразила мысль, которая подсознательно тревожит каждого жителя области: «Мы не нужны России, мы для нее - головная боль». У нас единая боль с теми, кто долгие годы отрубил на стройках коммунизма в разных республиках СССР, выполняя приказ Родины, а теперь оказался лишним и в суверенных государствах ближнего зарубежья, и в своей стране, которая их предала.

НЕТ ЧЕЛОВЕКА - НЕТ ПРОБЛЕМ

Смею утверждать, что своей экономической мощью и интеллектуальным богатством США, Канада, Израиль, Германия и другие развитые державы обязаны, в основном, переселенцам. К ним и относятся соответственно. Натурализация, хорошие подъемные выплаты, трудоустройство и социальная поддержка позволяют приезжим не оставаться себя чужаками. Доходит до крайностей. В Дании, к примеру, каждый третий школьник - это ребенок из семьи недавних иммигрантов. И тот русский программист, который откликнулся на призыв датчан заполнить 10 000 вакансий на предприятиях и фирмах, сразу после получения вида на жительство имеет полное право баллотироваться в высшие органы законодательной власти Дании!

У нас? Выступая на Конгрессе соотечественников Владимир Путин констатировал: «Пока еще нередко отношение к тем, кто переселяется в Россию - говорю это с болью - как к непрощенным гостям. Россия заинтересована в возвращении соотечественников из-за рубежа. Это очевидно, диктуется и экономическими, и моральными соображениями».

Правильность суждения Президента подтверждается и в Калининградской области. Первая волна мигрантов, прошедшая в конце восьмидесятых - начале девяностых, дала региону большую группу предпринимателей и бизнесменов, солидные инвестиции и тысячи рабочих мест. Однако и поздние мигранты не стали нахлебниками. Многие, начиная что называется с нуля, сегодня поднимают свои предприятия. Депутат областной Думы, известный в области предприниматель Витаутас Лопата, например считает, что благодаря переселенцам в регионе образовалось не менее семидесяти тысяч рабочих мест. И там где трудятся мигранты, нет пьянства, более высока производительность труда и производственная дисциплина. А опасения местных властей, что областная инфраструктура не в состоянии выдержать наплыв переселенцев - ничем не обоснованная ложь, бывший губернатор, ученый - экономист Юрий Маточкин смело приглашал в регион жителей других республик, справедливо полагая, что в области может проживать не менее двух миллионов человек. И только при таком населении наша экономика может, быть наиболее эффективной, причем, как ни странно на первый взгляд, резко сократится безработица. Недавно эту «контрольную

цифру» подтвердила и Москва. К сожалению, у местных чиновников иная точка зрения. Для них правилом стала сталинская фраза - «нет человека - нет проблем». А в результате не были поддержаны уникальные производства, которые привезли с собой переселенцы. Мы не приняли и не принимаем того богатства, которым наделены наши соотечественники.

Что впереди? По мнению многих наиболее дальновидных политиков необходима прежде всего продуманная государственная политика, срочно требуется миграционная амнистия, без которой тысячи калининградских переселенцев после вступления Польши и Литвы в Евросоюз окажутся

в визовой мышеловке, а власти региона - с постоянной головной болью и столь же постоянной пропиской в Международном суде Страсбурга в качестве ответчика за нарушение прав человека.

Протянет ли государство русским людям руку или покажет кулак?

По данным правозащитных организаций в Калининградской области на «птичьих правах» проживает 63 тысячи беженцев и переселенцев, которые в любой момент могут пополнить ряды преступников, наркоманов, проституток.

Пьяный корабль

Юродивый Питер

Питер Курман – вовсе не безумец, как можно подумать. Уже десять лет он вынашивал идею посадить на один корабль всех писателей Балтийских стран и как следует выпить, поговаривая о том, у кого что болит и почему перьям братьев так неспокойно.

Его идея казалась фантастической немцам, шведам и датчанам, которые быстренько подсчитали, что одна аренда круизного судна перевалит за полмиллиона долларов. Кто ж тебе даст такие деньги? Юродивый Питер – в лучшем случае фонды западных стран смогут тебе наскрести 200000. В те времена Литва ещё была в составе СССР и резво выкручивала шурупы горбачёвской перестройки. На помощь Питеру поспешили писатели из тогдашнего Ленинграда. Тут и произошла первая подготовительная конференция по вопросу литературной экспедиции через Балтийское море. Литовцы смотрели на Курмана и русский альянс скептически: что они могут, эти русские – только болтать...

Но петербургские евреи первыми уловили сложившуюся ситуацию, они нашли дешёвое круизное судно «Константин Симонов» и мысли Питера стали реальными, получив телесную форму огромной плавающей консервной банки с белым, жёлтым и голубым залом, где с утра пораньше заседали геи. Но сколько километров и через сколько порогов прошагал Питер Курман за десять лет – сказать об этом мог, наверное, лишь он сам. За это время отыскалось не только дешёвое русское судно – за это время распалась и могущественная Советская империя. Уже после путча 1992г., 24 февраля, международная команда писателей Курмана стартовала из Санкт-Петербургского порта. И я там был, обеими ногами раскачивал палубу корабля, шампанским приветствуя юродивого Питера.

Полиглот

– Вавилонская башня! – вслушавшись в кавардак на корабельной палубе громко сказал Кнут. И улыбнулся, сверкая несколькими металлическими

зубами. Это – наследие советских лагерей, где Кнут Скуенекс сидел как диссидент. Научившись там языкам, песням и ругательствам, он получил также в подарок неизлечимую экзему, которая всем бросалась в глаза. Кнут был популярнейшим персонажем судна – он говорил со всеми на их родном языке; а вытащив на свет литовский, затянул даже песенку: «Кормил, кормил свою лошадку утром и вечером так сладко!»

– Кнут, – несколько покраснев признался я, – мне стыдно, что с балтами говорю по-русски. Ты по-литовски умеешь – а я по-латышски чуть-чуть понимаю.

– Не расстраивайся! – Кнут улыбнулся снова. – Моя бабушка говорила, что может рокотать аж на десяти языках. Десять языков, но на всех только по-латышски.

Село Житинское

Мы стояли возле борта, смакуя из металлических банок. Угощал Ляонс Бредис, неожиданно обнаруживший в глубинах кошелька несколько завалившихся марок. Недавно проплыли жидкий, как из щепок архипелаг и в сером утреннем тумане несмело загорелись первые огни большого города. Холодное пиво и сквозной, влажный ветер были в самый раз после длинных дискуссий в голубом зале. Хорошо было стоять, ничего не делая, и глядеть на свет приближающегося города.

– Стокгольм, – припомнил Ляонс.

– Родина Курмана, – уточнил я. – Не было бы Курмана, не было бы и этой поездки.

– Так, может, это Курмансгольм или Питерсгольм? – размышлял Ляонс Бредис. – Назовём этот город именем Питера Курмана.

– А как же Александр? – напоминаю быстро. – Не было бы Житинского, так не было бы и этого судна.

– А его именем мы окрестим Петербург.

– Александрбургом?

– Село Житинское! – расцвёл Ляонс и торжественно поднял банку с пивом.

– Lai dziva Curmansholm un Selo

Карис идёт домой

Несчастлив человек, который настолько толст, что не в состоянии завязать шнурки на ботинках и проводящих жизнь только дома или в собственном ресторанчике в одном из пригородов Хельсинки, где лишь сидит возле бара и опрокидывает одну за другой рюмки желтоватого виски. Наверное, по ночам его мучают кошмары, когда он задыхается от собственного чрезмерного веса; но кошмары и есть его надежда — деньги и сила. Карис Ненонен — наикрупнейший кошмарных и ужасных рассказов страны тысячи озёр. Это его хлеб. А на нашем пьяном корабле — на котором плывут одни писатели, музыканты и танцовщицы оркестра — он походит на недвижимую одинокою скалу, встроенную зачем-то возле бара в жёлтом зале. Никогда не видел его слезающим со стойки в баре; более того — никогда не видел Воина танцующим, хотя танцовщицы подсаживались к нему на колени, пощипывая иногда длинную щетину Кариса.

И только вечером, когда он уходит из бара, держась за стены, судно начинает раскачиваться, двигаться; на всех столах звенят стаканы и сизый сигаретный дым расплывается по бару.

Тогда уж и у меня начинают заплетаться ноги: я знаю, — Карис Ненонен идёт в свою заваленную одноместную каюту напротив моих дверей.

Человек-гора

— Слушай, — говорю, — мы вдвоём — писатели, и плывём на корабле вокруг Балтийского моря.

— Да, — Человек-гора глядит на меня глазами удивлённого ребёнка.

— Однако этот год — олимпийский. Почему же на нашем судне не хватает спортивного духа?

Человек-гора непонимающе хмыкает и удивлённо поводит длинными светлыми бровями.

— У меня есть медаль лучшему выпивохе судна. Мне кажется, ты — наилучший.

— О-о-о! — замурлыкал Человек-гора, когда медаль повисла у него на груди. — Какая честь! Я повешу её в своём ресторане, чтобы все увидели!

И он резво, как ребёнок, воздел руки вверх и запрыгал:

— Я — лучший! Я — чемпион золотой медали!

Я лишь наблюдал за Человеком-горой и не мог понять, откуда этот милый большой ребёнок черпает сюже-

Коммунист

— Ты — такой же, как я, — сказал мне Бенгт Берг, — ты живёшь в провинции.

— Да, — киваю головой, — я живу в провинции.

— Вермландия — это провинция. Я чувствую себя совсем по иному, когда приезжаю в Стокгольм — здесь больше движения и свободы, здесь генерируются идеи...

— Верно, однако, в центре все чувствуют себя гениями и поглядывают на тебя, как на наивного провинциала.

Глубоко вздохнув, я слил в рот последние капельки своего напитка, дешёвейшего напитка на судне — русской водки со льдом.

— Ещё хуже, — говорит мне Бенгт Берг, — открою тебе секрет... — вдруг он замолкает, осушает свой стакан и смотрит на меня сверкающими глазами: — теперь уж точно не захочешь со мной общаться.

— Почему же?

— Потому что я — коммунист.

— Хочешь сказать, что не признаёшь нашей независимости?

— Нет, нет, нет! — трясёт головой Бенгт, — с русскими я не имею ничего общего, и мне стыдно.

— Чего это?

— Того, что вам пришлось вытерпеть.

— Бенгт, слава богу, ты ведь поэт, а не президент Швеции!

— Ты не понял меня, — ещё раз потряхнул головой мой грустный собеседник, — меня никто никогда не понимал. Вот почему я и коммунист.

Глупый разговор

За альтернативную валюту — «талоны Житинского» — здесь можно было получить стакан русской водки или грузинского вина, который был вдвое дороже. Эти талоны мы приобрели ещё до поездки за советские рубли.

Жители запада покраснели и качались на палубе от пива, а мы — понурились, но упорно — потягивали белую с несколькими кусочками льда. Мы им казались экзотичными ископаемыми, закоренелыми алкоголиками, лакающими неразведённую водку. Это я понял сразу, пригласив потанцевать некую любопытную шведскую писательницу, положившую глаз на наши стаканы.

— Почему все вы пьёте водку? — сразу же поинтересовалась фрёкен Аннете.

— А почему все вы пьёте пиво?

*Да здравствует Курмансгольм и село Житинское! (латышск.)

– Но вы пьёте неразбавленную водку, – поправились коллеги-писательница.

– Потому что вкусно, – а что я ещё мог ответить?

– А дома вы тоже пьёте водку?

– Вместо воды, – мне стало стыдно: неужели она не знала, что можно купить за альтернативную валюту?

– Интересно, – пробурчала коллеги-писательница, – сколько вы можете выпить этой неразбавленной водки?

– Два литра.

– Ежедневно? – удивилась женщина.

– Нет, через день. Денёк отдохну – и пью.

– Но жена, дети... Что они говорят?

– Они гордятся, – ответил я и обрадовался, что музыка закончилась.

Глупый разговор, быстро позабыл о нём.

И неожиданно припомнил, когда год спустя мне прислали шведскую газету, где некая журналистка описывала, как страшно пьют неразведённую водку писатели Балтийских стран.

Густас

Грустный Густас

Один Густас родился грустный и задумчивый. С детьми он не играл, ложился где-нибудь под облако и думал: «Вот, летит это облако куда ему хочется. И почему я не родился облаком?»

Спрашивает Густас отца, а отец – хлоп по столу ремнем: «Не мешай, дурак!»

Или лежит Густас на животе на берегу речки и смотрит, как плывут рыбы. Когда так долго смотришь, начинает казаться, что плывешь сам и трешься животом о донные камушки.

– И почему я Густас, а не рыба?

Спрашивает у отца, а отец – ударит ремнем по столу и кричит: «Не мешай, дурак!»

Или смотрит на лапоть отца, пока глаза не наполнятся слезами радости, – ведь и он мог родиться лаптем...

Спросит у отца, а тот – ремнем, ремнем по столу.

А в один прекрасный день, проснувшись, смотрит Густас на своего родителя, как тот веревки вьет; смотрит долго, пока не вырастает в мужчину. Потом вдруг как вскочит, как ударит ремнем по столу:

– Не мешай, дурак!

Прошел еще год, и у грустного Густаса родился сын, еще более грустный Густас.

Густас – поэт

В каждом городке есть свой пьяница, свой дурачок и свой поэт. В Гембине тоже жил поэт. Он написал стихотворение, которое не печатала местная газета.

– Конечно, – объяснял нам Густас, – там сидят одни взяточники и бюрократы, а редактора больше волнует его собственное кресло, чем поэзия Густаса.

Тогда Густас послал свое стихотворение в Вильнюс, Каунас и Клайпеду, но, оказалось, и там засели одни бюрократы.

– Не печатают, и не надо, – махнул рукой Густас. – Зачем мне эта слава? Я и сам найду слушателей.

Густас начал заглядывать в пивную и за бокалом пива декламировал свои стихи.

– А отсюда и досюдова наши братья пашут плугом, – начинал Густас, устремляясь в дальний угол пивной.

– А отсюда и досюдова наши братья не пашут плугом, – прибежал обратно Густас.

За прогулы и безделье его уволили с работы, от него ушла жена, соседи выгнали его из квартиры.

Бедняга Густас поселился в полуразвалившейся колокольне, где мог сколько угодно шагать взад и вперед, выкрикивая свои стихи. Есть ему было нечего, но пища не интересовала его, обтрепались брюки и пиджак, но одежда не волновала его – Густас жил поэзией.

– Мой дух выше бытия, – часто говорил Густас.

А мы молчали, наблюдая, как он лысеет, худеет и все больше напоминает кузнечика, на длинных тонких ногах прыгающего из одного конца пивной в другой.

Мы еще не знали, что по ночам Густас уже летает по колокольне, наполненный поэзией, словно теплым воздухом, и так бы никогда не проведали об этом, если бы не странная его кончина.

Густаса нашли мертвого под потолком колокольни – он прилип к клейкой ленте. Ее повесили, чтобы колокол не засиживали мухи. Колокол сняли, а про ленту забыли. Видимо, в ту ночь Густас утратил всякую осторожность и принял слишком большую дозу поэзии.

Зачахнет тот народ, который не читает своих поэтов!

Перевод с литовского CLANDESTINUS.

Элегия для Здишка Садлика

Когда, усталый, засыпал в той декабрьской комнате в музее
Под несколькими одеялами и спальными метками,
облаками и лесами сдавленный
Как в извечном сосуде животворной, пульсирующей плоти,
Снизлошло на меня твоё опухшее, усатое лицо смерти,
Которое не спрашивало меня ни о чём, только расширялось тихо
И погружало во мрак зубастых чучел границы предчувствий
Потому что я, твой первый друг со двора, не мог
Быть на твоём погребенье, а должен был ехать на наш север
На озеро Мамры с лекцией о малой отчизне и великой боли,
А теперь эта отчизна боли - у меня под веками - твоё холодное лицо,
Захлопнутое в мертвом дереве с чужого тебе дикого сада
Но, конечно, я тут же заснул, отложив на столик
Избранные стихи североирландского поэта, не терпящего пафоса,
И снилось мне наше местное озерцо с вербой и кладом,
Который должны были укрыть немцы под подводным камнем,
И в этом сне мы встретились с тобой под водой родного озера,
И руками в песке искали клад, который был нашей молодостью.

2.

В этой комнате дремали четыре глухих колченогих дивана
За стеной грохотали водовороты, ветры воспоминаний и судеб
Складывавшаяся здесь на память в коврики, рубашки, накидки и сухие цветы
Местного музея, в котором собрана вся горечь нашего мира
В окно просвечивал древний заповедник и тихо бормотал канал
Дуло в щели, на узком подоконнике лежали одеяла и валики с диванов
В кухне – словари англо-польские, хлеб, чай, масло
Ещё несколько дней назад жила здесь американка
Везде валялись вырезанные словечки и понятные названия предметов
Приехала, чтобы сохранить гибнущую красоту экзотических Мазур
Сейчас отдыхает в Греции, учит словечки античных трагедий
А ты разлагаешься в глине и черноте на банальные элементы,
Более архаично, чем какой-нибудь словарь малых форм
И становишься природой, мертвой надеждой живых
Вдали от нашего Олыптынского предместья, вдали от речи,
Озера, твоего сада, туч над теплицей и пригожей весны
А я содрогаюсь в страхе, что из-за твоей смерти
Стал отмеченным и я, и уже вижу на себе её мерцающие знаки.

3.

Когда-то были мы очень близки друг другу
Вместе видели наши весенние небеса и расцветающие груши
Вместе на уроке химии в школе успели уклониться
От летящей в нас взорвавшейся горелки. Вместе соскочили
С мотоцикла, когда отказали тормоза. Вместе, как кровь
Выпили первый алкоголь - анисовку на чердаке
Вместе были мы в баре, где нас унизили насильем
И ты решил, что никогда больше это не повторится.
Но потом пришли мои первые стихи, гибкие, как ветки цветущей вербы
И твердые, как разбуженный пенис,
который с ничем и никем не рифмовался,
Когда одиноко я выходил за город, с блокнотом, псом и облаком,
А ты стоял за токарным станком, а может быть в канаве,
в дожде ненависти,
Стихи были только мои, как и только твоя была попытка самоубийства
Обычная финка, чтобы покончить с тем, что не было твоим
Потому что не хотел стать собой, и не вечно пьяным, оцепеневшим отцом
Что в конце-концов так и стало. А я встретил тебя через годы в оптовом складе
Фанеры и струганных плит, вообще-то совсем случайно

Ты был еще сильным, грубо шутил, скрываясь за дымом
Сигарет и за комбинезоном рабочего,
Не имеющего будущего, в которое ты вообще то никогда и не верил.
Глаза и походка у тебя были, как у твоего отца - пьянчуги.
Было нам вместе хорошо, пока было.
Прямая дорога до школы, теплица, делянки и сладкие времена года.

4.

Мой вид из кухонного окна - клены, башни костела, спортплощадка,
Груши и яблони, в шпалере недели, твой дом раскаленный
Где всегда подстерегал меня рыжий пес и дозревшее солнце
Которое, как яблоко, можно было собирать целыми райскими годами.
Но дома твоего уже нет, как и нет говорящего сада
И теперь бреду задумчиво вдоль канала по влажному снегу
И оглядываюсь, оставляю ли на счастье живые следы
Всматриваюсь в березовый лесок во мгле за малой излучиной
И воображаю себе недалекие замороженные Мамры
Бушующие низко водяные пары, крики мимолетных часов.
Собацьи тропы и следы сапог каких-то запоздалых охотников
И не думаю уже о тебе, ты - этот воздух, околица, молчание
Снега, ты откладываешься в пейзаже, как пласты жизни и смерти
В плодоносном дереве добра и зла, которое садовник не нашего света
Посадил на нашей малой, провинциальной земле
Потому не думаю о тебе, как не думаю о Боге и Природе
Знаю, что ты – в этих низко плывущих, бушующих в пространстве облаю
Начало и конец которых теряется в запущенном саду небес.

III. Плач над гидрантом 3 V 1998

Прощай, последний, оставшийся от немцев гидрант с улицы Юранда
Сегодня ехал на велосипеде, чтоб вместе с тобой поприветствовать
эту весну

Как приезжаю ежегодно, а ты припоминаешь мне мою маленькую историю!
Но тебя уже не было в заржавленном оке околицы
Какое счастье, что успел показать тебя жене и сыновьям
Но не сделал фотографии с тобой во время наших бесед
Прости меня, не думал, что тебя ждет такая же ужасная судьба,
Как твоего коллегу с этой самой улицы, только ближе к Ягеллончику
Где стоит дом моего детства, и даже еще неплохо выглядит
А ведь именно он, твой веселый, чугунный коллега-близнец
Был моим разумным приятелем, которого навещал в летние
Вечера, чтобы напиться живой воды, пораскачивать цепочки мечтаний,
С чувством похлопать потрескавшийся от краски красный беретик
Сплясать вокруг тебя два ритуальных танца, происхождением из детства
Ну, а ты, после его исчезновения стал для меня народным шаманом
Погремушкой нашего района или матичным шаром, в котором солнце
Всходило и заходило, никогда не смеживая век,
И ты, ореол предместья, стал моим уличным алтарем
Янтарем подворья, в котором застыла матичная вода
Несущая в своих булькающих недрах муравья перемен
И Аркадийский лист метаморфоз, вот и тебя вырвали с корнем,
Но я никогда не забуду, друг-близнец, иероглифы
С рельефным названием «Магдебург» на беретике, который ты поднимал
как облатку
Когда докучала тебе июльская жажда. И вот стоишь как дух
На своей коренастой шершавой ноге, как настоящий уличный мухомор,
Стражник асфальтового леса и дьявольских дорожных плит,
Говоришь, что несъедобный, а несешь в себе живительную влагу
Пусть уж так и останется, прикрою глаза на это местное чудо.
Так прости меня, что допустил, что и тебя уже нет
Ты - самая большая моя утрата с момента, когда начал говорить
Прости меня, друг – уличный шаман и ясновидец
Так жаль мне, что тебя уж нет, как нет и меня на грустной улице
Моих рождественских мечтаний и снежной лампы.

Миниатюры

ВИВАТ, ИМПЕРАТРИЦА...

Из петровского времени Марта смотришь ты на меня черными выпуклыми глазами. Пухлые губы твои тронуты джокондовской улыбкой. В тебя нельзя не влюбиться. Напрасно пастор Глюк читал тебе библию, смиряя твою и свою плоть. Мятая кровь кипела в твоих жилах. Овладевший тобой шведский драгун в ночь после свадьбы помчался в самую гущу битвы. Неизвестный русский grenadier, проткнувший его шпагой, первым начал расчищать твой путь к престолу. Плакала ли ты по тому, кто первым вкусил от твоих прелестей или продолжала улыбаться, став добычей победителей. Любила ли старого фельд-маршала, укрывшего в своей палатке от разгоряченных похотью солдат? Любила ли светлейшего князя, одевшего в парчевые платья? Сколько их было на твоём пути? Сколько обид пришлось претерпеть, пока не глянул на тебя повелитель огромной страны! Пленница, ставшая императрицей, ты никому не хотела мстить. Глядя ласково волосы грозного властителя и прижав его голову к высокой груди, ты возвращала ему детство, отнятое стрелецкими казнями. Фавориты на цыпочках выходили из царских покоев. Ты избавляла их от скорой расправы. Трость Петра недвижно лежала в углу. Смиряющая царя ты не желала властвовать. Дети, рожденные от него, не хотели жить. Не уберегла любимого «шишечку». Петр метался по дворцовым покоем. Глаза вращались в гневе. Другой сын плел заговор. Мог лишить жизни Катеринушку, так теперь государь тебя звал. Хрипел: матка, сердешная, молись! Ты упала в ноги, просила смилостивиться – не казнить Алексея. Слушать не хотел. Никого не щадил. Себя тоже. Каждый год – баталия. Никакой лаской не остановишь! И смирилась. Могла вскочить на коня и вместе нестись на врага. В походной палатке ублажала своего императора и воина. Офицерская женка. В Прутском окружении, когда готовились к смерти,

сорвала с шеи жемчужное ожерелье – бросила к ногам Шафирки. Тот со всех собрал, что мог. На подкуп туркам. Вырвались из позорного полона. Черные кудри мешали в походах. Мыть голову негде. В персидском походе обрилась наголо. И такую еще сильнее любил император. Сам надел на ее голову корону, стоял на коленях. Была сильна любовь, но еще сильнее стала ненависть. Зачем же прельстилась Монсом. Нужен ли галантный прохиндей, если рядом Петр. Ведь готова была все для царя исполнить. Приводила к нему метрессок: развлекайся, если меня не хватает. Все прощала. И когда голова Монса с плеч слетела, улыбку со своего лица не стерла. На ассамблеях, поигрывая крутыми бедрами, обносила фаворитов чарками. И солдатам на смотрах тоже подносила по чарке. Знала чем обворожить. Не Марта – Екатерина, своя целиком и без остатка, матушка-государыня. Но простить не могли, что ты дочь Самуила Скавронского. Даже Шафиров не преминул уколоть: веру свою не забыла. Это ты забыл, ответила, забыл, что Шафирка ты и Шапиро. Его урезонила, но всем не накинешь платок на роток. Шептались по углам. А когда слег Петр в предсмертной горячке, ожили и готовы были растерзать. И тут забили барабаны. Это гвардейские полки под окнами дворца призывали занять престол. Хотелось спрятаться, превратиться в простую служанку, шептала: где ты пастор Глюк? Помолись за меня. Некому укрыть и защитить. Одно спасение – чарка. Налейте мне и гвардейцам, - приказала. И виват, императрица. Теперь все можно. Нет Петра! Выбирай любого из нас, есть и ростом с твоего императора. Ростом есть, а умом нет. И зарыдала, уткнувшись в подушку.

КОРОЛЕВА

Закутанная в белую парчу, в жемчугах и золоте, ты возвышаешься надо всеми. Королева, ты так похожа на

привычную фигуру, скользящую по черно-белым полям. Сильная и непобедимая, свергающая монархов, ты сама не раз становилась жертвой. Признаться, тобою тоже играли. Тебе казалось, что одно твое слово, одна твоя улыбка – и любой властелин у твоих ног. Ты, далекая и прекрасная, никому не позволяла властвовать над собой. Ты была слишком самонадеянна, солдаты, клявшиеся тебе в любви, пали под Фридрихом. Бонапарт, привыкший к легким победам на полях сражений и в будорагах, подарил тебе алую розу. Тебе казалось, что он возвращает вместе с цветком Магдебург. Как ты ошиблась. Лишь Александр, коронованный Гамлет, пресыщенный земной любовью жаждал нечто большего, чем простая близость. Голубоглазый рыцарь, он тоже витал в облаках. Ты проиграла, моя королева. Из глубины веков предупреждаю: короли столь же ветрены как королевы. Напрасно ты облачилась в прусский мундир. Годы стерли твою воинственность. Осталось воспоминание о божественной красоте. И пустой постамент в парке. Ротонда, ждущая тебя. И мельканье марионеток за ширмой в кирхе

твоего имени. И улица, сменившая твое имя. Но разве можно забыть тебя. Что может быть прекраснее Луизеналлеи? Кружится голова от запаха цветущих лип. Луиза, я повторяю твое имя, в тени деревьев, помнящих о тебе. И на мосту твоего имени, покидая Тильзит, я вижу, как ты бродишь в нетерпении по берегу Немана, пока там, на середине его, не закончится встреча двух властелинов, избежавших твоих чар. Делящие мир забывают о любви. В наказание они получают пустынный остров или смертоносный Таганрог.

В который раз расставляя фигуры на черно-белой доске, я аккуратно беру королеву за талию и помещаю ее рядом с королем. Это так ненадолго. Кончится дебют, и она вырвется из дворцовой клетки, воинственная и всемогущая. И вовлеченная в заговор быстро покинет поле. Все решает эндшпиль, в котором каждая уцелевшая пешка может стать королевой. Их много безымянных королев, не помнящих Тильзитского мира. Ты же паришь над Неманом в белом платье, сливающимся с облаками. И задумчиво улыбаешься всем нам, не познавшим королевской любви.

Валентин ЧЕРНОУХОВ

Девочки, водка и лимузин

Путевые истории

Девушка и парень мирно беседовали, поджидая очередной трамвайчик. Передавая поочерёдно друг другу бутылочку колы, они шутили от удовольствия глаза. Завидно сладко и нахально целовались. Стоящий поодаль полицейский

как бы нехотя двинулся к ним. Подошел.

О чём-то спросил. Молодой человек протянул бутылку с напитком служителю порядка.

Тот понюхал, отвёл руку за спину и золотистая струйка полилась на асфальт тротуара.

А потом мы наблюдали сцену, когда полицейский резко отчитывал влюблённых, а те внимали ему с такой же степенью покорности. Наш переводчик Илья улыбнулся и объяснил,

что до двадцати одного года пить пиво в штатах запрещено законом. А здесь ещё и обман,

пили-то под видом колы. Можно и дубинкой схлопотать, или в участок спровадят, где выпишут штраф баков на пятьсот.

Вот таким событием американского масштаба началось наше путешествие. Два русских ухаря, в общем-то заслуженно (не буду объяснять почему), получили возможность погостить пару месяцев в Новом свете.

Оплаченный, из какого-то хитрого фонда переводчик Илья приехал сюда из Москвы ещё до перестройки, подцепив в возрасте двадцати пяти лет, на переправе после второй жены, крошечную американку вьетнамского происхождения. Красивая, сытая страна. Вашингтон, Цинцинати, Нью-Йорк. Безопасные вылизанные города, исклю-

чая неблагополучные кварталы да заваленные пластиковой тарой обочины автострад. Плотный ежедневный график встреч.

И вот Портланд, два дня отдыха. В городе день цветов. Бесконечным потоком движется кавалькада конных повозок, украшенных композициями из тысяч цветов моторных экипажей. Цветы везде, где бы не остановился ваш взгляд, от ковров полевых ромашек до гигантских букетов из роз и немыслимой экзотики субтропических растений. Верхом на пляшущих аргамаках мисс всех штатов Америки, в открытых кабриолетах главы фирм со своими семьями. Оркестры сменяют друг друга, заполняя какофонией звуков остаток пространства между молекулами насыщенного ароматами воздуха. Потрясающая смесь цветного костюма, изгибов пляшущих тел и белозубых улыбок. Зрители орут и рукоплещут.

Завершают проход каждой части этой бесконечной, огромной, извивающейся красочной ленты милые дамы, утянутые в корсеты, увитые в букли, одетые в невероятные объёмы юбок. И когда они мило делают книксен перед очередной кучкой лошадиного добра, изящно заматывая окатыши в плетеные лукошки, обмахиваясь вдобавок той же метёлкой, толпа поднимает уровень звука до рева реактивного самолёта. Зрители занимают места вдоль пути следования всей процессии за несколько дней. Вечером праздник продолжается в порту на берегу Орегона. Всю ночь грохочут на предельных скоростях аттракционы. Дефилируют, блистая галунами, офицеры, причаливших по такому случаю двух военных кораблей. Без ушей, рук и ног мы валимся в необъятные постели прибрежной гостиницы, внизу какие то хлопки и беготня... Кто-то трясёт меня за плечи, шлепает по щекам, заставляет вставать. Утро. Так хотелось позаревать. Слышу, ещё не открыв глаза, что

кого-то застрелили на дискотеке, ворчу, так их и не открыв, у них же свободная страна – милое дело пострелять. Мой коллега неумолим -сегодня едем на Тихий. Какой ещё Тихий, последний день, денег только до аэропорта. Мне объясняют, что если мы не испытаем купели великого океана, то жизнь просто прожита зря и тогда никуда не надо ехать и лететь, а проще повесится здесь же в гостинице. Я лезу в ванну, радуясь, что мне все-таки удалось встать. Всё остальное шутки моего спутника. Теперь спокойно соберёмся, отоспимся в последнюю ночь и в следующий полдень будем уже в воздухе. Домой, домой, только домой. Далее события развиваются так. Илья (он сам ещё не был на Тихом) везёт нас за свой счёт. С нашей стороны только побольше водки. Ну, на водку-то мы уж наскребем? Ради Тихого, да хоть ящик! Через полчаса машина внизу. В назначенное время топчемся с сумкой водки у входа в отель. Ильи нет, машины тоже. Через дорогу одиноко скучает чёрный лимузин метров этак двенадцать в длину, живут же сволочи! А Илью в аэропорту прикончим, купил за понюшку табака, шутник. Медленно поехало вниз стекло лимузина и мы, не веря глазам своим, идём к улыбающемуся из чрева мастодонта лицу переводчика. Мягко захлопнулась дверца автомобиля. Два дивана друг против друга, бара со льдом тоже пара, от водителя можно отделиться перегородкой. Поче-

му и не выпить, начали по маленькой, к океану тройку столичной приговорили. Обжигающая прохлада Великого. Дышащий и выпуклый, отливающий сталью горизонт его тела, стоящие по пояс в воде стражники – скалы, зрелище достойное, чтобы отметить это и не одним тостом. Обратная дорога пролетела совсем незаметно. Я только помню, что водка никак не кончалась, и я, открыв окно наливал святую слезу в большой стакан и призывал разделить мою радость проезжающим рядом водителям. Утром встал как Ванька-встань-ка, иначе вообще не поднимешься после такого. Илья ждал нас, как ни в чём не бывало внизу у стойки администратора, читая газету.

О ужас! Поперёк первой полосы сияла моя глупая рожа со стаканом в окне лимузина.

Илья, загадочно улыбаясь, стал спрашивать зачем еще и девочек возили с собой к океану. Ухмылялся почему-то и мой друг, подтверждая, что о девочках написано там - в тексте... Боинг быстро набирал высоту, и когда после двух посадок в Европе мы приземлились в Москве, голова уже не болела, подтверждая, что водка святой продукт. Коллега же объяснил, что Илья не платил за лимузин ни копейки. Скорее заплатили ему. Теперь каждый русский, будучи в Портланде, обязательно закажет лимузин, чтобы повторить наш «подвиг». Капиталисты, что с них возьмёшь, но Тихий я посмотрел, считай на халяву.

Христиана СПИГЕЛБЕРГ

Благородные птицы

Ванная комната. Махровый халат скользит с плеч на пол. Я бросила взгляд в зеркало. Кто эта девочка? Небрежно подобранные вверх белокурые волосы, голубые глаза, тонкое тело, нежная белая кожа ... Сколько ей лет? 13? 15?

Бр-р-р-р, от холодного воздуха я немедленно покрываюсь гусиной кожей.

Жду пока ледяная вода сменится тёплой, потом горячей. Хорошо. Приятно. Рука скользит по телу. Неужели это я? ... продолжаю изучать изображение в зеркале ... Синяки, глубокие ссадины ... я попыталась наклониться, но тут же вскрикнула. Опять взглянула на девочку в зеркале.

– Что ты мне сделала? – спросили её глаза.

– Ах, ты моя хорошая, ... этот ужасный гипсовый воротник на шее ... Прошное не продаётся, не покупается. Не меняется. Двадцатое декабря ... Ночь. Взрыв. Пламя. Смерть.

Прошло всего лишь несколько дней после трагедии и у меня ещё нет будущего. Только прошлое ... Чтобы жить дальше – его нужно забыть. Забыть. Предательская память...

– Забыть всё ..., – диктую я себе и закрываю глаза. Тёплая вода расслабляет меня. Девочка в зеркале едва видна. Это пар скрывает её от меня или она уже далеко? Далеко ... Вся моя жизнь осталась далеко...

Наш отец, офицер вооружённых сил, умер, когда мне было пятнадцать. Мама вышла замуж во второй раз и уехала в Канаду. Семья была разрушена раз и навсегда.

Я ехать не хотела. Никуда. Близкие были вынуждены пойти на компромисс, оставив меня временно в Германии. В спортивном интернате. На полгода.

Мой старший брат – Кристиан решил переехать в опустевшее имение на Фризских островах Северного моря, которое исторически принадлежало нашей фамилии. Вскоре он оставил военную службу и забрал меня к себе. Помогала нам наша бабушка, которая часто приезжала из Швеции.

Моя юность была относительно нормальной. Детей в школе было очень немного. Все девочки моего класса уже давно посматривали на мальчиков. Мне же не нравился никто, но я замечала в своём теле новые желания.

В день моего рождения ...

14 декабря. Мне – шестнадцать. Бабушка Астрид опаздывает. Она позвонила и сказала, что прибудет несколько позже – на море сильный шторм. Родители поздравляют по телефону и посылают банковский чек. Брат даёт мне большую красивую коробку с джинсами, свитером и изящным бельём. О'кай. Можно быть счастливой.

За окнами холодно. Хотя, не столько холодно, сколько пасмурно и ветренно. В камине потрескивают дрова. На столе шампанское, мясо с апельсинами и мороженное с шоколадом. Работает телевизор. Уютно. После первого бокала шампанского Кристиан протягивает мне руку и я вижу на его ладони маленькую бархатную коробочку. Я беру её и открываю с нетерпением ...

– Ах, Крис! Этот бриллиант стоит, без сомнения, целое состояние!

Он смеётся, надевая мне кольцо.

– Для моей принцессы, – и галантно целует мою руку.

– Спасибо! Благодарю! Как я люблю тебя! – я обнимаю брата.

– Я люблю тебя тоже!

После шампанского, уже в половине одиннадцатого, я хочу спать.

– Да, да, конечно, – говорит Кристиан. – Иди, не беспокойся, я справлюсь один.

В моей комнате довольно холодно, но мне жарко после выпитого вина. Я раздеваюсь и ложусь поверх шерстяного шотландского покрывала на постель.

– Кристиан! Здесь же холодно, так ты простудишься.

Да, немилосердный холод стремительно окутывает меня со всех сторон. Но я почти сплю и не хочу двигаться. Кристиан берёт меня за руки, пытается засунуть под пуховую перину. Но на сей раз, мои пятьдесят килограмм оказались для него слишком тяжёлыми и он приземляется со мной на кровать.

– Excuse me. Извини, Кристиан. Кажется, мы выпили немножко много. А...?

Но я не слушаю его, а только чувствую на своей груди его тяжёлую руку. Наверное, я схожу с ума, потому что притягиваю брата к себе. Да, да, теперь я понимаю, почему мне никто не нравился. Кристиан! Его образ занял всё моё сознание. Абсолютно. Он сильный, храбрый, красивый, умный. Он лучше всех! Он просто великолепный! На мгновение мы теряем контроль. Я вижу мужчину, а не

брата! Я целую его губы, он ласкает меня. Я касаюсь его живота, мои руки скользят вниз. Сердце усиленно бьётся, кровь приливает к голове. Сейчас ... Сейчас ...

Внезапно я чувствую глубоко во мне пронзительную боль. Я ничего не понимаю и кричу ... Мне кажется, я умираю от боли ...

Кристиан вскакивает. Какое-то мгновение он стоит в оцепенении, не понимая что происходит. Вдруг он завопил:

– О Господи! Что я делаю?! Господи! Этого не может быть! ... Не мо-же-т!

Он мечется по комнате, обхватив голову, и я ... я тоже ещё не пришла в себя от боли и испуга.

– Крис, Крис, я прошу тебя, успокойся! Ну, пожалуйста, умоляю, Крис ... Крис ...

Я сидела на коленях и тихо плакала; совсем голая, дрожа от холода. Кристиан, наконец, замечает меня.

– Я сошёл с ума! – он покачал головой, порывисто схватил свою рубашку и накинул мне на плечи.

– Господи, прости меня, я, действительно, сошёл с ума, – стонал Кристиан.

Я нашла первую.

– Не глупи, пожалуйста ...

– Ты что? Кристин, ты не понимаешь, что произошло?

– А что, собственно, произошло? – произнесла я чётко. – Жизнь полна решений ... Разве тебе было бы лучше, если бы я сделала ЭТО в первый раз с нашим глупым соседом Дитером? Он давно уже влюблён в меня.

– О, Кристин, я тебя умоляю! Я, наверное, убил бы его тогда, не знаю... Что ты несёшь? ... Но я! Я не должен был этого делать!

– Только не начинай, пожалуйста, снова. Ты же знаешь: мы принадлежим друг другу ... и ... и это уже давно ...

– Кристин, – он закутал меня в одеяло и обняв усадил к себе на колени.

– Кристин, ты должна знать: моё сердце, ... оно бьётся только для тебя. Ты – мой ангел.

Я обняла его за шею, поцеловала. Помолчав, брат продолжил:

– Тебе исполнилось как раз шестнадцать, ты получаешь документы. Скажи, можешь ли ты вписать в паспорт ещё одно имя?

– Что за имя, Крис? О чём ты?

– Я хотел бы, чтобы ты имела ещё одно имя. Ангел...обжигающий ангел ... Ангелика. Ты сделаешь это для меня?

– Ну да, если ты хочешь, почему бы, собственно, нет? А что скажут родители?

– Родители? Думаешь, они не забыли, что имеют ещё двоих детей, кроме Фридриха?

– Я не знаю. И кроме того, Фритц – наш брат. Младший! Чего же ты ревнуешь?

– Да, вероятно, ты права. Однако, что скажут родители, мне так или иначе безраз-

лично. Я уважаю их, но в данном случае, мне глубоко наплевать. Как и во многих других, кстати...

– Знаешь что, лучше нам обоим успокоиться. Может, выпьем ещё немного шампанского и Luffberg" кофе?

– O"kaу. Умная девочка!

Кристиан подал мне джинсы и бикини, поверх своей клетчатой рубашки натянул мне свитер. Потом прижал к себе, поцеловал в голову и мы вернулись в зал, к камину. Крис взял бокал с шампанским и сел за рояль. Мне тоже надо было успокоиться. Я зажгла свечи и, уютно устроившись в кресле под пледом, слушала Шуберта. Вечерняя серенада, лившаяся из-под его пальцев, звучала совсем по-новому. Сон прошёл и мне хотелось, чтобы эта ночь не кончалась никогда. Мы выпили ещё шампанского. Потом кофе. Я развернула плитку швейцарского шоколада и разломив её, засунула кусочек Кристиану в рот. Поцеловала. От оторвал правую руку от клавиатуры и притянул меня к себе. Зажмурился и уткнулся лицом мне в грудь. Я погладила его волосы и ловко подседа, чтобы вести партию правой руки.

– Послушай, Крис, я случайно нашла в одном шкафу, у нас в подвале, фотографию отца. Ему там 10 лет. Хочешь взглянуть?

– Показывай.

Я принесла фотографию. Гитлер-югенд униформа, 1933 год.

Мой брат долго рассматривает фото и потом спрашивает:

– Почему наша мать вышла за него замуж? Она на 19 лет моложе ... Большая разница. А?

– Думаю, он был умный и бесстрашный, симпатичный и милый. Крутой офицер. И потом, это так романтично – сочетаться браком с немецким аристократом ...

– Да, и кроме того состояние!

– Крис, не будь, пожалуйста, таким циником. В Швеции наша мать тоже что-то имеет. Мы не нуждались бы материально даже, если бы ничего не получили в наследство от отца.

– Да, Кристин, относительно финансов ...

– Что ещё такое?

– Нет, нет, собственно ничего особенного. Я не хотел тебя беспокоить. Думал, ты ещё ребёнок ...

– И ...? – говорю я нетерпеливо.

– Ты знаешь, я подумал – пора заняться бизнесом, наш банковский счёт движется только в негативную сторону. Так долго продолжаться не может.

– O"kaу, но дай мне сначала поучаствовать в Пражском мотокроссе. Это первый мой большой кросс. Я нервничаю. Не торопись, пожалуйста. Не всё сразу.

– Никаких беспокойств, сестричка, мы богаты, благородны и свободны, как птицы! Мы

– боги, нам всё разрешено! – Кристиан держал меня на руках и кружился по комнате.

Прежде чем нам удалось заняться предпринимательством прошёл не один год. С 1989 я начала всерьёз заниматься мотокроссом. Сначала в классе 125 куб.см, потом 250 кубов. Кристиан не только тренировал меня, но и сам занимался автомобильным спортом, постоянно участвовал в ралли.

– Скажи, Кристиан, на ралли в Волен ты поедешь со мной?

– Ты спрашиваешь! Разумеется!

Однако в 1992 году ему не удалось принять участие в Швейцарских автогонках. Во время подготовительных тренировок мой брат сломал правую руку.

– Что происходит с нашими несбывшимися желаниями и разрушенными мечтами? – Он был очень расстроен.

– Крис, нам давно уже надо было сменить главного механика. И по-моему, надо бросить тебе эту манеру – гоняться на Mitsubishi. Чем тебя BMW не устраивает? Стабильная машина.

– Стоимостью. Но, вообще-то, я уже договорился с командой Свена Олафсена. Они подготовили Ford. Вопрос только – как быть с гонками в Волене. Перед греческими ралли, я хотел испробовать этот Ford в Швейцарии. Всё-таки, новая машина...

– Крис, что ты скажешь, если я выйду на трассу вместо тебя?

– Я скажу: это абсолютно невозможно!

– Но, почему? Что, я плохо вожу машину?

– Нет, дело не в этом... Просто ты не знаешь этих машин.

– Ну вот, должна же я когда-нибудь начать? Крис!

– Но это очень опасно.

– Ха! Ты что забыл, сколько раз я участвовала в мотокроссах? Забыл? Разве это не опасно?

– Угу ... и ты повредила себе позвоночник, не говоря уже о других мелких травмах, которых не удастся избежать ни одному гонщику... Нет, я не могу тебе позволить, не обижайся. Пойми, на мне двойная ответственность. Во-первых, я на восемь лет старше тебя, во-вторых, ... во-вторых, моя совесть не даёт мне покоя из-за ... да, ... и ... Проклятье! Я люблю тебя!

– Ты невыносим! С Олафсеном ты контракт, насколько я понимаю, расстроить не хочешь. Тогда – как же быть? Скажи, ну разве ты можешь ехать с гипсом?

– Ты права – дело дрянь! – Кристиан досадно плюхнулся в кресло. Закурил. Чтобы дать брату время собраться с мыслями, я пошла варить кофе. Вернувшись с двумя гамбургерами, пластиковыми стаканчиками десертного шоколада из McDriver, лимоном и

кофейником с душистым Luffberg, я чмокнула брата с нахмуренный лоб. Подкатила сервировочный столик поближе к креслу, где он сидел. Потом подбросила дров в камин, принесла плед и налила две рюмочки греческого коньяка Metaxa.

– Ну, хорошо, допустим,... допустим, – проговорил он в задумчивости и машинально откусил гамбургер. – Фу, откуда эта гадость, Кристиан?! Неужели, если у меня нет сейчас возможности позаботиться о кухне, мы будем жрать дохлых кошек?

– Если ты будешь хорошим мальчиком, я зажарю свежую рыбу. Дитер принёс.

– Дитер? Звучит подозрительно.

– Крис, так мы едем в Швейцарию или что? Переходи к делу.

– Собственно, тебе всё известно, ознакомиться надо только с деталями. Волен – маленький швейцарский город, который имеет трассу для авторалли. Карту ралли тебе нужно изучить. На этой трассе одновременно стартуют пятнадцать пилотов. Все хотят показать лучшее время. Так что, baby, сеанс не для слабонервных. Пройти надо тридцать кругов. Машины имеют чаще автоматы, но есть и с коробками передач. Наша новая будет с коробкой. Для тебя это лучше, ты ведь не любишь автоматические, да и старт возьмёшь в лидерах. Ещё раз разберём с тобой всю техническую часть машины, – он рисует мне схемы, поясняет и объясняет подробности.

– Скорость, тактику и стратегию надо разобрать на практике. Ну и ...?

– Что «и»?

– Что скажешь?

– Ничего, – я пожимаю плечами. – Мне нужно попробовать. Но, дай мне шанс, пожалуйста!

– О'кай. Завтра же начнём.

На такой дерьмовой машине я ещё никогда не ездила. Но, что обещано – то не должно быть нарушено. И я начала тренироваться. Я почти получала удовольствие. На гонках в Волене мне удалось прийти восьмой. Я получила сказочно красивый кубок, как «самый молодой участник соревнований» и как «девушка-пилот». После каждодневных кровавых трудов восьмое место было для меня почти трагедией. Но мой брат был очень доволен и всё время шутил, что приз, собственно говоря, должен был бы называться «самый красивый пилот».

Кристиан был удивлён и очарован дерзостью и смелостью моего вождения. Он говорил, что открыл во мне гонщика, а в себе – тренера. Теперь мне нужно было много учиться. И я прилежно училась у Кристиана. Брат вкладывал в меня всю душу, разрываясь между тренировками, соревнованиями и автомобильным бизнесом, который мы уже имели в России.

Реальность эластична. Самое важное в жизни происходит случайно, а временное часто становится постоянным. Так случилось и с моей карьерой автогонщика.

Австралийские авторалли, город Перт, ноябрь 1999 года. Тринадцатый этап всемирного чемпионата. Зрителей – тысячи. Жара около тридцати градусов выше нуля.

В семь утра второго дня чемпионата стартовала первая – из девятисто шести – машина. В тот день предстояло пройти пятьсот восемь километров, в том числе десять специальных скоростных этапов – общим протяжением сто тридцать три километра.

– Господи, пожалуйста, пошли мне удачу! Мне так страшно ...-

– Это здоровый страх, – успокаивал меня Кристиан. – И потом, сама посуди – сегодня первое место за Колином Макреєм или Томми Макиненом. Не за нами. Пока ... Значит, смотри на вещи проще. Ну, поехали...

Этот день выдался для гонщиков трудным, изнуряюще горячим, для многих неудачным. Макинен потерпел аварию и пришёл четвёртым. Шотландец – третьим. Третий день гонок опять всё переиграл. Последний, четвёртый, подвёл результаты.

После пройденных за все гонки 1423 км наступила психологическая разрядка. Усталость. Мы сидели в ресторане под открытым вечерним небом неподалёку от отеля и потягивали через соломку экзотический коктейль.

– Неплохо, совсем неплохо, – Кристиан закурил.

Мне было всё противно. Противно, потому что раздражала жара – хоть я и надела длинное шёлковое платье прямо на голое тело. Какая гадость! Как они вообще живут здесь? Есть совсем не хочется, по-английски говорят так, что ничего не поймёшь, змеи ... Я чувствовала, что меня начинает мутить от боли в спине, прикрыла глаза и оперлась головой на руку.

– Плохо. Серо. Посредственно. А знаешь почему? Ты программируешь меня по заниженным требованиям. Я понимаю, после большой аварии на Сафарском ралли в Кении, ты хочешь, чтобы я поверила в себя, чтоб...

– Кристиан, – перебивает меня брат. – Как ты себя чувствуешь? – он дотрагивается до моей руки и с беспокойством заглядывает в лицо.

– Спасибо, дорогой, терпимо. Смертельно устала, но ещё жива.

– Значит отдохнуть! – он пытается встать из-за стола.

– Смотри, 109 очков получила Toyota. Бах! Первое место. 89 – Subaru, второе. И даже третье за Mitsubishi. А? У тебя не напрашивается никаких выводов из такой статистики?

– Ну вот, сама видишь – ты не виновата.

Об остальном поговорим с утра.

Кристиан опять поднимается и тянет меня за руку.

– Да, подожди ты! Помнишь, мы были у родителей в Канаде? Помнишь, ездили на Аляску и встретили там старого индейца, когда наша каноэ перевернулась в быстрой холодной реке и мы, мокрые, еле выползли на берег? Помнишь, что он сказал? *Если это случилось с тобой – значит ты виноват.* Может, зря мы зациклились на Свене? Он, конечно, отличный парень, но ... Ездил же ты на Mitsubishi, когда тебе было столько лет – сколько сейчас мне.

– Слушай, у тебя лицо всё белое. Сильно спина болит? Может хочешь, я тебя отнесу или врача позвать?

– Я подожду, а ты принесёшь таблетки. Что подумают, если ты меня на руках потащишь?

– Ха! Что они подумают? Подумают, что ты женщина, которую я люблю, и позавидуют!

– Крис, не будь нудным. Сходи, а потом посидим ещё немножко. Где Свен?

– О'кай, о'кай. Уже иду. – Кристиан взял со стола Camel, прикурил и направился к выходу.

Я отпила глоток шампанского и прикрыла глаза руками. Каждый километр пройденной трассы гудел в моём теле. Конечно, полторы тысячи – плёвое расстояние, но жара, напряжение ... Вообще-то, мне не хотелось сейчас никаких разговоров. Я знала заранее всё – что скажет мой брат. *Достаточно! Нужно уметь остановиться. Гонки – это только шоу-бизнес, не более ... Жизнь – важнее побед.* Да, но для меня – уже больше не шоу. Это и есть моя жизнь. Другой у меня не будет. Ничего уже не будет так, как могло бы быть... Я не могу без высокой скорости, без привычного запаха бензина, без наших бесконечно дорогих машин... Скорей бы домой, на море. Надоело всё. Отдохнуть. Просто отключиться от всего. Ни о чём не думать, ничего не слышать и не слушать. Да, но к двадцатому надо быть в Англии. Следующий этап уже через две недели. Там будет холодно, грязно...

Надо тщательно проверить – как Свен подготовит Focus. Ехать «шесть-дно»... На шестой передаче, с нажатым до конца акселератором при дождливой погоде с сильным туманом ... Что-то Олафсен последнее время пить стал больше... или мне кажется ...

– Hallo! Не помешаю? – Услышала я незнакомый голос с акцентом, который прервал мои размышления.

– Servus, – ответила я, неохотно поднимая голову.

– Я тележурналист из Эстонии. Юхан Паакконен, – он скромно улыбнулся.

– И? – я не заметила, как скопировала своего брата.

– Очень приятно с Вами встретиться. Хотел поббеседовать, если позволите ... Я не вовремя?

– Поговорите лучше с братом, – мне было не до него и я, не особенно думая о приличии, не стала поддерживать разговор. Юхан положил визитку на стол и тактично удалился.

– Ну, вот. Сегодня заказали, вчера уже поставили, – брат протянул мне таблетки и стакан с соком. – А кто это был? – он кивнул в сторону удаляющегося журналиста. – Что он от тебя хотел?

– Он не от меня, он от тебя хотел.

– И?

– Ну, что тыечно и, и ... журналист он.

Мир далёк и широк

После четырнадцатого этапа Чемпионата мира в Великобритании мы, наконец-то, отправились домой. Хотелось устроить себе просто отдых – без тренировок, встреч, забот и проблем.

Вот он – наш старый дом. Дом Свена Олафсена неподалёку. Пока нас не было, его родители приходили к нам растапливать печь и убирать немного. Поэтому дома тепло. Здесь живёт наше детство. В зале – старинный рояль с канделябрами-рыцарями тефтонского ордена, большой овальный стол с резными стульями, комод. На нём семейные фотографии в старинных серебрянных рамках, шкатулки с золотыми и серебрянными украшениями. В углу шкаф-витрина. Там дедушкины кубки: серебрянные, фарфоровые, керамические – с крышками и фигурками, с памятными надписями Барону Рейнхольду фон Райнбах. На другой полке потемневшее от времени венецианское зеркало в коже с изображением Loreley и вытесненными золотом словами *Das hat mit ihrem Singen Loreley* ... последнее слово совсем стёрлось, не прочтёшь ... хоть, я его и знаю, но всё же, иногда упорно пытаюсь разглядеть. Нет, ничего не получается ... Другие полки занимает антикварная посуда. Её много, но я знаю каждую тарелочку, рюмочку, чашку, фигурку. Рядом с витриной штатиф для фехтовальных шпаг, несколько шлемов для фехтования. Это было любимое занятие нашего отца, Генриха фон Райнбах. Около камина кресло-качалка с пледом. На стенах чучела и рога животных – символы охотничьих побед. В пространстве между роялем и витриной – небольшая старинная кушетка. В углу над фехтовальным штативом – телевизор. На полу мягкий ковёр, окна под гранатовым плюшем. Полумрак. Покой и надёжность. Германия.

Сразу налево моя комната, бывшая детская. Та же кровать с шотландским шерстяным покрывалом, комод с ящиками для белья. На нём множество баночек с крема-

ми, флаконов с духами, над ним – зеркало. Рядом большой сундук с игрушками. По другую сторону кровати – шкаф с одеждой и глубокое кожаное кресло, на котором всегда набросаны вещи. Здесь я родилась, здесь мне исполнилось шестнадцать, теперь двадцать семь.

Мой день рождения, Рождество, новый 2000 год – я мечтала все эти праздники провести в Италии. Кристиан всегда потакал моим капризам. Ему даже в голову не приходило – отказать мне в чём-то. Поедем ...

Отдохнув несколько дней дома, Кристиан вместе с Олафсеном начал готовить машины. Мы почти всегда ездили – каждый на своей. У меня – как и у брата – комплекс *сидения справа*. Если приходится ехать пассажиром, мне кажется – водитель всё делает неправильно с одной единственной целью – меня угробить. Одни нервы!

Я тоже начала собираться. Укладывать чемоданы. Джинсы, свитера, бельё, майки, кожаные куртки, обувь, халаты ... у-у-ф! Потом я подумала, что было бы неплохо купить новых вещей для праздников. Я одела голубые джинсы, розовый пуховый свитер с высоким воротником, кожанную короткую куртку и сапожки с меховой опушкой. Пошла в гараж к брату.

– Хочу поехать купить нам что-нибудь, дай машину.

Кристиан, не вылезая из-под капота, кинул мне ключи.

– Поменяй мне свечи, – крикнула я ему, садясь в старенькую BMW – свою запасную.

– Позже, baby, ещё не время. Будь осторожна!

Я вернулась часа через три, с полным багажником громадных свёртков и упаковок. В комбинезоне механика брат вышел мне навстречу. Он вытирал маслянные руки тряпкой. Поцеловал в лоб, когда я вышла из машины. Я почувствовала – он чем-то расстроен.

– Наши российские партнёры по бизнесу очень торопят с приездом. Они настаивают на встрече в декабре... подозреваю, там не всё ладно. Иначе зачем такая спешка?

– Но, Крис, как же с отдыхом?

– Подумаем, родная, подумаем ...

После ужина мы пили красное вино у камина. Брат закурил:

– Придётся немного изменить план, – он глубоко затянулся. – Если у тебя всё готово, завтра же выедем, но не в Италию, а во Францию. Знаешь, весёлый Париж даже больше подходит для дня рождения, чем романтическая Италия. Поедем через Нидерланды и Бельгию. Ну а после четырнадцатого – сразу в Россию. Возьмём E 50 через Саарбрюккен до Праги, потом через Познань на Калининград. Далее Литва – Латвия – Санкт-Петербург.

Так мы и сделали. День рождения У Максима. Чехия, Польша. Города, пограничные пункты – мы продвигались сравнительно быстро. Через Олыштын мы подъехали к границе с Россией – Багратионовск. Однако, довольно скоро выяснилось, что это милитаризованный пограничный пункт – проехать можно только через Мамоново. Сто пятьдесят пять километров вдоль западной границы мы едем лесами, маленькими польскими деревнями, где на нас смотрят, как на инопланетян. Торопимся, рискуя застрять в бездорожье, но всё-таки подъезжаем к границе с опозданием.

– Крис, какой-то кошмарный сон! А нам обязательно в этот Петербург? Смотри, на что похожа моя машина, как после ралли – на ней «лица» нет!

Что будем дальше делать? Граница – закрыта!

Да, тоненькая дорожка, ведущая в Русь, была перекинута шлагбаумом, на котором красовался аккуратненький замочек. Пограничная будка рядом была одиноко пуста.

– Ну, потерпи, пожалуйста, не капризничай. Сама знаешь – сколько денег у нас вложено в это предприятие. Вернёмся в приграничный город, заправимся, поужинаем.

Несколько километров – и мы уже в польском ресторанчике при бензозаправке.

– Что будет паненка? Что пожелает пан? – Сама любезность.

– Крис, бери что-нибудь с собой и поедем спать.

Больше всего мне хотелось спать. Пока брат набирал с собой пакеты с горячими сосисками и польскими салатами, я прошла быстро по заправке, купила напитки и сигареты, села в машину. Крис подошёл ко мне и, передавая через окно продукты, заботливо спросил:

– Всё о'kay, baby?

– О'kay, просто засыпаю...

– Может хочешь – я отвезу тебя в гостиницу, а потом вернусь перегоню свою?

– С ума сошёл, – я включила зажигание и рванула с места. Сон я копила с самого Максима. Но я умею отключаться за рулём и отдыхать, ведя машину автоматически, не думая. Так, можно сказать, я проспала всю дорогу от Парижа.

Литва. Декабрьский дождь и неприветливый ветер. После нашего Северного моря, однако, это не разочарование и не осложнение в пути. Брат ведёт свою несравненную гоночную машину. Она действительно великолепна. Кристиан собрал её сам, взяв за основу Турбо Озелла-мотор. Одноместная, с облегчённым ярко красным, как у Шуми, кузовом – машина развивала свыше 310 км/час, выводя на 100–километровую скорость за 3,8 секунды. Мощная и эффектная она вызывала зависть не только у любителей, но у профессионалов. С большим трудом брату удалось

получить номера и зарегистрировать машину в дорожной полиции. С тех пор он гонялся только на ней – по городу, стране, за границей. Мечта каждого автогонщика – ездить в жизни, вне гонок и тренировок, на гоночной машине – осуществилась. Свою мечту Крис назвал *Летающим ангелом*.

Несмотря на то, что Кристиан – из-за проблем со зрением – уже не занимался автогонками профессионально, мне было трудно не отставать от него. Моя двенадцатилитровая BMW в три раза превышала по весу и уступала по манёвренности. Времени я начинала злиться. За последние годы я часто занимала призовые места на разных автогонках, но сейчас не могла обойти брата. Нам никак не удавалось ехать просто. Мы невольно ввязывались в соревнования друг с другом. И Кристиан был всё время лучше меня. Он играл со мной, как кошка с мышкой: отставал, пропуская вперёд, потом нагонял и проезжал мимо, приветливо улыбаясь и помахивая рукой. Ехал опережая, пока позволяли дорожные условия, затем нырял в ряд машин и опять незаметно пропускал меня вперёд. Неожиданно обгонял снова и снова.

Я устала, разозлилась на него и себя, встала у обочины, включив аварийный сигнал. Через пару минут Кристиан подрулил к BMW, вышел из машины, закурил.

– И? ... Мы устали и обиделись ... А сдаёмся?

Я сверкнула глазами и недовольно отвернулась.

– Меняемся? – предложил он и галантно приоткрыл дверцу моей машины.

Я нерешительно вышла.

– Крис, мы не дома и не на ралли...

– Вот именно! Немножко забудем о хорошем воспитании! – он озорно подмигнул мне, заводя тяжёлый мотор BMW.

Ах! Если я и дальше буду раздумывать, он опять скроется из виду!

Я быстренько погрузилась в его машину, точнее сказать – легла. Завелась, тронулась. Стремительно набирая скорость, я, действительно, забыла, что мы не дома и не на полосе... Без труда нагнала Криса, «легла» на него на вираже, рванула вперёд и практически одновременно заметила полицейскую машину. Литовский полицейский самоотверженно бежал наперерез, интенсивно размахивая светящейся палочкой и требуя остановиться.

Я встала. Тут же затормозила чёрная BMW, из которой вышел мой брат.

– Вот видишь, не так уж медленно ты и едешь. Сейчас тебя поздравят от литовской стороны! – бросил он беззаботно и направился к полицейскому, который в тот момент уже подходил к моей машине.

Полицейский непременно хотел говорить со мной. Но брат ненавязчиво отодвинул его, протянув документы и загорев меня своей мощной фигурой. Я сидела, уткнувшись носом

в руль. К дорожному полицейскому подошла симпатичная девушка в униформе. Она дружелюбно улыбнулась мне, заглянула в машину и взяла под козырёк. Я посмотрела на неё с интересом, пригласила сесть ко мне. Мы перешли в BMW. Молоденькая политесса увидела фотографию на панели.

– He’s yours husband? – Она показала пальцем в серебрянном перстне на фото, затем кивнула в сторону Кристиана.

– My brother, – ответила я и тоже улыбнулась.

– Aupra, – протянула она мне руку.

– Nice to meet you, Aupra. I’m Christiana. Hi!

Мы поговорили минут пять. Краем глаза я наблюдала, как Крис пытался разговаривать с полицейским, комбинируя английский и русский. Получалось у них, откровенно говоря, неважно. В конце концов, Кристиан достал деньги. Видимо, штраф. Скрипя сердце, он отсчитал несколько литовских денежных бумажек и протянул их полицейскому. Я подумала тоже предложить что-нибудь политессе, но она засмеялась и отрицательно покачала головой. Потом быстро нацарапала мне свой телефон и вышла из машины.

– Call me, if you will have problems.

– Ok. Thanks! – Я отдала ей свою визитку.

Брат, наконец-то, сел в свою машину и мы тронулись с места. До Риги оставалось 115 километров, которые мы преодолели без труда, но и без воодушевления, остановившись в находящемся недалеко от города мотеле.

Выгружаясь из машины, Кристиан что-то ворчал.

– Что ты хотел? И потом, как сказано в Библии : *Geben ist seeliger als nehmen!* Отдавать духовней, чем брать!

– Да?

– Yes, my sir!

В мотеле по-домашнему потрескивал камин. Слева от входа, видимо, был ресторан. Оттуда доносился вкусный запах жареного мяса, приятно тихо звучала незнакомая музыка. Я подошла к столу администратора и заполнила наскоро формуляр, поставив тричетыре загогулины, которые должны были означать: Кристиана фон Райнбах, 14.12.1972, Германия, Латвия – транзит. На столе стояла элегантная чашечка кофе, в пепельнице дымилась оставленная сигарета, с VIVA чёрные надрывались рэпом, из персонала никого поблизости не было. Я, обвешенная сумками, кинокамерой, фотоаппаратом, ноутбуком и ещё чем-то, постояла немного в нерешительности, потом взяла со стола ключ от номера.

Кристиан тащил чемоданы. На голову он нахлобучил мой шлем для гонок, на шею висела спортивная сумка.

– Ну? – Он запыхался и выплюнул сигарету. – И?

Я помахала ему перед носом ключом.

– Слушай, Кристин, всё давно хочу спросить: зачем тебе столько вещей, если ты всё равно кроме джинс и спортивного комбинезона ничего не одеваешь?

– А это всё твои вещи!

– Ну да! – Кристиан не знал – верить ему или нет.

– Не одеваю! А вдруг одену? И, вообще, какой же ты гад! Твоя сестра ... едва кофе утром попьёт – мчится на тренировку. Восемь часов ежедневно. Добраться туда-сюда, принять душ и переодеться, пообедать – ещё часа два-три минимум. Потом домой. Там – о тебе чего-нибудь позаботиться... И весь день! Ни минуты на себя!

– Я – гад, безусловно. Но твой брат готовит тот кофе, который мы пьём, ездит туда-сюда с тобой же на тренировку, и если не гонится рядом в машине, то стоит с камерой, секундомером или ещё с чёрт-знает-каким-нибудь ключом. Машины, между прочим, иногда выходят из строя, если ты заметила! Звоню. Договариваюсь с массажистом, бассейном, тренером по атлетике ... В шоп – купить пожрать на ночь, потом тоже домой. И там тоже – чего-нибудь о тебе позаботиться.

– Ладно, прости. Я – свинья.

– Не свинья, а маленький, розовенький поросёночек! И я его съем!

Он опустил забрало у шлема и с угрозой геканьем и уканьем, спотыкаясь и путаясь в громадных чемоданах, погнался, как мог, за мной. В коридоре мы чуть было не столкнули средневекового рыцаря в латах, который стоял напротив входа в наш номер, около мозаичного окна. После бега я никак не могла попасть маленьким ключиком в дверь, а брат смеялся, подталкивал чемоданами и потихоньку тыкал в спину шлемом. Наконец, мне удалось вскрыть замок. Дверь неожиданно легко открылась и мы ввалились внутрь. Кристиан, конечно, задел башмаками коврик, споткнулся и упал на меня. В темноте мы заделали что-то, что разбилось с ужасным грохотом. Пока мы поднимались, в дверном проёме появилась женщина. Наверное, это её мы не дождались. И вот – она. Стоит. Смотрит. Молчит.

Кристиан осторожно приподнял шлем.

– Ну вот, тебе сегодня уже второй раз везёт! Может опять полиция подскочит?

Но женщина никого звать не стала. Она немножко странно посмотрела на нас. Улыбнулась и потихоньку удалилась.

– О’кай, теперь мне надо позвонить, – произнёс Крис.

Я была рада, что брат всегда и всюду звонил и договаривался обо всём сам. Ненавижу звонить по телефону. Ненавижу отвечать на звонки. Стараюсь не включать даже мобильный. Люблю покой. А может, просто ленива. Не знаю. Кристиан называет это эгоизмом.

Вот и теперь, он привычным жестом вытаскивает зубами антеннку своего телефона и набирает номер.

Я цапнула сигарету и поплыла в душ, по пути сбрасывая куртку, джинсы, майку, бикини. Мне хотелось смыть досаду и раздражение, которые накопились за весь день. Стоя под горячими струями, я слушала, как брат говорит с кем-то по-немецки. Смётся. Шутит. Потом открывает бутылку, наверное, колы. Слышу, как он чертыхается. Скорее всего – облился. Вижу, как он протягивает руку в ванну и нащупывает полотенце. Другой звонок. Теперь говорит на-английском. Видимо, его плохо понимают. Слышу русские слова, ещё какие-то, похожие на польский. Наконец, его голова просовывается ко мне и он, недовольно поморщившись от жаркого воздуха, спрашивает:

– Кристин, что будем пить: Мускат, Метаксу или Греческий кагор?

Я поразмыслила чуть-чуть, проверяя свои ощущения – чего хочется выпить и хочется ли, вообще ... Наверное, я думаю очень медленно, потому что брат исчезает, не дождавись.

– Ну, что же ты выбрал? – Спросила я, выходя из душа. Халат остался в чемодане и я слегка обернулась полотенцем. Длинные волосы струйками стекали мне на плечи. В ресницах застряли капельки воды. Губы и щёки покраснелись.

– Какая же ты молодая и ослепительно красивая! И моя-я!

Прежде чем я успела что-либо сообразить, Кристиан сгрёб в охапку свою дрожащую добычу и утащил в постель. Наверное, каких-нибудь тысячу лет назад так делали наши предки-викинги.

Забыв обо всём на свете, мы провели тихий вечер – один из самых счастливых в нашей жизни.

– Ради тебя я готов на всё! Я люблю тебя всё больше и больше! Даже во сне я вижу, как мы занимаемся сексом... Твоё сказочное тело, нежная, как шёлк, кожа ...

– Ах, Крис, у меня тоже вся жизнь в тебе! Ну и в спорте немножко!

– Немножко?

– Угу, совсем чуточку. И потом, ты сам

меня втянул, хотя я и не жалею ... Мне нравится ... Я счастлива во всём ...

– Моя дорогая, маленькая девочка, как я люблю тебя, если бы ты знала, – произнёс он грустно улыбаясь. – Я хочу делать всё, что в моих силах, только бы ты была счастлива. Я потерял с тобой рассудок, но ты ... ты должна иметь настоящую семью, детей!

– Заткнись! Не нужна мне никакая семья, кроме тебя, – я прижалась к его мощной груди. – Забудь! Не смей! – Мне стало страшно от мысли, что я могу его потерять. Так жутко бывает, когда вдруг ночью проснёшься от мысли, которую почему-то хочешь навязать тебе сознание: *а вот такая она, деточка моя, смерть ... пустота и темнота. И никого там нет – ни тебя, ни рая, ни ада... Материалисты правы... Правы в самом плохом ... Однажды наступит день, а ты просто не проснёшься вместе со всеми, твоё личико не будет улыбаться, твоё тело не сможет чувствовать, твоё сознание не вспыхнет мыслью – потому что тебя просто не будет! Никогда больше! Ты боишься расстаться со своим телом. Ещё страшней расстаться с сознанием. А смерть отберёт у тебя и то и другое. Навсегда! Вот это и будет вечностью... всеобъясняющей правдой... бесконечностью ...*

– Крис! Никогда, слышишь? Никогда больше не говори мне об этом!

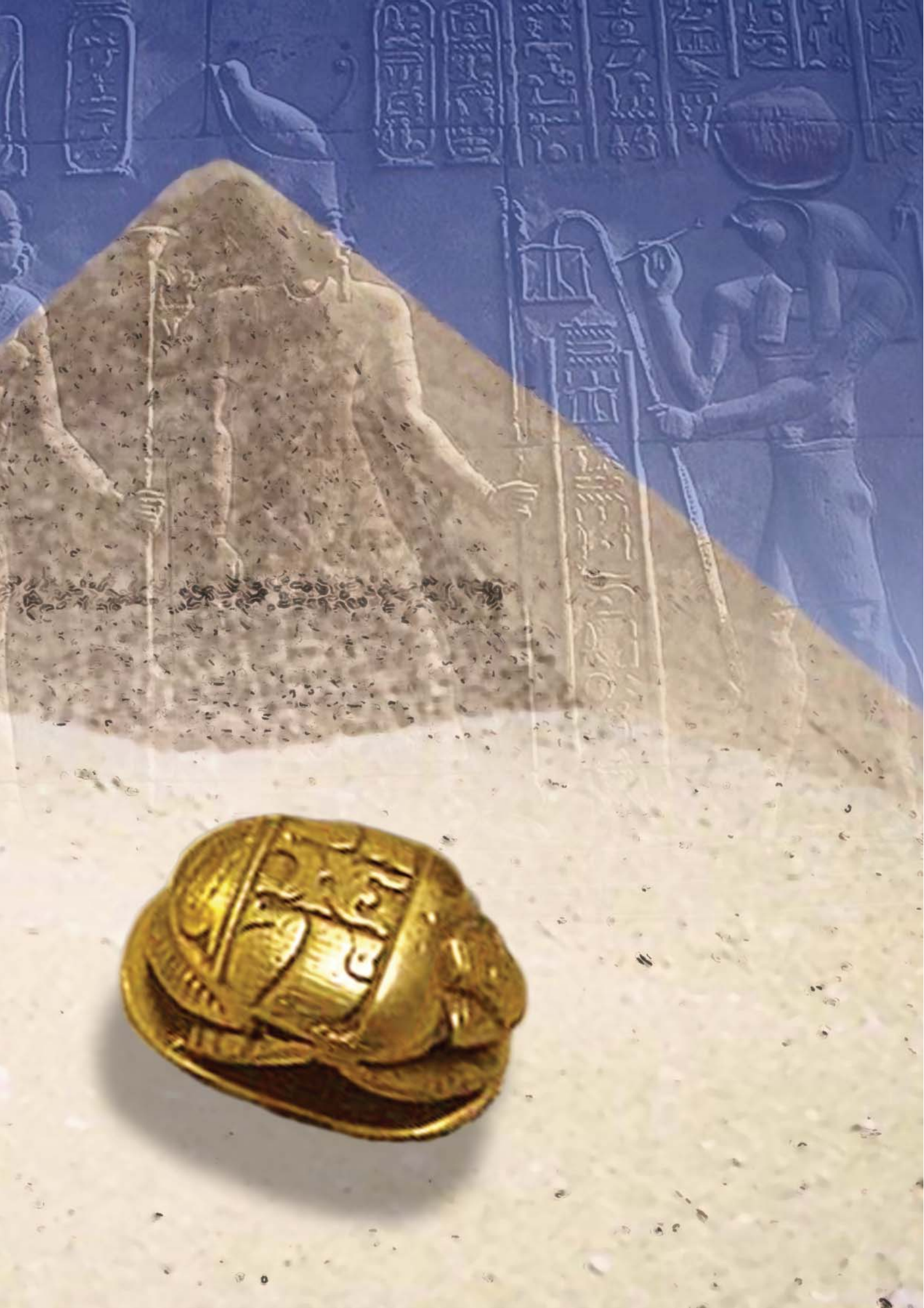
– Excuse me, извини, я не хотел тебя раздражать, – он целует меня осторожно и нежно. Господи! Какое счастье! Я стихийно прильнула к его губам. Его руки ищут мою обнажённую грудь. Мой язык скользит в его рот. Крис нащупывает мой волнистый бархат и наслаждается, почувствовав влагу в своей руке. Через мгновение я чувствую в себе его силу, молодость, любовь, красоту ... Вот он – смысл жизни ...

Мы тихонько болтали в темноте, лаская друг друга с нежностью...

На следующий день надо встретиться с журналистом Юханом Паакконеном и выехать в Петербург, где было оговоренно поучаствовать в ралли, решить вопросы, связанные с нашим автомобильным бизнесом в России.

Зеркальный Храм

(Древнеегипетская рукопись)

Духи, которые нападают на людей,
Выходят из могилы,
Злые поветрия
Выходят из могилы,
Чтобы потребовать уплаты долгов
И возлияний в свою честь,
Они выходят из могилы.
Всё то,
Что подобно дуновению ветра
                                выходит из могилы,
И есть зло.

(Первая ассирийская клинописная табличка)

Злой Дух, Злой Демон,
Злой Призрак, Злой Дьявол,
Выходят из земли,
Выходят из подземного мира
На поверхность земли,
На небесах их не знают,
На земле их не понимают,
Они не могут найти ни покоя,
Ни утоления голода и жажды.
(Вторая ассирийская клинописная табличка)

Преподобный доктор Монтэгю Соммерс,
«История Вампиров»

Этот папирус был случайно обнаружен в стенной трещине одного из дворцов фараона Сенусерта во время раскопок, ведущихся неподалёку от Великих Пирамид. Текст рукописи несколько сокращён и передан, по возможности, ближе к современной терминологии. Раскопки останков дворца в настоящее время продолжаются.

Перевод рукописи

Меня зовут Иннака. Я представитель древнего аристократического рода. Пока у меня есть время, я хочу изложить на папирусе всё случившееся, по возможности избегая неточности повествования и каких-либо сокращений. Времени очень мало.

Недавно мы – группа аристократов, недовольных фараоном Сенусертом – пытались поднять восстание и совершить государственный переворот. Причин для этого находилось достаточно. Тут была экономика – весь товарооборот государства был монополизирован фараоном, с чем не хотели считаться крупные

торговцы, примкнувшие к заговору. Тут была и веская политическая причина – Сенусерт желал заключить союз с хеттами*, что нам, разумеется, было совсем не по душе. Имел место так же религиозный конфликт – ходили слухи, что фараон тайно поддерживает жрецов и служителей запрещённого культа Сэта**, а посему все недовольные тоже примкнули к нам – нас решили поддержать жрецы Амона-Ра*** с Верховным Жрецом Кагабой во главе. Словом, для переворота было ещё множество других поводов – Египет нуждался в лучшем правителе.

Нас было около пятидесяти знаменитейших фамилий, возглавляющих восстание. Меня, Джехути и Бату выбрали вожаками. Всё должно было свершиться через трое суток – причём свершиться успешно: мы располагали сильной армией, нас поддерживали агенты из-за границы. Однако, среди нас оказался предатель, который – да будет проклята его душа! – польстившись на золото Сенусерта, выдал ему весь заговор с головой. О, это случилось только вчера!.. Весь цвет египетской аристократии был уничтожен или брошен в темницы. Лишь несколькими нашим сторонникам удалось бежать – но разве за ними не следуют беспрестанно шпионы фараона? Разве они смогут вернуться в Египет до смерти Сенусерта?

Итак, я, подобно многим заговорщи-
кам, был арестован и брошен в темни-
цу Фив. Со мною в одном помещении
содержались Джехути и Бата; кроме
них – Менхуперра, историк-толкователь
«Книги мёртвых»,^{****} двое братьев-
писцов Хаперкара и Хори, командую-
щие армией Египта Схетелибра и
Анупу – всего восемь человек. К нам
была приставлена усиленная стража. В
темницу донеслись слухи, что Великий
Жрец Амона-Ра Кагаба уже казнён.
Массовые избиения процветали на
улицах столицы. Люди прятались в
домах и в тени оазисов – но не было
места, где можно было бы укрыться от
шпионов Сенусерта.

Совершенно неожиданно фараон распорядился переправить нас из столицы в пустыню – он явно опасался, что наши сторонники будут пытаться освободить лидеров заговора. Таким образом, нас рассадили поодиночке в закрытые колесницы – и ночью, усиленно охраняемых, доставили в пустыню, на запад от Великих Пирамид. Там находилась тайная резиденция фараона. Мы недоумевали, зачем Сенусерту понадобилось перевозить нас с места на место – не проще ли было бы попросту казнить нас ещё в Фивах? Ответа на это никто не знал; и вот через сутки, поздно ночью, мы были доставлены в один из подземных казематов под дворцом Сенусерта в пустыне. Нас опять собрали вместе и втолкнули в темницу, которая не имела никаких отверстий, кроме двери и освещалась единственным факелом на стене.

Когда нас развязали и охрана покинула помещение, я призвал друзей к твёрдости духа; сказал, что аристократия отомстит за нас, а может, и свергнет фараона даже в сей момент кажущегося проигрыша. Я знал, что вряд ли такое произойдёт, но дух моих друзей был полон борьбы и в темнице. Мы все знали, что подлежим смерти, однако было томительно ожидать, когда же фараон отдаст последнее распоряжение.

Усиленный наряд стражи приносил нам пищу раз в сутки; обычно это бывало вечером. У нас, конечно, не было окон, чтобы любоваться Солнцем, Великим Ра, но когда стража тушила факел, мы понимали, что там, наверху, наступала ночь; когда же двери темницы, громыхая, открывались и нам вносили новый факел – значит, на земле опять наступало утро. Мы очень скоро привыкли к такому распорядку – может, от безысходности, а может, от желания взглянуть в глаза самой неизбежности. Мы полагали, что нас поодиночке будут выводить на допросы, однако этого ещё ни разу не произошло. И мы коротали время в беседах, вспоминали прошлое и с каким-то иступлением думали о будущем. Время шло весьма однообразно в темнице, размеры которой составляли десять на пятнадцать шагов.

Первое событие случилось четверо суток назад: когда утром появилась стража, принеся с собою факел и укрепив его на стене, мы с удивлением обнаружили, что в темнице нас

осталось только семь человек – Джехути исчез. На наши расспросы стража ничего не ответила – им было запрещено вступать с нами в диалоги – и мы пытались всемером решить загадку исчезновения друга. Само собою напрашивалось единственно верное решение – ночью, пока мы спали, его увели на казнь. О его возможном побеге нечего было и думать, ибо из темницы не было иного выхода, кроме двери, тщательно охраняемой людьми фараона; да и в случае побега неужели Джехути не поднял бы всех нас? О, нет, даже нашим сторонникам вряд ли было известно о месте нашего заключения!.. Джехути не появлялся – и мы окончательно уверились в том, что его душа уже пребывает где-нибудь на полях Иалу*****.

На следующее утро мы проснулись только вшестером – Схетепибра пропал, подобно Джехути. Мы решили, что, наконец, пришло время и нам расставаться с жизнью – каждой ночью фараон, теща своё удовольствие, казнит по одному заговорщику. Следовательно, из нас уже никого не останется через шесть дней...

Хаперкара исчез на следующее утро, чем подтвердил правильность нашего предположения. Потом за ним последовала очередь Анупу... Каждый вечер после тушения огня мы прощались друг с другом, ибо не знали, кто и кого не досчитается с утра. Но во мне всё это время тлела, подобно углям на жаровне, какая-то мысль, ухватить которую я не мог по вине крайнего возбуждения. Вечером нам принесли еду и мы поели, после чего стали прощаться – ведь нас оставалось только четверо, а утром будет на одного меньше! После этого я лёг на пол темницы и – как это ни странно для нашего положения – спокойно заснул.

Утром наши глаза уже не увидели Бату – только миска с недоеденным мясом стояла на том месте, где ещё вечером уснул наш друг и товарищ. Мы вознесли за него молитвы Анубису, Птаху***** и другим богам, после чего в раздумьях разошлись по углам темницы. Я думал, что любая из трёх последних ночей будет моей последней – и потому был спокоен. Смерть меня никогда не пугала, ибо я знал, по какой причине вскоре предстану перед могущественным тронном Осириса*****.

Я сел на пол, опёршись спиной о стену – и тут мысль, давно терзавшая меня, оформилась вполне ясно – и я

уже не мог спокойно размышлять о смерти. Пропавшие друзья не были казнены – теперь я был твёрдо уверен в этом. Зачем фараону тащить на казнь спящего человека, да ещё и посреди ночи? Сенусерт любил всю помпу казни и никогда не упустил бы случая обставить её, как религиозную церемонию. Почему он не сделал этого днём? И, что смущало и настораживало меня более всего – как это можно было сделать ночью? Итак, нужно совершенно бесшумно открыть дверь; должны войти воины фараона, разбудить человека, вывести его из темницы – и всё это надо сделать беззвучно!!! Добавьте сюда неожиданное действие света нескольких факелов стражи и возможные крики ведомого на казнь – неужели мы не проснулись бы?! К тому же следует принять во внимание особую чуткость сна у приговорённых к смерти. Да мы просто не могли бы всего этого не услышать! Одна только дверь темницы распаивается с таким грохотом, что услышит и покойник... А может, всё-таки побег?.. Нет, я решительно отверг эту версию – стража спокойна, а значит, им известно обо всём. Не могут же они не видеть, что число узников с каждым днём уменьшается. Согласитесь, что это не тяжело заметить, когда в темнице не восемьдесят, а всего только восемь человек.

Здесь, определённо, что-то кроется; и тайна исчезновения наших друзей – тайна только для нас, но не для стражи. Я внезапно вспомнил, что любой мой сон в этом месте ни разу не сопровождался сновидениями. Меня это весьма удивило, ибо мозг человека, приговорённого к смерти, должен неминуемо работать и во время сна. Значит, на меня – да и на остальных – воздействуют каким-то образом извне, чтобы сон был глубоким и непрерывным. Только в этом случае из темницы можно вынести хоть слона в боевом облачении – никто не услышит. Нашим тюремщикам, следовательно, остаётся только одно – сыпать сильное снотворное в пищу; другого средства заставить нас спать мёртвым сном у них нет. Я решил проверить эту свою версию и потому не брать вечером ни крошки из принесённого съестного. Может, мне удастся разузнать, что случилось с моими друзьями...

Так я и поступил, несмотря на сильно мучивший меня голод: когда стража принесла пищу и забрала факел, я, оставаясь подобно моим

друзьям в полной темноте, стал усиленно чавкать, изображая страстное поглощение продуктов. Через минуту мы пожали друг другу руки и разлеглись по своим углам.

Мои опасения получили подтверждение более чем наглядно – через некоторое время стены темницы стали содрогаться от храпа, издаваемого моими товарищами. Я решил проверить, насколько сильно действие снотворного и, подползая к Менхуперре, слегка шлёпнул его ладонью по ноге. Он спал, как и ранее. Тогда я достаточно сильно толкнул его и стал громко шептать ему на ухо: «Вставай, кругом измена!» – но мой друг даже не шелохнулся. И я стал нещадно тормошить его, дёргать за волосы – никакой реакции в ответ не последовало. Мои друзья спали непробудным сном – действие снотворного оказалось необычайно сильным и я не имел понятия, когда же оно заканчивается. Наверно, к утру – и без головной боли; это я хорошо знал по себе.

Итак, я лежал в темноте, ожидая чего-то – чего же? – что должно было пролить свет на таинственное исчезновение моих друзей. Время тянулось бесконечно медленно – и мучительно было ожидать того, о чём не имеешь ни малейшего представления.

Я находился в полном неведении относительно времени, которое прошло с момента моей попытки разбудить Менхуперру, когда вдруг услышал еле уловимый ухом звук щелчка. Внезапно в одной из стен темницы распахнулась потайная дверь – и на меня хлынул поток света. На пороге темницы, держа в руке факелы, стояли три фигуры – одна впереди и две сзади; последние в руках имели лёгкие носилки. Мне не пришлось затратить сколько-нибудь труда, чтобы при свете языков пламени разглядеть характерную одежду жрецов тайного и запрещённого культа Сэта, в которую были наряжены вошедшие. Значит, Сенусерт действительно имел с ними тесную связь, на что явно указывало их появление ночью в его доме, да ещё из тайного хода.

Они довольно громко говорили между собой, ничуть не опасаясь, что их могут услышать – ведь они вполне могли положиться на действие снотворного препарата – и это было вполне оправданно, за маленьким, впрочем, исключением. Я наблюдал за их движениями сквозь опущенные ресницы и

всеми силами старался не выдать в себе бодрствующего. Главный среди них – с золотым венцом на голове – указал пальцем на Хори и произнёс:
- Берите этого... За остальными вернёмся позже.

Его прислужники положили моего товарища на носилки и направились к тоннелю за потайной дверью, который мне был хорошо виден с моего места. Это был коридор, превосходно освещённый факелами – правда, я мог видеть его только до поворота – который вёл явно дальше, за пределы дворца Сенусерта.

- Идите, я вас догоню! – вдруг сказал старший жрец, поднимая факел над головой. Двое с носилками отправились по тоннелю и вскоре исчезли за поворотом; еле-еле доносились до меня их гулкие шаги. Тем временем жрец, вытянув перед собою факел, направился зачем-то к Менхуперре.

Я оценил ситуацию мгновенно – передо мной открывалась возможность к бегству. Конечно, я могу попасть в руки жрецов Сэта; я даже не знаю, куда ведёт подземный тоннель – но это был шанс испытать судьбу. Это – лучше, нежели сидеть в темнице, в бездействии ожидая неминуемой смерти. На поясе жреца висел кинжал – это значило, что я не буду совсем уж безоружен при возможном столкновении с врагами; к тому же я хорошо владею таким оружием. Правда, если против меня будет полсотни человек, то кинжал не поможет мне; однако я смогу продать свою жизнь по самой высокой цене.

Это решение сложилось в моей голове молниеносно – гораздо больше времени ушло на его описание: я вскочил с пола подобно священной кошке и в два прыжка очутился возле жреца, который никак не ожидал нападения в этом месте. Выбив факел из его рук, я вцепился ему в горло – и через мгновение всё было закончено. Я схватил кинжал и, – совершенно не знаю, зачем, – сунул за пояс имеющийся у него свиток тонкого папируса с письменными принадлежностями. Теперь они пригодились мне больше кинжала, но разве тогда я мог бы догадываться об этом?..

Выскочив в коридор, я осмотрел устройство дверного замка – он открывался нажатием на рычаг со стороны тоннеля. Когда я закрыл её, слышался едва различимый ухом щелчок. Итак, путь мой был свободен – но куда он вёл?

Я медленно двигался по коридору. Дойдя до поворота, я осторожно выглянул – тоннель был пуст. Носильщики были далеко впереди – их уже совсем не было слышно. Вдалеке был виден ещё один поворот. С кинжалом в руке, весь в напряжении, я шёл по тоннелю, отмечая про себя, что, судя по пройденному расстоянию, я действительно миновал дворец фараона и сейчас нахожусь вне его, но только на подземном уровне.

Всего я прошёл около полумили, никого не встретив на своём пути. По сторонам от центрального коридора располагались другие, меньшие по ширине, однако я решил не сворачивать с главной дороги. Вскоре я услышал шум множества человеческих голосов, который приближался и становился всё яснее по мере моего продвижения вперёд. Я замедлил шаг и стал идти с большей осторожностью, оглядываясь по сторонам и назад ещё чаще. Так, осторожно ступая, я вышел к двум лестницам, одна из которых вела вниз, а другая – вверх. Поскольку человеческие голоса доносились снизу, то я решил остановить свой выбор на верхней лестнице и, пригибаясь, побежал по её ступеням до самого конца.

Я оказался на площадке, с которой мог посмотреть вниз и разузнать причину такого шума. Содрогаясь от страха, я сделал это – и только тогда содрогнулся от настоящего мистического ужаса.

Как я не умер после увиденного?! Каким образом я сохранил свой рассудок – дабы описать увиденное и услышанное ради тех, кто ещё только будет жить через три тысячи лет?! Да, несомненно, я остался в разуме только потому, что кто-то должен беспристрастно поведать нашим потомкам о том кошмаре, что таится в самом сердце египетской пустыни...

Я смотрел вниз – подо мною был словно грот, в котором было полным-полно людей. Их были тысячи, миллионы... А потом я догадался, что передо мною – Зеркальный Храм. Не людей были тысячи – тысячами были тут зеркала: они устилали полы, потолки, стены – всё без исключения! Лишь только очень сосредоточившись можно было понять, что людей во Храме не более шестидесяти – остальное было только иллюзией. Меня бросило в ужас: значит, Зеркальный Храм существует на самом деле; значит, это не сказка, которой египетские матери пугают

своих непослушных детей?! Значит, действительно существует вне времени и пространства ужасное Общество Бессмертных, которое культивирует и множит Зло к последнему моменту прихода своего бога – злобного Сэта?! Я разглядел и его мерзкое изображение в самом сердце Храма, перед алтарём – каменную статую огромного Мендесского Козла, глаза которой горели ярким пламенем.

Как я понимал, это было собранием Общества Бессмертных Зеркального Храма бога Сэта. Один из жрецов – явно Верховный Жрец – воздел руки к статуе Мендесского Козла и вокруг сразу воцарилась тишина. Около его ног стояли носилки со спящим Хори. Вот с какой речью жрец обратился к собранию:

- Бессмертные во имя Сэта! Наконец-то прошла ещё тысяча лет. Успехи, которых мы достигли, превосходят все ожидания – Бог Сэт нами доволен! – при этих его словах глаза статуи запылали ещё ярче. – Мы достигли огромных возможностей в Тайном Искусстве. Мы – Бессмертны, и только ждём приказа нашего бога, чтобы захватить в свои руки власть над всеми землями. Мы научились управлять погодой; мы управляем человеком; мы ниспровергаем все законы бытия! Ничто не может остановить нас! Однако, богу Сэту кажется, что мы ещё не полностью подчинили себе мир – ещё не время появиться Злу в своём Ужасном Воплощении. Нам известно время. Это произойдёт через три тысячи лет, согласно нашим астрологическим расчётам. И что такое три тысячи лет для нас, Бессмертных, которые неподвластны тлению и распаду? Мы проведём это время в дальнейших изучениях магии и служении Великому Злу...

- Жрец! – перебила его одна из фигур в одежде личной стражи фараона. – Я обязан доложить нашему повелителю о достигнутом вами за тысячу лет.

- Повелитель у нас один – Сэт! – злобно ответил жрец. – Что ж, расскажи Сенусерту о том, что ты видел здесь!

С этими словами он посмотрел на моего спящего друга, лежащего у самых его ног и воскликнул:

- Проснись и встань!

Хори вскочил на ноги без всяких признаков сна. Жрец сунул ему в руку кинжал:

- Ударь меня в сердце!

Хори, этот добрейший человек, никогда не сотворил бы убийства без причины; но он, ничуть не колеблясь, замахнулся на жреца. И когда он опускал руку, жрец громко воскликнул:

- Стой! – Кинжал замер на расстоянии ладони от груди жреца. – А теперь убей себя. – последовал его новый, равнодушный приказ.

Хори без промедления вонзил острую сталь себе в сердце и, обливаясь кровью, упал бездыханным к ногам бессмертного убийцы. Маг сделал движение рукой – и тело Хори вспыхнуло синим пламенем. Через мгновение от него ничего не осталось, даже пепла. Статуя Мендесского Козла довольно заурчала.

- Сэт принял жертву! – громогласно объявил жрец изумлённому от этого колдовства слуге Сенусерту. – Иди и передай фараону, что ты видел – и скажи, что это только пустяки. Бессмертные способны на большее... Фараон хорошо сделал, что принял нашу сторону – когда-нибудь он станет подобным нам. – продолжал жрец, оглядывая собрание. – Передай ему, что с юга идёт огромная песчанная буря, колоссальной силы ураган, который через несколько часов похоронит под толстым слоем песка Зеркальный Храм, дворец фараона и даже несколько не особенно высоких пирамид его предшественников. Для людей это будет выглядеть природным бедствием – ведь им никогда не станет известно, что ураган вызван нами для нашего плана! Мы, Бессмертные, погребённые под песком, выждем эти три тысячи лет в сердце пустыни. Мы будем творить и дальше дела Тьмы, совершенствуя технику, с помощью которой Сэт вместе с нами появится на поверхности и завладеет Вселенной... Над нами будут жить люди; будут сменяться цивилизации; рождаться и умирать различные религии – а мы будем здесь, глубоко от поверхности, и никто о том не узнает до нашего исхода... Но когда мы восстанем, – голос жреца ужасал своей торжественностью, – тогда Господство Зла будет безраздельным – и мы будем не слугами Его, а повелителями!!!

Собрание упало на колени перед статуей Мендесского Козла после его слов. Затем царедворец опять обратился к жрецу:

- Сенусерт говорит, что вы можете забрать остальных бунтовщиков-аристократов из темницы и принести их в жертву богу Сэту; а если у вас нет

такого желания, то утром он сам насладится их казнью – Иннаки, их вождя, в особенности.

После этого собрание зашумело и стало расходиться в боковые коридоры, поэтому я не смог услышать ответа жреца касательно своей судьбы. Я спустился по лестнице в тоннель и двинулся обратно – мне было всё равно, куда направляться. Я прекрасно понимал – выбраться отсюда живым нет никакой возможности. Либо меня казнит фараон – либо я лягу на алтарь зловещего Сэта. А если не то и не другое – меня так или иначе погребёт под собою песок; я останусь в этом коридоре, пока не умру с голоду – ведь я не принадлежу к Бессмертным. И тут меня осенило: раз у меня есть свиток папируса, то я просто **ДОЛЖЕН** написать потомкам о сегодняшнем дне – вдруг они каким-нибудь чудом получат моё послание! Но где его спрятать? Здесь его неминуемо обнаружат и уничтожат жрецы; а ведь оно должно попасть наверх, хотя бы через тысячу лет! Я вспомнил о расщелине в стене моей темницы: там – владения фараона, которые вскоре будут засыпаны песком... Жрецы не найдут свитка, да и искать не станут. А там, может, моё предупреждение попадёт в руки людей оттуда, с поверхности...

Вернувшись тоннелем в темницу, я поспешно открыл потайную дверь. Там всё было по-старому: жрец лежал мёртвым так, как я оставил его лежать, а Менхуперра спал. Значит, никто не заметил моего отсутствия. Тогда я укрепил факел на стене темницы, закрыл потайную дверь и стал писать при ярком свете огня. Кинжал мой лежит рядом и я, при случае, обязательно им воспользуюсь...

Я написал то, что написал, и не знаю, сколько прошло времени; и что там сейчас наверху – день или ночь... Ах, как бы мне хотелось увидеть Солнце!!! Теперь я спрячу в расщелину своё послание людям будущего... Менхупер-

ра спит, бедный... Мне кажется, что я слышу шаги врагов из-за какой-то из двух дверей...

(На этом месте рукопись обрывается. Из текста можно предположить, что либо автор покончил с собой на полу темницы, либо за ним пришли жрецы или стража фараона, чтобы отвести его на казнь.)

Недавно с места раскопок были получены сообщения, что учёными обнаружена сеть коридоров-тоннелей, расходящихся от места нахождения манускрипта в разные стороны. Все они засыпаны песком. Наличие тоннелей на такой глубине позволяет предположить существование ещё более низких уровней, о которых упоминает автор свитка. Но, Боже, если это – правда, то что же должно открыться во время дальнейших раскопок! К тому же учёные в один голос заявляют, что папирус написан около трёх тысяч лет назад! Какие же ужасы ожидают человечество, если описываемые в рукописи события – непреложная истина?

* племя, враждебное египтянам (прим. авт.)

** древнеегипетское тёмное божество, эквивалентное европейскому Сатане (прим. авт.)

*** верховное божество Солнца в древнеегипетской мифологии (прим. авт.)

**** основной оккультно-мистический труд древнеегипетских жрецов, трактующий о пребывании души в загробном мире (прим. авт.)

***** рай для праведников и воинов согласно мифологии Древнего Египта (прим. авт.)

***** Анубис – бог мёртвых; Птах – покровитель хорошей судьбы и города Фив (прим. авт.)

***** Осирис – справедливый судья загробного мира; во многом, согласно древнеегипетской мифологии, эквивалентен Христу (прим. авт.)

Развитие общего культурного пространства еврорегиона «НЕМАН»

Мариямпольское бюро еврорегиона «Неман» вместе с партнерами с ноября 2006 г. приступит к реализации проекта «Развитие общего культурного пространства еврорегиона «Неман» в рамках программы приграничного сотрудничества Тасис, частично финансируемого партнерами проекта.

Бюро (как основной партнер проекта) будет осуществлять проект при сотрудничестве с Калининградским историко-художественным музеем, администрацией муниципального образования «Гусевский городской округ», администрацией муниципального образования «Черняховский городской округ», администрацией муниципального образования «Озерский городской округ», администрацией муниципального образования «Краснознаменский городской округ», автономной некоммерческой организацией «Агентство регионального развития Надрува» Калининградской области, администрацией Пунской волости.

Общая стоимость проекта около 252.000 евро (в т.ч. 226.800 евро – финансирование из программы Тасис, 25.200 евро – средства партнеров), которые будут реализованы в течение 23 месяцев.

Цель проекта – развитие культурного сотрудничества на территории еврорегиона «Неман» между Калининградской областью, приграничными регионами Литвы и Польши. Для достижения этой цели необходимо поощрять общие действия в осуществлении задач по развитию культуры и культурного туризма в Калининградской области, приграничных районах Литвы и Польши еврорегиона «Неман», местным жителям и иностранными посетителям создать условия для ознакомления с культурным наследием, поощрять знакомство с культурой и историей Калининградской области, Литвы и Польши. Целью проекта также является уменьшение культурной периферийности приграничных районов, пропаганда и развитие культурной самобытности и культурной привлекательности Калининградской области, Литвы и Польши, увеличение открытости, формирование привлекательного образа еврорегиона.

Проектом предусматривает разработку плана действий по сохранению культурного наследия и использованию его в интересах общественности, основное внимание которого будет уделено регионам Дайнава/Дзукья, Надрува и Судува/Сувалькия. Учитывая разработанный план, в Калининградской области (регион Надрува) будет выбрано 5 основных объектов культурного наследия, а также будут составлены технические проекты с целью реконструкции этих зданий и использования их для развития туризма или в интересах общественности. Также предполагается создать базу данных культурного наследия и культурной индустрии, а также создать 2 культурно-информационных центра в музее им. К.Донелайтиса (Нестеровский р-н) и в Черняховск, обеспечить их компью-

терной техникой, оборудованием для бюро, мебелью. Центры будут предоставлять информацию о культурном наследии, об истории регионов, художественных коллективах, различных праздниках, культурных мероприятиях, возможностях культурного туризма не только на территории, входящей в проект, но и в соседних территориях. На первом культурно-художественном форуме еврорегиона «Неман» будет рассмотрена возможность целенаправленного развития культуры в рамках приграничного сотрудничества и будет выработано стратегическое направление развития культуры. На празднике «Живое ремесло», который будет проводится в июле (августе) 2008 г. (предполагается в Старом замке), будет демонстрироваться бытовая утварь, одежда, украшения, оружие жителей, проживавших в этом крае 1000-2000 лет назад, а также будут изготавливаться различные старинные изделия. На празднике можно будет приобрести различные изделия. В рамках на нескольких языках будут выпущены информационно-культурные буклеты в количестве 6000 шт. и 6000 шт. карт, знакомящие с культурным наследием Дайнавы, Надрувы и Судувы, туристическими маршрутами и другой туристической информацией. Разработаны 2 новые заявки по поиску дополнительных средств на 2008-2010 гг. на продолжение выполнения задач проекта, реконструкцию объектов культурного наследия и осуществление других культурных средств.

Разработанный проектом общий план по сохранению культурного наследия и использования его в интересах общественности, в рамках проекта организованные общие мероприятия и выпущенные буклеты об участниках проекта и другие общие результаты углубят общее понятие о взаимосвязи культурного наследия жителей Калининградской области, приграничных регионов Литвы и Польши, укрепят культурные связи между Калининградской областью, Литвой и Польшей, а также окажут воздействие на их культурную целостность, подчеркнут особенности культуры каждой страны, дадут возможность распространения национальной культуры, создадут возможность в установлении тесного межкультурного диалога, создадут, оживят и укрепят традиции приграничного сотрудничества, которые получают постоянный и продолжающийся аспект, активизируют культурный туризм в Калининградской области, Литве и Польше, представят перспективы дальнейшего приграничного сотрудничества, обмена информацией, разработки общих проектов и участия в них.

Реализованный проект поможет установить дружественные связи между Калининградской областью, Литвой и Польшей, поможет в развитии культурного туризма, организации общих праздников, мероприятий, участия в различных общих проектах и таким образом поможет в развитии дальнейшего сотрудничества в ближайшем и далеком будущем.

С.В. Шибает

доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ихтиологии и экологии Калининградского государственного технического университета;

А. Домаркас

заместитель директора Литовского Государственного центра по рыбоводству и рыбохозяйственным исследованиям.

Общая характеристика проекта ТАСИС «Развитие научно-технического обеспечения условий воспроизводства рыбных запасов пограничных водоемов Литвы и России»

Рыболовный сектор имеет огромное значение в экономике Российской Федерации и граничащей с ней в пределах Калининградской области Литовской Республики. Россия и Литва совместно эксплуатируют рыбные запасы трансграничных водоемов, к которым относятся Куршский залив, озеро Виштынецкое, реки Неман и Шешупе с их бассейнами. Управление данными водными биологическими ресурсами лежит в зоне ответственности обеих стран, в отличие, например, от ресурсов Балтийского моря, которые находятся под юрисдикцией Европейского союза и Российской Федерации.

Куршский залив является одним из наиболее продуктивных водоемов лагунного типа в восточной Европе, в котором промысловая продуктивность достигала 60-80 кг/га в год. Здесь добывается более 90% всех уловов внутренних водоемов Литвы. Еще 15-20 лет назад в Литовской части Куршского залива уловы составляли около 2 тыс. т., а Российской – 5-6 тыс.т. В последние же годы промысловые уловы в Литовской части Куршского залива уменьшились до 1.3-1.4 тыс.т., а в Калининградской области – 2.0-2.4 тыс. т. Низовья Немана фактически остались единственной рекой Литвы, в которой ведется промысел (годовые уловы здесь достигают около 130 т). Значительное место в рыбном хозяйстве имеет и другой пограничный водоем – оз. Виштитис (Виштынецкое), где обитают такие ценные виды как ряпушка и сиг. В озере Виштынецком в 1970-е годы уловы достигали 40 т., а в последние годы не превышают 5 т.

Несмотря на высокую значимость трансграничных водоемов для рыбного хозяйства, им уделяется сравнительно небольшое государственное внимание. Для целей восстановления и воспроизводства рыбных запасов в только 10% выращенной в Литве молоди выпускается в Куршский залив. Отсутствует система международной координации управления и восстановления водных биоресурсов, гармонизированные правила рыболовства и контроля. Это приводит к таким парадоксальным ситуациям, когда, например, специализированный лов сельди в Куршском заливе в пределах Литовской республики запрещен, а в Калининградской области он ведется достаточно интенсивно, обеспечивая вылов до 40 т. И на оборот в Калининградской области запрещен лов кумжи, и она даже

внесена в Красную книгу, а в Литве он возможен.

В результате снижения запасов и падения уловов экономическая результативность рыболовного сектора, а также связанных с ним различных видов деятельности резко снизилась, что привело к возникновению социального кризиса в прибрежной зоне, который не разрешен до сих пор.

Основные проблемы рыбного хозяйства на трансграничных водоемах могут быть сформулированы следующим образом.

1. Рыболовный сектор в обеих странах использует единые запасы промысловых рыб, мигрирующих из национальной зоны одной страны в другую и обратно, однако применяются различные системы управления, охраны и разная законодательная база.

2. Происходит снижение биологического разнообразия трансграничных водоемов в связи с воздействием различных экологических факторов, и, в первую очередь, загрязнения. Так, например, за последние 30 лет в Куршском заливе были потеряны запасы сига, рыба. Это снижает эффективность промысла.

3. Рыбохозяйственный кадастр пограничных водоемов, в особенности на малых озерах и реках, ранее не проводился, в связи с этим отсутствуют данные по их экологическому состоянию и рыбохозяйственной ценности, приемной емкости для искусственного зарыбления. Не существует системы информационного обмена, с помощью которой можно было бы использовать имеющиеся данные для планирования и реализации природоохранной и хозяйственной деятельности.

4. Недостаточно взаимодействие между различными государственными и частными структурами, а также рыбаками и общественностью, связанными с рыбной отраслью, как внутри каждой страны, так и в трансграничном аспекте (не существует обмена технологиями, опытом, нерационально используются рыбаководные возможности, научный потенциал). Вместе с тем, интеграция всех участников является необходимым элементом устойчивого развития рыбохозяйственного сектора, повышения занятости населения и выработки обоснованных мероприятий по охране природы.

5. Система подготовки специалистов в уни-

верситетах в каждой из стран ведется в соответствии с национальными требованиями и программами. В результате студентам не известны приоритеты соседних стран, их законодательная база и система управления биологическими ресурсами приграничных водоемов. Это приводит к трудностям в решении вопросов трансграничного управления.

6. В приграничных водоемах почти не развивается рекреационное рыболовство, которое по опыту других стран может обеспечить эффект использованию тех же самых рыбных запасов в 5 раз выше, чем при обычном промысле.

Даже если Россия и Литва по отдельности предпримут какие-либо действия для возрождения рыболовного сектора, все равно, устойчивое развитие отрасли в настоящее время не может быть обеспечено ввиду множества проблем трансграничного сотрудничества, которые сложились исторически, и продолжают усиливаться. В частности, в связи со вступлением Литовской Республики в Европейский союз неизбежно произойдут изменения в законодательной базе, системе управления рыбной отраслью, ее приоритетами.

В отличие от существующего изолированного национального управления отдельными участками водных экосистем вполне очевидна необходимость внедрения бассейнового принципа управления, согласно рамочной водной директиве ЕС, применительно к водным биоресурсам озера Виштынецкого, Куршского залива, р. Неман и других водоемов.

Решение этих проблем возможно в рамках реализации международного проекта Тасис «Развитие научно-технического обеспечения условий воспроизводства рыбных запасов в трансграничных водоемах Литвы и России», который и рассматривается в настоящей статье.

Цель проекта: Повышение эффективности сотрудничества по обеспечению устойчивого рыболовства, воспроизводства рыбных запасов и сохранение биологического разнообразия в пограничных водоемах Литвы и Калининградской области РФ.

Организаторами проекта выступили три организации:

1. Литовский государственный центр по рыбозапасам и рыбохозяйственным исследованиям - отвечает за восстановление рыбных запасов и исследования рыбного хозяйства. В Шилутском районе это учреждение имеет филиал в Русне, а в Клайпеде – Клайпедскую лабораторию по исследованию рыбного хозяйства.

2. Ассоциация «Лампетра» - ассоциация литовских рыбаков.

3. Калининградский государственный технический университет (КГТУ), который является одним из старейших рыбохозяйственных университетов в Европе (основан в 1913 г.). КГТУ - головной вуз в России по рыбохозяйственному образованию, осуществляет подготовку бакалавров и магистров по направлению «Водные биоресурсы и аквакультура» и специалистов по специальности «ихтиолог-рыбовод». КГТУ выполняет экологический и рыбохозяйственный мониторинг на внутренних водоемах Калининградской области (реки,

озера, водохранилища), проводит научно-исследовательские работы по разработке биотехники искусственного воспроизводства рыб.

К выполнению задач проекта будут привлечены эксперты из наиболее важных рыбохозяйственных организаций Калининградской области, к которым относятся:

1. Западно-балтийское управление по воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства (Запбалтрывод), которое осуществляет государственное управление федеральными водными биологическими ресурсами, отвечает за искусственное воспроизводство рыбных запасов во внутренних водоемах Калининградской области

2. Атлантический научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (АтлантНИРО), выполняющий рыбохозяйственный мониторинг и прогнозирование уловов в Куршском заливе. Кроме того, АтлантНИРО проводит научно-исследовательские работы по разработке биотехники искусственного воспроизводства рыб.

3. Калининградский областной союз рыболовцев колхозов, который является крупнейшим рыбодобытчиком и осуществляет большой объем работ по рыбозапасам и мелиорации водоемов.

Достижение поставленной в проекте цели будет осуществляться по различным направлениям, связанным как созданием научно-методической основы управления и воспроизводства водных биоресурсов, так разработкой технических средств, а также политических и институциональных инструментов. Дадим краткую характеристику задач, которые будут решаться в процессе выполнения проекта.

Задача 1. Интегрированная оценка современного экологического состояния пограничных водоемов.

В настоящее время имеется многолетние данные по отдельным характеристикам экосистемы Куршского залива, однако данные по другим трансграничным водоемам отсутствуют. Необходимо провести полевые рыбохозяйственные исследования, и обобщить имеющиеся материалы, дав современную экологическую оценку среды обитания промысловых рыб, условий их воспроизводства, а также возможности восстановления и поддержания рыбных запасов на необходимом уровне за счет искусственного воспроизводства. Кроме того, материалы, полученные в результате проведения полевых исследований, а также анализа фондовых источников послужат одним из разделов кадастра рыбохозяйственных водоемов.

Задача 2. Создание рыбохозяйственного кадастра пограничных водоемов.

Рыбохозяйственный кадастр, как основа управления рыбохозяйственной деятельностью, до сих пор не создан не только на международном уровне для трансграничных водоемов, но даже внутри одной страны. Основными элементами рыбохозяйственного кадастра должны стать морфологические, гидролого-гидрохимические параметры водоемов, данные о состоянии рыбодобывающей базы, промысловая статистика, а также законодательная база рыбо-

ловства обеих стран и система управления водными биоресурсами. В основу создания кадастра будет положена геоинформационная технология, позволяющая создать серию кадастровых карт, например, рыбохозяйственное районирование водоемов, размещение предприятий отрасли (рыбодобывающих и воспроизводящих), дислокация промысла, ограничения рыболовства в пространственно-временном аспекте, а также карты, характеризующие биологию добываемых видов рыб – распределение, пути миграций, нерестилища и т.п.

Итогом разработки рыбохозяйственного кадастра станет одноименная монография, написанная на русском и литовском языках, которая послужит справочником для предпринимателей, связанных с рыбной отраслью, экологов, студентов, туристов.

Задача 3. Разработка банка данных рыбободно-биологических обоснований и биотехнологий воспроизводства ценных видов рыб в трансграничных водоемах. Создание такого банка данных станет основой для научно-технического обоснования инвестиций в воспроизводство водных биоресурсов трансграничных водоемов, как со стороны государства, так и со стороны предпринимателей. Обмен опытом применения технологий выращивания рыб между литовскими и российскими специалистами, проведение совместного анализа эффективности искусственного воспроизводства позволит подойти к оценке потенциальной емкости трансграничных водоемов для искусственного рыборазведения. До настоящего времени такого согласования не происходило. В более широком смысле это позволит подготовить программу и двухстороннюю концепцию воспроизводства водных биоресурсов, согласно международным и национальным правовым актам.

Задача 4. Создание информационно-аналитической системы (ИАС) и инфраструктуры рыбохозяйственного мониторинга. Одним из важнейших факторов эффективной системы трансграничного управления водными биоресурсами является налаживание информационного обмена. С этой целью предлагается создать информационно-аналитическую систему рыбохозяйственного мониторинга, которая позволяла бы собирать и хранить информацию о промысле, биологии рыб, воспроизводстве в универсальном согласованном формате, обрабатывать ее и осуществлять обмен на основе специального взаимовыгодного соглашения. Для разработки такой системы будет использован имеющийся опыт создания двух аналогичных продуктов, которые решали разные задачи. К первой относится информационно-аналитическая система «Рыбвод», разработанная специалистами КГТУ

и эксплуатируемая в течение более 10 лет совместно с Запбалтрыбводом с целью информационной поддержки принятия решений в области управления водными биоресурсами. Вторая система, которая будет использоваться в качестве прототипа – Интегрированная база водного мониторинга Калининградской области, созданная в процессе выполнения проекта Tacis ENV 9803 «Мониторинг и управления водными ресурсами Калининградской области».

В результате решения вышеперечисленных задач станет возможно проектирование объединенного Литовско-Российского центра воспроизводства рыбных запасов и мониторинга, который будет способствовать реализации инновационных проектов воспроизводства рыбных запасов.

Задача 5. Подготовка специалистов для рыбного хозяйства на основе согласованных программ обучения, повышение их квалификации, обмен опытом, увеличение природоохранной сознательности и усиление сотрудничества, расширения и осуществления взаимовыгодных связей.

Задача 6. Подготовка стратегии расширения рекреационного рыбоводства в приграничных водоемах. Решение данной задачи позволит в последующем подойти к организации нового международного проекта по развитию рекреационного рыболовства в трансграничном аспекте.

Распространение результатов проекта будет осуществляться за счет реализации следующих действий:

1. Выпуска трех монографий: «Рыбы трансграничных водоемов Литвы и России», «Рыбохозяйственный кадастр трансграничных водоемов Литвы и России», «Озеро Виштынецкое», буклетов и статей, а также сообщений в СМИ.

2. Проведения международной конференции, нескольких семинаров сотрудников рыбохозяйственных организаций, студенческих конференций. Кроме того планируется организовать Виштитис-форум, на котором для модельного водоема – озера Виштынецкого будут отрабатываться принципы и методы управления трансграничными водными биологическими ресурсами и в целом экосистемой водоема.

3. Проведение лекций и семинаров для студентов, участия их в научных исследованиях на трансграничных водоемах.

4. Создания веб-сайта проекта, на котором будут отражаться основные мероприятия проекта, материалы конференций, семинаров, статьи и методики.

Реализация цели и задач проекта соответствует цели программы «Добрососедство» «Охрана окружающей среды улучшению эффективного использования энергии и поощрению использования новых источников энергии».